

БОРЬБА КЛАССОВ

6-7

1931 г.

МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОМАКАДЕМИИ ЦИК СССР

РЕДАКЦИЯ: СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 11, ТЕЛ. 3-91-48 ИЗДАТЕЛЬ: ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ («Огонек»)

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Существуют революционные даты, которые являются важнейшими историческими вехами, определяющими путь борьбы различных классов за политическое господство, важнейшие, решающие этапы этой борьбы. Такова Великая французская революция 1789 г., такова революция 1848 г. в Европе, таков 1871 г. во Франции. Каждая из этих революций, некоторые из которых представляют классический тип революций, вносит каждый раз принципиально новое в борьбу классов. Опыт этой борьбы обязан изучить пролетариат каждой страны, используя для себя уроки революции, ошибки и успехи своего класса в этой борьбе.

С этой точки зрения изучение русской революции, революционного движения в нашей стране представляет огромное значение как для историка, так и для каждого сознательного пролетария.

При этом основным вопросом для пролетариата при изучении истории революции является вопрос о власти, «вопрос о том, какой класс свергается и в руки какого класса переходит власть» (Сталин).

В этом смысле Ленин говорил о трех поколениях, трех классах, действующих в русской революции. «Сначала,—писал Ленин в статье о Герцене,—дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури»,—звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря — это движение масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их, впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 г. Следующий начинает расти на наших глазах» (Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 468 и 469).

Если брать высшие точки этого движения в истории русской революции, то ими будут 14 декабря 1825 г., когда часть дворянства пыталась опрокинуть крепостнический полицейский строй царского самодержавия, 1 марта 1881 г., когда партия «Народной воли», собрав всю свою энергию, направив главные силы на убийство Александра II, мечтала о воплощении в жизнь своей народнической программы. Если восстание декабристов до известной степени было отголоском Великой французской революции, то нет никакого сомнения, что на народническое и народофильское движение семидесятых—восьмидесятых годов, теоретически опиравшееся на теории утопического социализма, на утопические теории «русского» социализма, оказало огромное влияние революционное движение пролетариата, в особенности восстание парижских рабочих 1871 г. Еще более велико было влияние примера Парижской Коммуны, влияние всего опыта международного рабочего движения на русскую революцию 1905 г. Значение этого опыта мы никогда не преуменьшали; наоборот, с самого начала возникновения нашей партии мы воспитывали пролетарские массы в сознании необходимости учиться на опыте революции других стран. Мы не отказываемся от наследства, которое нам оставили предшествующие революционные поколения, мы берем их революционный опыт, формы их организации, опыт их борьбы, вкладывая в них новое классовое содержание, опираясь на революционный рабочий класс.

Революция 1905 г. была исключительно богата по своему собственному опыту, именно в этой революции всплыли наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия, разрешить которые должна была революция.

«Жизнь становится необыкновенно богатой, — писал Ленин, — на политическую смену активным борцам выступает масса, всегда стоящая в тени, отчасти поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностным наблюдателем. Эта масса учится на практике у всех перед глазами, делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, проверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач. И как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв, — ничто и никогда не сравнится по своему значению с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы» (Ленин, собр. соч., т. VIII, стр. 73).

Революционный опыт 1905 г. был необыкновенно богат. Рабочий класс испытал все средства борьбы, начиная от январского коленопреклоненного «бунта», массовых демонстраций и всеобщей стачки до вооруженного восстания, соединенного со всеобщей стачкой. Он научился привлекать на свою сторону массы, он научился бороться за армию; он создал могучую революционную организацию; он сделал первые опыты создания революционной армии. Он поставил на разрешение величайшие вопросы, накопленные историей. Он был гегемоном Великой русской революции. Он не смог победить в этой революции; но он знал, что от его победы зависит успех международной революции.

Ленин неоднократно подчеркивал это международное значение первой русской революции. Он рассматривал эту революцию как пролог международной пролетарской революции. Он был уверен в том, что победившая русская революция встретит поддержку революционного пролетариата в других странах и, в свою очередь, даст толчок движению в целом ряде стран. Он высмеивал тех «западных европейцев», которые рассуждают о русской революции таким образом, как будто события, отношения и средства борьбы в этой отсталой стране имеют очень мало сходного с западно-европейскими отношениями и поэтому вряд ли могут иметь какое-либо практическое значение. «Нет ничего более ошибочного, чем такое мнение, — говорил Ленин в своем докладе 9 января перед швейцарскими рабочими в 1917 г. — Несомненно, — говорил он, — формы и выводы грядущих боев и грядущей европейской революции будут во многих отношениях отличаться от соответствующих отношений русской революции. Но несмотря на это, русская революция, именно благодаря своему пролетарскому характеру, в том особом значении

этого слова, о котором я уже говорил, остается прологом грядущей европейской революции. Несомненно, что эта грядущая революция может быть только пролетарской революцией и при этом в еще более глубоком значении этого слова: пролетарской, социалистической и по своему содержанию».

Если революционный 1905 г. «окончательно пробудил от сна самую крупную и самую отсталую страну Европы и создал революционный народ, руководимый революционным пролетариатом», то он в то же самое время вызвал ответное движение в целом ряде других стран Востока, он оказал свое влияние и на страны, расположенные на Западе. Чем решительнее становится борьба пролетариата в капиталистических странах, тем чаще они вынуждены обращаться к этому опыту русской революции, сочетавшему величайший революционный размах с использованием всех революционных методов и средств борьбы, с исключительной организован-

ностью передового авангарда пролетариата и его большевистской коммунистической партии. Тем большее значение имеет Октябрьская революция 1917 г., поставившая у власти пролетариат.

Октябрьская революция внесла столько принципиально нового в историю классовой революционной борьбы пролетариата, она дала такой могучий толчок развитию пролетарского движения во всем мире, революционного движения во всех странах, что изучение истории этой революции станвится с каждым днем все более и более актуальной задачей для всякого участника мирового коммунистического движения. Но революция 1905 г. была прологом социалистической революции, а Октябрьская революция 1917 г. была уже началом социалистической, пролетарской революции, пролетарской не только по формам борьбы, но и по ее содержанию.

Октябрьская революция опрокинула целый ряд ходячих представлений об условиях победы пролетариата, об условиях, обеспечивающих успех социалистической революции. Эти ходячие представления насаждались, усиленно культивировались оппортунистическими «социалистическими» партиями именно потому, что они отодвигали в интересах буржуазии, откладывали на долгие годы момент решительной схватки с классовым врагом, момент завоевания власти пролетариатом. В противовес этим мелкобуржуазным теориям, что социалистическая революция может быть совершена сначала только в странах, где созрели вполне условия для перехода к социалистической форме хозяйства, сначала в передовых капиталистических странах, Октябрьская революция выдвинула факт завоевания власти пролетариатом в одной из самых отсталых стран Европы, факт осуществления и существования первого в мире пролетарского социалистического государства в течение вот уже сорока лет. Этот факт стал возможным в силу закона неравномерности экономического и политического развития капиталистических государств, когда оболочка капиталистического государства может быть прорвана при наличии соответствующих революционных условий.

Этими условиями в 1917 г. были, как указывал Ленин в «Детской болезни левизны»: «1) возможность соединить советский переворот с окончанием благодаря ему капиталистической войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно могущественных групп империалистических хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличие такого глубокого буржуазно-демократического движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (эсеровской партии, резко враждебной в большинстве своем большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом; таких специфических условий в западно-европейских странах нет, и повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим, помимо ряда других причин, **начать социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам**».

Но вопрос, конечно, не в том, имеются ли в каждой стране такие именно условия. Вопрос не стоит так, что если всех этих условий не будет или нег налицо в той или иной стране, то невозможна и социалистическая революция. Задача революционной партии пролетариата в любой стране состоит в том, чтобы найти для этой страны соответствующий момент для борьбы, чтобы в особых условиях данной страны найти путь к мобилизации масс, к завоеванию масс для свержения власти буржуазии. Если с этой точки зрения изучить опыт революционного послевоенного движения в целом ряде стран, то мы увидим, что в ряде стран большевистские партии не сумели использовать революционную ситуацию так, как это нужно в интересах пролетарской революции, не сумели завоевать массы, а в некоторых случаях даже оттолкнули эти массы неправильной тактикой.

Сила и значение Октябрьской революции, конечно, вырастают оттого, что она совершалась в огромной стране, где еще несколько месяцев перед тем царская монархия управляла судьбами десятков народов и где в течение нескольких месяцев бесильное Временное правительство из буржуазных и мелкобуржуазных партий шло на поводу у империалистических государств, не разрешая ни одного из социальных противоречий, накопившихся годами и требовавших немедленного разрешения. В феврале крахнула царская империя, а в октябре крахнул буржуазный строй огромной страны. Страна сделала сразу гигантский скачек. В Октябрьских боях рождалось новое социалистическое общество. Это были мучительные роды, кровавые роды, но иными они и не могут быть, вопреки всякой болтовне с.-д. о «мирном вращении в социализм», о возможности «конструктивного социализма» и пр. и пр. Роль и международное значение Октябрьской революции, между прочим, и в том, что она поставила перед всеми народами мира образец того, как надо, используя опыт прошлых революций, в том числе и опыт французской буржуазной революции, плебейски расправиться с классовым врагом, беспощадно победить сопротивление классового врага и наступать на своего врага, для того чтобы его уничтожить.

Международное значение Октябрьской революции сказалось не только в том, что она была началом мировой пролетарской революции, что она гигантски двинула вперед все развитие революции (в этом смысле все и в том числе небольшие факты Октября имеют международное значение), а в том смысле, что целый ряд моментов революции вошел и войдет составной частью в любую пролетарскую революцию. Не надо забывать, что период между февралем и октябрём 1917 г. — это период величайшего напряжения сил миллионных народных масс во всех странах, величайшей растраты этих сил в интересах буржуазии, кровавого хаоса, который капиталисты создали в Европе в интересах нового раздела мира между империалистическими государствами.

Поэтому набатным призывом к пролетарской революции прозвучал декрет о мире, прозвучал как надежда для миллионов людей, сидевших в траншеях в крови и грязи, гонимых в атаку в угоду интересам капиталистов. Он был грозным вызовом всему капиталистическому миру. Большевицкая партия учила пролетариат, как нужно переступить любой порог, взять любое препятствие, преодолеть любую крепость на пути революции. Опубликование тайных договоров империалистических хищников было взрывом бомбы для всей капиталистической Европы, для всего капиталистического мира. Миллионы людей увидели хищное лицо империализма, документально засвидетельствовано было, из-за чего идет война, раскрыты грабительские замыслы буржуазных политиков и болтовня ренегатов из II интернационала о том, что эта война — «последняя война», что «после нее наступит всеобщий мир и величайший расцвет производственных сил» и т. п. Октябрьская революция показала всему миру, что выход из империалистической войны может быть только один: превратить войну в интересах капиталистов, войну империалистическую, в войну гражданскую, — повернуть оружие против буржуазии. Может быть, не раз после того, когда в тиши генштабов империалистических государств организаторы империалистических войн и мастера контрреволюционных замыслов обсуждали планы интервенции против СССР, планы новой империалистической войны, призрак Октября останавливал их руку, призрак миллионных масс, обернувших штыки против империалистического государства, останавливал решение об интервенции, ибо это через четырнадцать лет после Октября уже не только «призрак коммунизма», который бродил по Европе в 1847-48 гг.

Это решение о войне, данное Октябрьской революцией, имело громадное значение еще и потому, что оно связано было с решением национального вопроса. Мы выполнили наши обязательства по отношению к народам, входившим в состав России, мы не навязывали им силою союз с советским государством. Ни одно государство не дало бы возможности Финляндии отделиться, располагая такими силами, какими обладало советское правительство. Но именно благодаря

этому решению национального вопроса, когда каждой нации было предоставлено право определить свою судьбу, был обеспечен за советским государством союз советских социалистических республик, обеспечен расцвет жизни десятков народностей, входящих в этот союз, невиданное развертывание творческих сил этих народов под знаменем серпа и молота, под красной звездой и красным знаменем Октябрьской революции.

Не меньшее значение имело решение аграрно-крестьянского вопроса Октябрьской революцией. Бесспорно, никакая коммунистическая, пролетарская партия не сможет успешно бороться, не сможет свергнуть власть буржуазии в своей стране, если она будет игнорировать это решение аграрно-крестьянского вопроса. Аграрно-крестьянский вопрос в России, правда, благодаря запоздалости буржуазно-демократической революции имел решающее значение для революции 1905 г., стоял в центре внимания этой революции. Но и в революции 1917 г. аграрно-крестьянский вопрос играл решающую роль. Ленин смеялся над эсерами, над их претензиями, что мы взяли у них их программу. Хороша, де, партия, если нужно ее свергнуть для того, чтобы выполнить ее обещания, данные ею крестьянам!

Октябрьская революция доделала, на ходу завершила буржуазно-демократическую революцию. Она уничтожила быстро и решительно все остатки крепостнических отношений, уничтожить которые не решалось и не могло решиться Временное правительство.

Меньшевики выступали против признания, что Октябрьская революция является первой социалистической революцией. К десятилетию Октябрьской революции даже Ф. Дан в «Социалистическом вестнике», в своей статье «Десятилетие революции» должен был признать, что «русская революция произошла не только на географическом и социальном рубеже двух миров, но и на исторической грани двух эпох». Правда, меньшевик Дан наивно притворяется: «Назовем ли мы ее вместе с Каутским «последней буржуазной революцией» или с коммунистами — «первой социалистической», и в том и в другом названии одинаково подчеркивается ее рубежный, перевальный характер», писал Ф. Дан. Конечно, это небезразлично, господин социал-интервент, как назвать эту революцию: «является ли она последней буржуазной или первой социалистической». Через четырнадцать лет существования пролетарской диктатуры, когда мы вступили уже в период социализма, когда завершается построение фундамента социалистической экономики в нашей стране, нам нет надобности доказывать, что это была первая социалистическая революция. Она вместе с тем в течение нескольких недель доделала то, что должна была сделать буржуазно-демократическая революция 1905 г., что должны были бы сделать ставшие у власти после Февральской революции партии эсеров и меньшевиков и чего они не сделали. Решение аграрно-крестьянского вопроса в России, конечно, не может служить образцом для всех стран с иными экономическими условиями. Однако нет никакого сомнения в том, что этот опыт является опытом международного значения, что он дает для каждой страны ряд ценнейших указаний. Даже ошибки первого периода советской власти в этом вопросе должны быть учтены и использованы международной революцией. Больше того. Изучение аграрного законодательства в целом ряде стран после Октябрьской революции, изучение аграрных реформ в этих странах показывает, что нередко они были проведены под непосредственным давлением Октябрьской революции, проведены как «противоядие» идеям Октября. После Октябрьской революции в России невозможно стало сохранять в ряде стран остатки феодальных отношений. Буржуазия пошла на уступки крестьянам под прямым впечатлением Октябрьской революции в России.

Основным вопросом Октябрьской революции был вопрос о власти. Нашлись оппортунисты и капитулянты в нашей партии, которые побоялись взять ответственность за создание органов пролетарской революционной власти. Власть советов они представляли себе как коалиционную власть всех «социалистических»

партий. Как известно, часть большевиков вышла даже из состава первого правительства, не желая взять на себя ответственность за организацию пролетарской диктатуры, поддавшись, несомненно, влиянию мелкобуржуазных партий. Октябрьская революция показала не в теории, а на практике, что такое диктатура пролетариата. Это, прежде всего, «самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удесятрено ее свержением в одной стране и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в силе привычки, в силе мелкого производства, ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. По всем этим причинам диктатура пролетариата необходима, и победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной и отчаянной войны не на живот, а на смерть, войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли» (Ленин).

Вот этой-то природы диктатуры пролетариата в социалистической революции в переходный ее период не понимают мелкобуржуазные демократы «социалистических» партий II интернационала. Они не понимают, что «государственная власть одного класса — пролетариата — может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелкобуржуазных партий» (Ленин, «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата»).

Диктатура советского государства была с самого начала союзом рабочего класса с полупролетарскими массами деревни, с деревенской беднотой. Этот союз привлек на свою сторону и основные массы середняка. Формы такого союза менялись на протяжении четырнадцати лет. В продолжение этих четырнадцати лет, середняк то занимал позицию нейтральности, то становился союзником пролетариата, а в последней стадии, в период социалистической реконструкции и коллективизации с.-х. основная масса середняков вместе с бедняками, войдя в колхозы, становится опорой пролетариата.

Октябрьская революция выдвинула новую форму пролетарского государства — советское государство, прообразом которого была Парижская Коммуна 1871 г. Советы должны были сломить старую государственную машину, как говорил Ленин: «вдребезги, не оставляя камня на камне». Вот именно потому, что далеко не всюду мы сломали сразу эту машину «вдребезги, не оставляя камня на камне», именно потому, что в порах нового аппарата в первые годы еще осталось много старого хлама, этот аппарат саботировал, мешал нашему движению вперед, служил бюрократической помехой нашему движению. Советская форма государства как форма пролетарской диктатуры дает возможность на долгом опыте показать непролетарским слоям, что им выгоднее идти за пролетариатом. В этом отношении четырнадцать лет пролетарской диктатуры, четырнадцать лет существования Советов дают ответ не только десяткам миллионов крестьян СССР, с кем идти; массы дали уже этот ответ, став на путь социалистического хозяйства. Для трудящихся всего мира, для рабочих и крестьян всех стран советская форма государства дает ответ, с кем им идти: с буржуазией, которая привела хозяйство всего мира к величайшим экономическим потрясениям, безработице десятков миллионов, к неизбежности новых и новых войн и переделов мира, к беспощадному подавлению всякого освободительного движения, или с пролетариатом, который открыл новую эру в истории — эпоху социализма, невиданных темпов строительства и роста пролетарских сил. Новая форма советского государства дает единственно правильное решение и национальному вопросу, поднимая к жизни народы, бывшие в течение сотен лет объектами эксплуатации, угнетения и всяческого бесправия.

Октябрьская революция и вся история четырнадцати лет пролетарской революции показали правильность одного из важнейших положений Ленина, выдвинутых в 1915 г.: о возможности победы социализма, победы социалистической революции в одной или нескольких странах. Это опрокинуло ходячие представления, насаждавшиеся оппортунистами, о пролетарской революции как об одноактном взрыве во всем капиталистическом мире, который начинается в наиболее «зрелых» странах капитализма. У нас, как известно, против этого бесспорного ленинского положения, оправданного опытом революции, особенно ополчились троцкисты, обвинявшие нас в проповеди «национальной ограниченности». Псиистине у н и в е р с а л ь н у ю ограниченность проявили эти герои фразы, доказывая невозможность победы социализма в одной стране, неизбежность гибели нашей революции, неизбежность столкновения пролетариата с б о л ь ш и н с т в о м крестьянства, неизбежность п о д а в л е н и я этого крестьянства. Псиистине меньшевистскими пророками оказались эти люди. Теперь даже буржуазные политики вынуждены признать, что социалистическая система в СССР упрочилась, что невольно миллионные массы во всем мире с р а в н и в а ю т две системы: систему гнивающего, распадающегося капитализма и полную молодой революционной силы и неисчерпаемых взмсмжностей складывающуюся систему социалистического хозяйства. Строительство социализма в СССР, доказанная возможность этого строительства — вот новый величайший фактор международной пролетарской революции. То, что это социалистическое строительство получило могучие средства агитации и пропаганды — помощь государства, — делает факт успешного социалистического строительства орудием этой революции, ее опорой.

Октябрьская революция показала на всем ее протяжении образец борьбы за массы, борьбы с мелкобуржуазными партиями. В течение пятнадцати лет партия большевиков боролась в рядах с.-д. партии с меньшевиками за влияние на рабочий класс. В октябре 1917 г., когда власть переходила в руки пролетариата, меньшевики, по свидетельству одного из видных деятелей этой партии во время последнего меньшевистского процесса, не знали, есть ли в Ленинграде х о т ь о д н о п р е д п р и я т и е, х о т ь о д и н з а в о д, куда они могли бы обратиться к рабочим. апеллировать к ним против действий большевиков. В течение полутора десятка лет мы боролись за влияние на крестьянские массы против партии эсеров и мы сумели благодаря правильному решению аграрно-крестьянского вопроса повести эти массы за собой в бой против самой партии эсеров. Если эта партия и имела опору в к р е с т ь я н с к и х массах, то она имела как раз опору в з а ж и т о ч н ы х, к у л а ц к и х слоях, которые организовывали вместе с колчаковцами и деникинцами кулацкие восстания против советской власти.

Этот вопрос о борьбе за влияние на массы, о привлечении их на свою сторону является одним из основных вопросов борьбы коммунистических партий во всех странах. Игнорирование этого ведет не только к ослаблению силы — к провалу революции, к срыву ее успехов, к гибели, как это было в Болгарии, в Польше и ряде других стран.

Что же обусловило победу Октябрьской революции? В статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» Ленин указывает на три условия победы большевизма: «1) подавляющее большинство среди пролетариата, 2) почти половина в армии и 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно в столицах и на фронтах армий, близких к центру».

Выше мы указывали также особые условия, сложившиеся во время войны, которые облегчили эту победу. Конечно, нужно было особое сочетание этих благоприятных условий для успеха революции. Однако надо сказать, что не всякая революционная ситуация была использована в интересах рабочего класса. На протяжении этих четырнадцати лет после Октябрьской революции мы имели не мало фактов, когда наличие революционной ситуации в ряде стран не приводило

к победе рабочего класса. Для того чтобы рабочий класс данной страны мог использовать революционную ситуацию, ему необходимо обеспечить ряд условий, на которые указывал Ленин в своей замечательной работе о «Детской болезни левизны». Это, прежде всего, создание самостоятельной классовой политической организации пролетариата — коммунистической партии. Русский пролетариат имел такую партию, закаленную в боях, накопившую величайший опыт, сумевшую связаться с массами на протяжении десятилетней борьбы. Партия большевиков была тем передовым отрядом рабочего класса, который не только беззаветно предан был делу революции, который устоял в самых трудных условиях, сохранив свои основные кадры. Партия большевиков имела ряд качеств к октябрю 1917 г., дававших ей перевес над гораздо более многочисленными противниками, над всеми другими партиями. Одним из первых условий победы пролетарской партии является железная дисциплина в рядах партии. Теперь, спустя четырнадцать лет после Октябрьской революции, еще более подтверждена мысль Ленина, что «безусловная централизация и строжайшая дисциплина являются одними из основных условий для победы над буржуазией». Конечно, эта железная большевистская дисциплина — сознательная дисциплина, сопровождаемая большевистской самокритикой, борьбой с зазнайством и комчанством и другими пороками, «облегчается, как говорил Ленин, правильной революционной теорией, которая, в свою очередь, не является догмой и окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения». Эта дисциплина в собственных рядах большевистской партии невозможна без жесткого размежевания с оппортунистическими элементами. Большевизм вырос и закалился в борьбе с оппортунизмом справа и слева. Победа Октябрьской революции и удержание завоеванной в октябре пролетариатом власти немислимо было без этого жесткого размежевания с оппортунистами, изгнания их из руководящих органов партии.

Одним из условий успеха Октябрьской революции является также «умение отвоевать у буржуазии и у мелкобуржуазной демократии» их «массы, т. е. массы, шедшие за ними, отвоевать посредством революционного удовлетворения их наиболее насущных экономических нужд ценою экспроприации помещиков и буржуазии» (Ленин).

При наличии всех этих условий пролетарская партия должна уметь сосредоточить в решающем месте силу своего удара, напор своей организации. Мы имели во время выборов в Учредительное собрание всего 25% голосов населения. Большевики и эсеры из этого сделали вывод, что за нами нет большинства народа. Мы имели решающий перевес в столицах, решающий перевес в наиболее важнейших воинских частях, армиях и флоте. Мы имели решительную поддержку беднейших слоев крестьянства, наиболее преданных делу революции.

Другим важнейшим условием победы является умение наступать, а не оборонять только революцию. В такие моменты оборонительная позиция является источником гибели. Надо было уметь наступать решительно, не останавливаясь ни перед какими препятствиями.

Нас сейчас мало интересует уже оценка мелкобуржуазными партиями Октябрьской революции. Они упорно не хотели признавать, что эта революция открывает новую эпоху, не хотели признавать прочности ее. Однако надежды на крушение Октябрьской революции теперь окончательно сменились крушением всех их надежд на гибель Октябрьской революции. Правда, белогвардейские газеты все еще занимаются каждый год гаданием на кофейной гуще относительно судеб советского государства. Так, «Руль» 1 января 1927 г. в передовой пишет: «Мы позволяем себе высказать глубокую уверенность, что наступивший год советский режим не переживет». Но вот наступает Октябрьская годовщина 1927 г. «Руль» меланхолически размышляет: «Десять лет все те же большевики, и вечно у них какие-то трудности,

и все-таки оказываются они на своих местах, — уже не неподвижно ли или, во всяком случае, мало подвижно их бытие?».

К 1 января 1928 г. этот же «Руль» горестно признает: «Минувший год обманул возлагавшиеся на него надежды». Но тут же «Руль» пытается обмануть себя и своих читателей еще на один год: «Трудно допустить, чтобы наступающий год проявил гибельную медлительность, и в этой уверенности мы горячо поздравляем наших читателей с новым годом». А через год — опять горестные размышления:

«Нужно сознаться, что два года назад представлялось бесспорным, что к нынешнему новому году советский режим уже отойдет в область кошмарного прошлого. Приходится сделать печальное признание: и сейчас задним числом трудно понять и объяснить, почему предсказание не осуществилось, где скрывается ошибка расчета».

В «Днях» от 10 ноября 1929 г. по поводу двенадцатой годовщины иудушка А. Керенский тоже мечтает: «Двенадцатый раз казенные красные флаги напомнят нам о черном разгроме России. Год, как час в жизни народа. И не будет ли двенадцатая годовщина Октября его двенадцатым последним часом?».

Увы, история ответила всем Керенским, Милюковым, Абрамовичам, Каутским — всем, всем, всем: нет, ни двенадцатая, ни четырнадцатая, ни пятнадцатая годовщина не только не будет последним часом Советского Союза, но с каждым годом Советский Союз становится все более и более мощным фактором международной революции!

Если с.-д. всех оттенков пугали до сих пор пролетарские массы страхами «издержек пролетарской революции», обещали им гораздо более легкий путь победы, то теперь десятки и сотни миллионов рабочих и трудящихся во всем мире знают, что решительный удар, решительная борьба Октябрьской революции дали возможность с гораздо меньшими издержками революции покончить с капитализмом, чем путь, которым шло до сих пор «более мирное» движение в целом ряде стран. Выполнение грандиозного плана социалистического строительства сейчас является уже величайшим фактором, величайшим следствием Октябрьской революции. Без победы Октября оно было бы невозможно. Международная сила и значение Октябрьской революции вырастают с каждым днем благодаря успехам социализма в нашей стране. Конечно, у нас есть недостатки, есть ошибки в работе. Мы беспощадно вскрываем эти ошибки. Подсчитывая наши успехи к четырнадцатой годовщине Октября, мы не забываем наших недостатков, которые мешали нам двигаться вперед. «Но мы можем вполне гордиться, — писал Ленин, — и гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье начать постройку советского государства, начать эту новую эпоху всемирной истории, эпоху господства нового класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала и империалистических войн».

У НАС ЕСТЬ ВСЕ ОСНОВАНИЯ С ПОЛНОЙ ТВЕРДОСТЬЮ И С АБСОЛЮТНОЙ УВЕРЕННОСТЬЮ СМОТРЕТЬ НА БУДУЩЕЕ, ГОТОВЯЩЕЕ НАМ НОВЫХ СОЮЗНИКОВ, НОВЫЕ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РЯДЕ БОЛЕЕ ПЕРЕДОВЫХ СТРАН.

Ленин

КРЕЙСЕР „АВРОРА“

28 февраля 1917 г. команда «Авроры» вместе с рабочими Франко-русского завода, забрав оружие (убив командира, ранив старшего офицера и др.), ушла в город добывать городских. С этого дня команда зажила бурной политической жизнью. Выбрала командира и старшего офицера, хотя вначале министерство возражало, но Комитет Государственной думы их утвердил, тем более, что выбраны были лейтенанты. Выбрали судовой комитет, депутатов в совет — 4 чел., один из них анархист, а остальные примкнули к соц.-революционерам. Команда начала бывать на разных демонстрациях, митингах и впитывала в себя все слышанное, обсуждала на корабле, начиная разбиваться на сочувствующих в основном двум партиям: соц.-революционерам и большевикам.

Сразу после Февральской революции социалисты-революционеры развернули большую работу среди команды — и многие записались в с.-р. партию. Эсерам легко удалось развернуть свою работу благодаря тому, что среди рабочих, ремонтировавших корабль, были соц.-революционеры и их комитет помещался недалеко от нас. Но с приездом т. Ленина авроровцы стали ходить к дворцу Кшесинской на Галерный остров, где выступал т. Ленин. После этого в каждом углу велся страстный спор: кто прав — Ленин или соглашатели. Сразу многие считали, что Ленин прав, но некоторые, хотя это и признавали, все же делали оговорку, что прав-то он прав, но он не учитывает развития рабочих и не понял, что Февральскую революцию совершили все слои населения и, следовательно, итти вперед нужно постепенно.

В конце апреля появились первые члены партии большевиков. В мае их число увеличилось. 15—19 мая команда вынесла большевистскую резолюцию и предложила нашим депутатам огласить

ее в совете рабочих и солдатских депутатов. Депутаты отказались, так как трое из них входили в партию соц.-революционеров. Большевики потребовали их переизбрания и отзыва. Число большевиков росло, их насчитывали от 30 до 50 чел. Этот рост происходил благодаря влиянию рабочих-большевиков Франко-русского завода и влиянию своих большевиков, а главное — благодаря речам т. Ленина, нашей «Правде» и ясным установкам, чего хотят большевики.

В июне сделали перевыборы своих депутатов в совет; было бурное собрание, и в итоге выбрали двух большевиков, анархиста и соц.-революционера. В судовой комитет также были введены большевики. После этого большевики руководили всеми вопросами и влияние соц.-революционеров быстро падало. 18 июня авроровцы участвовали в демонстрации, где так ярко было видно влияние большевиков, что на обратном пути наши соц.-революционеры несли наши большевистские плакаты.

3 и 4 июля команда совместно с приехавшими кронштадтцами участвовала в демонстрации и, дойдя до Таврического дворца, попала в беспорядочную перестрелку на Садовой, Невском и т. д. После этого была следственная комиссия, которая выявила «шпионов» и посадила в Кресты Куркова, Златогорского, Пономарева, Масловского, Мясникова, Симбирцева и Ковалевского. Липатов успел скрыться. Всем предъявили статьи 51 и 100 Уг. улож. Это по разъяснению юстиции Керенского пахло двадцатью годами каторги. Но ввиду роста влияния большевиков в Петрограде и требования команды отпустить на поруки наших арестованных, они были выпущены из тюрьмы.

В корниловское восстание авроровцы охраняли Зимний дворец, сменив юнкеров, которые все же проживали во двор-

Красногвардеец и матрос

Худ. К. Максимов

це. Наши депутаты были комиссарами при команде.

Матросы наши начали дружить с юнкерами, как-будто сочувствовавшими большевикам. Пошли разговоры о том, как удобнее арестовать правительство. Но мы, большевики, слушая разговоры вслух команды с юнкерами об аресте правительства, сделали вывод, что тут, может быть, происходит провокация, так как юнкеров в Зимнем дворце жило много, оружие было у них, они имели руководство. Поэтому мы караул свой из дворца сняли.

После корниловского восстания влияние большевиков росло по всем заводам и ставился вопрос о захвате власти. Команда «Авроры» в огромном большинстве шла за большевиками и готовилась к событиям. Судовой комитет был в это время наш. Морское министерство, зная настроение команды, отдало приказание, чтобы «Аврора» ушла из Петрограда. Мы запросили Центробалт. Тов. Дыбенко приказал не уходить из Петрограда и ждать его указаний. С ним была заранее договоренность на такой случай. Председателем судового комитета был т. Бельшев, большевик (ныне работает в Ленинграде); все руководство и влияние было в руках большевиков, и никто не мог провести другого решения, кроме

нужного нам. Необходимо отметить неверность выводов т. Дрезена в «Красной летописи» (1929 г., № 6/33). Он приводит отрывки разговора председателя комитета «о выходе крейсера на пробу» и делает вывод, что судовой комитет был за уход корабля из Петрограда в Октябрьские дни. Дело было так, что мы, находясь год в ремонте и не производя пробы машин, не знали, что получится с ними, если придется делать переход. Поэтому наш председатель и хотел связаться с т. Дыбенко, чтобы он разрешил сделать небольшой пробег для пробы, но вовсе не для ухода из Ленинграда. Тов. Дрезен этого не знал и сделал неверные выводы.

Накануне Октябрьских дней в Смольном военно-революционный комитет просил выделить комиссара на «Аврору»; мы, депутаты, предложили т. Бельшева, председателя комитета, и он был утвержден.

24 октября нашим комиссаром было получено приказание «Авроре» подойти к Николаевскому мосту, свести этот мост, его охранять и прогнать юнкерскую охрану. Комиссар предложил командиру выполнить это приказание. Командир отказался, тогда комиссар арестовал его и других офицеров в каютах и поставил к ним часовых, так как возбуждение команды было большое и возможен был самосуд над офицерами. Офицеры пытались свой отказ объяснить незнанием глубин реки Невы. Тов. Бельшев послал на шлюпке сигнального старшину сделать промер, который оказался при нашей осадке достаточным. Этот старшина и взялся вести корабль, но когда показали этот промер командиру, тот согласился провести корабль. Из этого видно, что наш председатель комитета и комиссар правильно сумели

ФРАКЦИЯ
С.-Д. большевиков.
Смольный институт,
1-й этаж, комната № 18.

подойти к офицерам и выполнить приказание военно-революционного комитета.

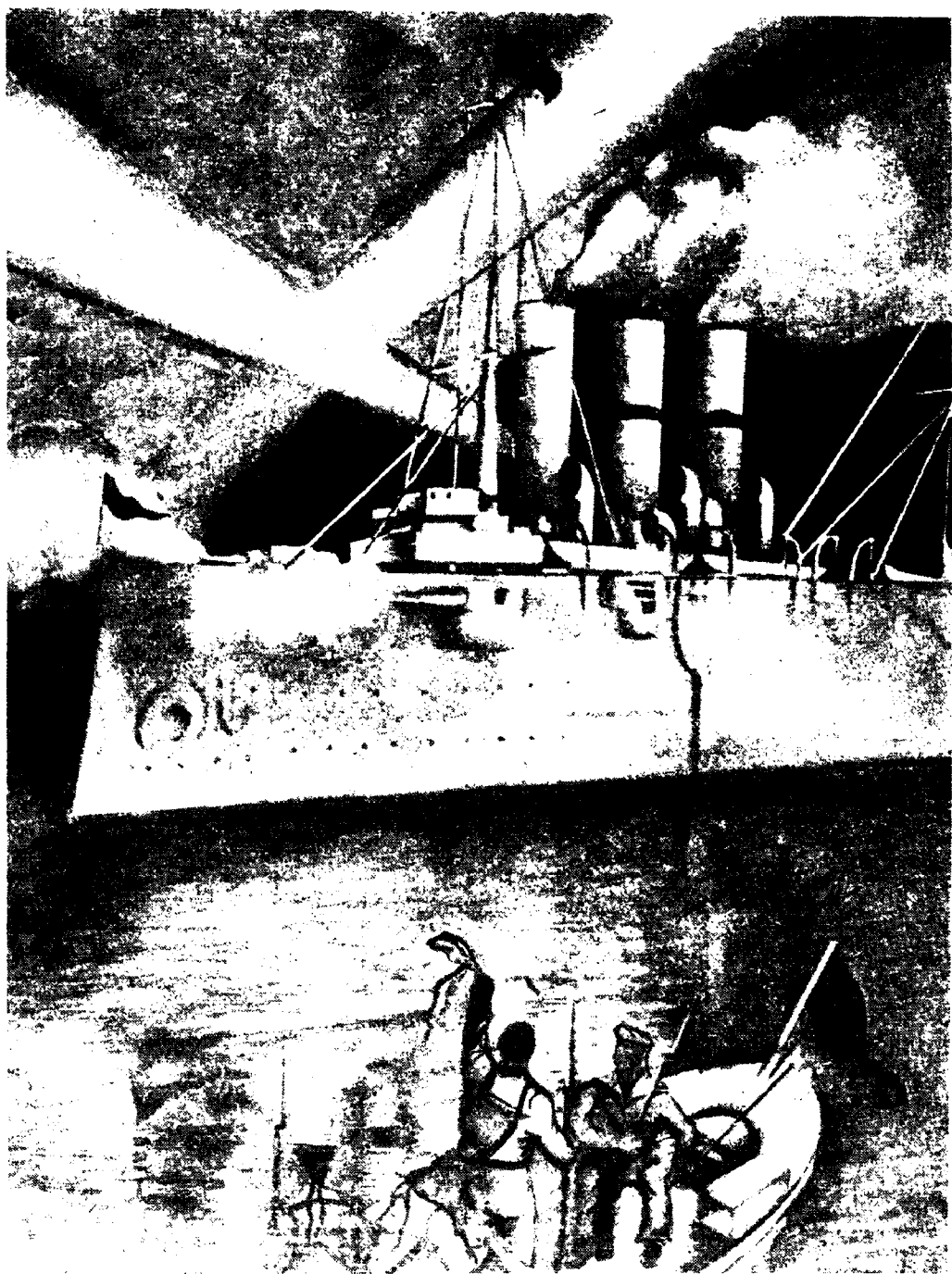
«Аврора» подошла к Николаевскому мосту. Свели его и прогнали юнкеров. Мы с крейсера передавали радио от военно-революционного комитета «всем, всем, всем» с указанием, что Временное правительство закрыло наши газеты и т. д. Других мощных станций в распоряжении военно-революционного комитета еще не было.

24 октября у нас был т. Антонов-Овсеенко, выяснил наше положение, дал указания, что мы должны делать во время захвата Зимнего дворца, и приказал открыть стрельбу, когда откроет огонь Петропавловская крепость. И когда на-

ступил момент, по сигналу «Аврора» дала холостой выстрел из шестидюймового носового орудия, и этого оказалось достаточным, чтобы сбросить правительство Керенского.

После этого команда участвовала в захвате телефонной станции, в ликвидации ставки Духонина и т. д.

«Аврора» в Ленинграде была единственным большевистским кораблем, выполнявшим все возложенные на него военно-революционным комитетом задачи. В десятую годовщину Октября крейсер награжден ЦИК орденом Красного знамени. Большевистское влияние зависело от правильной линии нашего ЦК во главе с т. Лениным.

Крейсер «Аврора»

Худ. П. Вилья

ОКТАБРЬ НА ФРОНТЕ

Победа Октябрьской революции в огромной степени зависела от быстрой и успешной мобилизации вооруженных сил революции. Это были, в первую очередь, революционные гарнизоны Петрограда, Москвы и других городов и численно не большие, но игравшие ведущую роль отряды рабочей Красной гвардии. Во вторую очередь это был фронт. Необходима была активная помощь фронта, особенно ближайшего к главному месту удара — Петрограду — северного фронта, и сочувствие перелому других фронтов. Ко времени октябрьских событий эти помощь и сочувствие фронта революции были обеспечены. В настроениях фронта после корниловщины произошел резкий перелом. Солдатские массы, убедившиеся, что буржуазия не хочет мира, стихийно отходили от оборончества и соглашательства. Общие собрания солдат различных полков, батальонов, дивизий и корпусов выносили резолюции с требованием немедленного перемирия и мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Выпущенное от имени солдатских масс 1-го Сибирского армейского корпуса воззвание «К товарищам рабочим, крестьянам, казакам, солдатам, матросам, отцам и матерям, братьям и сестрам» заканчивалось лозунгом: «Долой войну! Да здравствует вечный мир!». В резолюции, принятой на этом собрании, солдаты выставляли ряд большевистских требований и заявляли: «Требуем агитации в армии и флоте с.д. большевиков и распространения их литературы».

Требования мира становились тем настойчивее, чем безнадежнее было положение на фронте и чем тяжелее становилось материальное положение солдата. Солдаты сидели в окопах без хлеба, без обмундирования, без боевых припасов и без надежды на скорую ликвидацию войны.

«Фронт устал воевать», заявил делегат одной из дивизий румынского фронта на заседании Петроградского совета, осаждавшегося делегациями с фронтов, требовавшими решительных действий в пользу мира: «Трехлетнее пребывание в окопах измучило солдат, и у них нет сил дальше оставаться в окопах. Солдаты румынского фронта требуют немедленного заключения мира, ни под каким предлогом мира отсрочивать больше нельзя. Если в скором времени не будет заключен мир, солдаты сами уйдут, уже теперь солдаты отказываются стрелять. Через две-три недели солдаты сами объявят перемирие и сложат оружие»¹. Та же картина происходила и на других фронтах. Военное командование бессильно бросалось из одной крайности в другую, пытаясь восстановить хотя бы относительную боеспособность. Воен-

ное министерство приступило к сокращению численного состава армии, чтобы путем демобилизации наиболее «разложившихся» частей переформировать части и наладить их обеспечение довольствием. К 1 октября были демобилизованы призывы 1895 г. и 1896 г. и с 10 октября — призывы 1897 г. и 1898 г., тогда же был разрешен продолжительный отпуск для тыловых частей. Одновременно на армию сыпался град репрессий.

Главнокомандующий северным фронтом ген. Черемисов издал приказ о предании военному суду всех не только бегущих с фронта, но и распространяющих слухи о намерении солдат бросить окопы и возвратиться домой.

Главнокомандующий юго-западным фронтом издал приказ усилить борьбу с братанием на фронте, ибо вслед за братанием сотен идут «бессмысленные заявления» тысяч о необходимости заключения немедленного мира. Комиссарам было приказано привлекать к ответственности всех, призывающих к неисполнению боевых приказов, от кого бы эти приказы ни исходили.

Военный министр Верховский издал приказ о применении суровых репрессий по отношению к солдатам тыловых гарнизонов, обвиняя их в бесчинствах и недисциплинированности: «Этот позор надо окончить... Требую от всех начальников, в тесном союзе с комиссарами и комитетами, самых решительных мер, вплоть до применения оружия для подавления анархии».

Между реакционным командованием и революционными солдатскими массами лавировали соглашательские советы и комитеты. При ставке была учреждена должность комиссара, в обязанности которого входило «создание условий, облегчающих боевую работу командного состава». Комиссаром был назначен соглашатель Станкевич, который заявил, что ставит своей задачей добиться тесного единения между командным составом и войсковыми организациями. Одновременно соглашательский ЦИК советов опубликовал обращение к «Солдатам и офицерам действующей армии и флота», в котором призывал их к активной обороне. В ЦИК советов происходили почти непрерывно совещания с представителями фронтовых армейских делегатов при участии военного и морского министров, на которых обсуждалось положение в армии в связи с предстоящей в Париже конференцией союзников.

Разрыв между солдатскими массами и высшими армейскими организациями стал еще более глубоким. Фронтовые армейские комитеты, не переизбиравшиеся со времени Февральской революции, выносили оборонческие решения, а солдатские массы им не подчинялись. Так, например, совет солдатских депутатов 12-й армии принял оборонческое обращение к стране и армии, а солдатский митинг той же

¹ «Воля народа», № 136, 4 октября 1917 г.

армии постановил примкнуть к большевистской платформе петроградского гарнизона и вынес резолюцию о передаче всей власти советам. Исполнительный комитет юго-западного фронта и комитет объединенных организаций северного фронта высказались за поддержку Временного правительства и против съезда советов. В «Известиях ЦИК» от 11 октября был опубликован список резолюций против съезда советов: исполнительный комитет западного фронта, краевой совет солдатских депутатов Кавказской армии, исполнительный комитет организаций северного фронта (Искоморсев), исполнительный комитет Особой армии, армейские комитеты 3-й, 8-й, 18-й армии и т. п. И одновременно тысячи низовых солдатских организаций и митингов в противовес решению высших организаций выносили резолюции с требованием немедленного съезда советов и передачи ему всей власти.

«Рабочий путь» и «Социал-демократ» ежедневно печатали столбцы большевистских резолюций солдат действующей армии. На соединенном заседании ЦИК советов выступил ряд делегатов с фронта, огласивший наказы с требованием перехода власти к советам и заключения немедленного мира. Некоторые полки выделили и послали в ЦИК советов делегации с настойчивым предложением взять власть в свои руки. Соглашательский ЦИК от власти отказывался. Требование взятия власти почти повсеместно связывалось с требованием мира. Семь миллионов солдат, находившихся на фронте, все свои надежды на мир и на возвращение домой связывали с надеждой на захват власти советами.

В Петроград одна за другой прибывали делегации и заявляли о нежелании солдат оставаться дальше на фронте. 4 октября на заседании рабочей секции Петроградского совета с требованием заключения мира выступили делегаты румынского фронта. Солдаты заявляли, что если мир не будет заключен через 2-3 недели, то солдаты объявят перемирие сами и сложат оружие.

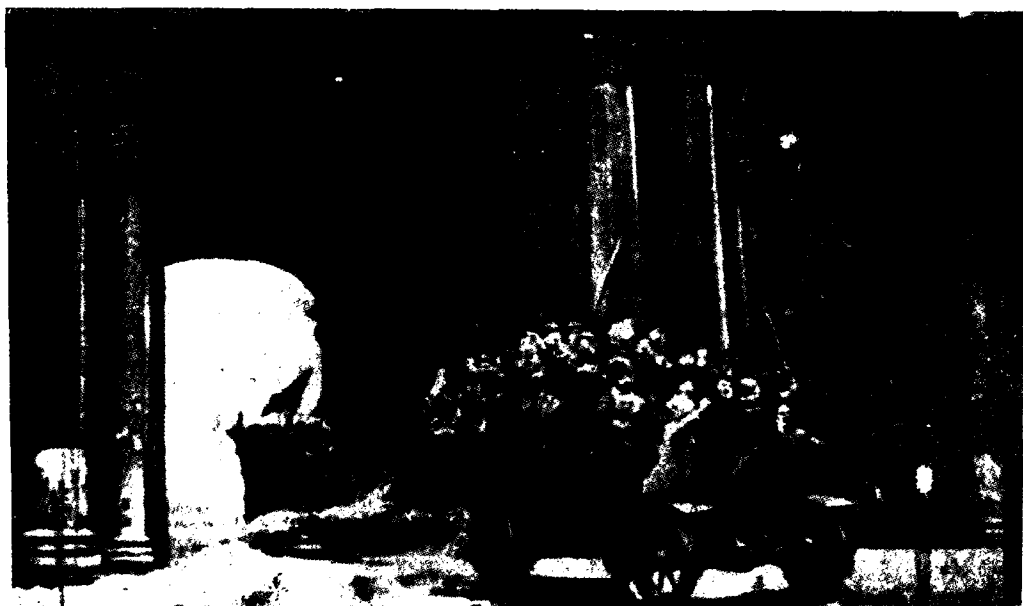
На соединенном заседании ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов и ИК ВСКД

14 октября ряд делегаций открыто поставил вопрос о заключении мира: «похабного», «деревянного»—какого угодно, но только мира.

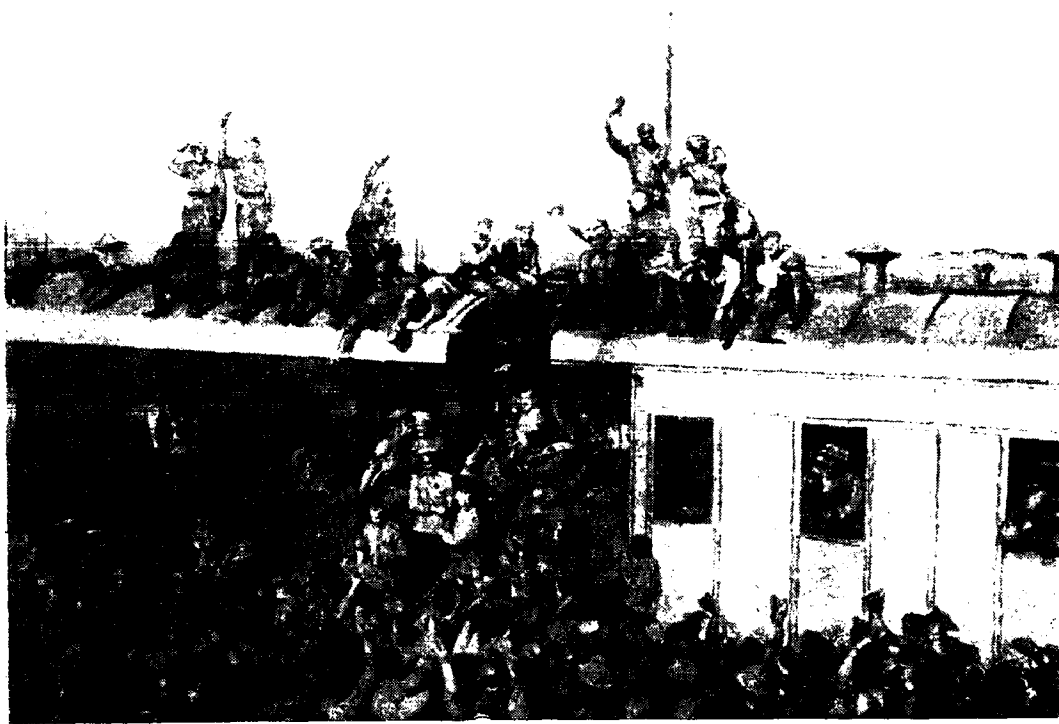
Братание дает в октябре яркую и повсеместную вспышку. С катастрофической быстротой возрастало число случаев неповиновения солдат и невыполнения ими боевых приказов. Солдаты остаются на фронте только потому, что рассчитывают на переход власти к советам в самом скором времени. Требования мира все чаще увязываются с требованием перехода власти в руки советов и сопровождаются заявлениями о готовности вести вооруженную борьбу против буржуазии и ее подголосков-меньшевиков и эсеров. «Вы слушаете буржуазию... Если это будет продолжаться дальше, то мы будем наступать не на германцев, а на Петроград», так писали солдаты фронта в конце сентября. Другие им вторили: «Из терпения вышла окопная мука солдат... Долой Временное правительство, да здравствует народное управление».

Всюду на фронте ведутся речи, что надо открывать огонь «по петроградским позициям». Солдаты, обращаясь к тылу, просят рабочих беречь оружие, так как скоро придется «буржуев в коалиционном правительстве колоть, бить и вешать». С фронта все чаще и чаще начинают поступать приветствия большевикам: «Приветствуем вожаков народа—товарищей Ленина, Зиновьева и других. Да здравствуют истинные борцы народа».

Солдаты говорят о том, что большевики одни верны народу и стоят на страже свободы. Все прочие партии—изменники; все «позиции сдали буржуазии». В резолюциях комитетов и общих собраний солдат, начиная от низших и кое-где кончая высшими, один общий лозунг: «Долой Временное правительство! Вся власть советам». Особенно ярко эти настроения выявлялись на северном и западном фронтах. Солдатская масса обоих фронтов в огромном большинстве шла за большевиками. В октябре официальные отчеты о настроении на западном фронте говорили о том, что идеи большевизма «начинают прочно свивать себе гнезда и быстрым темпом перебрасываются в части, ими не трону-

Отряд военно-революционного комитета

С лозунгом: «Долой войну!»
уходят с фронта

тые... В подавляющем числе частей 1-го гренадерского корпуса недавно не только не было открытой пропаганды большевизма, но считалось позорным даже признание принадлежности к этой партии. Теперь же эта принадлежность ставится в заслугу».

Выросла организованность большевиков фронта. В связи с предвыборной кампанией в Учредительное собрание оформлялись ячейки, созывались собрания и конференции большевистск. Такие конференции были созданы в сентябре—октябре почти повсюду.

На состоявшейся 14 октября в г. Валке чрезвычайной конференции большевиков Латвии был образован подпольный военно-революционный комитет 12-ой армии. и по докладу Антонова-Овсеенко была принята резолюция, заявлявшая, что наступил момент решительной борьбы, от исхода которой зависит судьба не только российской, но и всемирной социалистической революции.

Съезд латышских стрелков единогласно принял предложенную представителем ЦК РСДРП(б) Нахимсонс резолюцию к подготовке к вооруженной борьбе за власть советов и санкционировал образование военно-революционного комитета. Подготовка к вооруженному восстанию велась и на западном и юго-западном фронтах. На западном фронте активно работали большевики в Минске и в районе 2-ой армии. На юго-западном фронте особенно активно подготовка к вооруженному восстанию проводилась во 2-м гвардейском корпусе, части которого большевики Украины надеялись использовать в борьбе за власть советов в прифронтовой полосе.

С самого сентября на фронте началось переизбрание армейских комитетов. Авторитет старых комитетов чрезвычайно пал. Солдаты выражали им недоверие столь бурно, что не останавливались в случаях упорства комитетов перед мерами физического воздействия. Во

вновь избираемые комитеты в огромном большинстве проходили делегатами большевики и им сочувствовавшие.

Вопрос о переходе власти к советам должен был быть первоначально решен в Петрограде. За Петроградом должна была наступить очередь для Москвы. Ленин считал, что активного большинства рабочих и солдат об их столиц будет вполне достаточно, чтобы власть удержать, укрепить и упрочить. За Петроградом и Москвой пойдет вся многомиллионная масса вооруженного крестьянства. Только бы она убедилась в готовности новой власти немедленно предпринять шаги к заключению мира и передаче земли в руки крестьянства. Программа Ленина получила полное осуществление. Временное правительство было низвергнуто стремительным и решительным натиском вооруженных рабочих и солдат Петрограда и матросов Балтфлота. Декреты о земле и мире явились ярким свидетельством стремления новой власти немедленно выполнить свои обещания. Поэтому попытка Керенского организовать на фронте отряд для разгрома революционного Петрограда кончилась полным крахом. Даже казаки, слывшие наиболее «верными», отказались отдавать жизнь за восстановление власти Керенского. Солдатская же масса фронта на известия об Октябрьском перевороте и первых декретах власти ответила изъявлениями восторженной радости и сочувствия рабоче-крестьянскому правительству.

Однако для завершения процесса большевизации армии фронту предстояло еще преодолеть ряд трудностей, уже изжитых и преодоленных в передовых и революционных центрах страны. К Октябрю переизбрание комитетов на фронте еще не закончилось. На двух передовых и решающих (по своей близости к столицам) фронтах солдатам удалось овладеть только низшими армейскими комитетами. Высшие комитеты—армейские и фронтовые—находи-

лись в руках меньшевиков и эсеров. Присоединение к советской власти могло быть полным только при условии свержения командного состава, повсеместного переизбрания комитетов и создания большевистско-советского аппарата. На смену старым комитетам и комиссарам временного правительства должны были прийти всенно-революционные комитеты. Но этот процесс не мог получить на фронте своего немедленного оформления. В этом смысле решающими моментами были заключение перемирия и овладение ставкой, после чего меньшевистско-эсеровские комитеты и контрреволюционное командование были выбиты из своей последней позиции.

Настойчивостью, проявленной большевиками в постановке вопроса о мире, их курсом на развязывание инициативы самих масс были весьма встревожены и ставка и представители союзных правительств. Советское правительство заявляло, что оно стремится к всеобщему миру и что официальное предложение о нем было зафиксировано в решениях II съезда. Советская власть именно потому стремится к всеобщему, а не сепаратному миру, что в своей борьбе за мир она руководствуется принципами и интересами мирового рабочего класса. Советское правительство буквально припирало союзных послов к стенке, когда снова и снова приглашало их принять участие в открывающихся согласно соглашению с немцами 19 ноября предварительных переговорах о мире.

В ночь с 7 на 8 ноября советским правительством была послана радиogramма верховному главнокомандующему Духонину с требованием исполнения решения всероссийского съезда советов обратиться немедленно к военным властям неприятельских армий с предложением о приостановке всенных действий с целью открытия

мирных переговоров. Радио было получено в ставке в 5 час. утра 8 ноября и было разослано Духониным союзным военным миссиям. В тот же день, 8 ноября, Наркоминделом была разослана послам союзных держав нота с извещением об образовании советского правительства во главе с Лениным и с предложением немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров. Ставка упорно безмолвствовала в течение всего дня 8 ноября. Вечером Совнарком уполномочил Ленина, Сталина и Крыленко запросить Духонина по прямому проводу о причинах отсутствия ответа. Переговоры велись от 2^{1/2} до 4 час. утра 9 ноября. Духонин заявил: «...Непосредственные переговоры с державами для вас невозможны, тем менее возможны они для меня от вашего имени».

Этот ответ повлек за собою увольнение Совнаркомом Духонина от занимаемой должности и назначение главнокомандующим Крыленко. Однако ставка не сдавалась. Духонин, действовавший в полном согласии с общеармейским комитетом, в тот же день в телефонограмме командующим армиями заявил, что до образования «общеизбранной законной власти» он не считает себя в праве оставить свой пост.

Крыленко через голову ставки и оборонцев обратился непосредственно к массам. 9 ноября об итогах переговоров со ставкой Крыленко информировал делегатов фронта, находившихся в Петрограде. В тот же день всем армейским организациям, солдатам и матросам было разослано радио, в котором заявлялось: «Солдаты, дело мира в ваших руках... Пусть стоящие на позициях выбирают тотчас же уполномоченных для формального вступления в переговоры о мире». 10 ноября советское правительство предложило через послов нейтральных держав правительствам неприятельских стран при-

Домой!

Обсуждают вопрос о мире

ступить к мирным переговорам. 13 ноября из района 5-ой армии северного фронта Крыленко были посланы парламентарии с запросом к германскому командованию о начале переговоров о перемирии на всех фронтах. Согласие на переговоры было получено от немецкого командования в тот же день. Время встречи было назначено на 19 ноября. Официальное соглашение было подписано обеими сторонами в ночь на 14 ноября.

14 ноября советское правительство обратилось к союзным державам с особым обращением. Приглашая союзное правительство избавить народы от зимней кампании и вступить в переговоры с давшим на них согласие немецким правительством, большевики писали в своем обращении: «Русская армия и русский народ не могут и не хотят дольше ждать. 19 ноября (2 декабря н. ст.) мы приступаем к мирным переговорам. Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести с немцами переговоры одни». Итоги бесстрашной политики большевиков теперь были налицо: переговоры начались.

Общеармейский комитет приказом Крыленко был распущен. Он не подчинился приказу и с 13 ноября начал стягивать на свою защиту части ударников и казаков. Перед революцией стояла задача—решительным ударом покончить со ставкой, очагом контрреволюции. Согласно приказу ВРК западного фронта от 18 ноября члену ВРК 2-ой армии Берзину было поручено образовать отряд из гарнизонов и войск района городов Витебска, Смоленска, Орши, Рославля и овладеть ставкой (находившейся в Могилеве), окружив и парализовав действия всех контрреволюционных войск этого района с севера. Лысякову, члену ВРК той же 2-ой армии, было поручено образовать отряд и овладеть ставкой с юга.

Обоим отрядам рекомендовалось ждать особых указаний для дальнейших действий, в случае же заявлений со стороны ставки о сдаче—немедленно телеграфировать ВРК западного фронта.

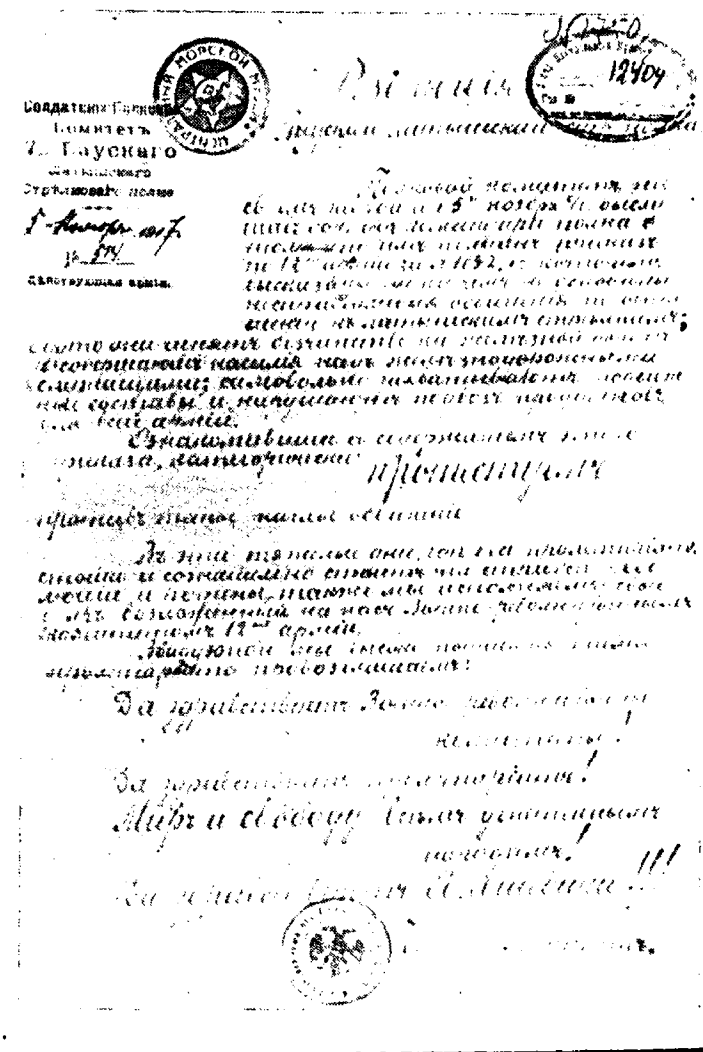
В ночь на 18 ноября в Могилеве было создано гарнизонное совещание и на нем был образован ревком.

19 ноября Крыленко был отдан приказ по армиям о приближении к ставке революционных войск и о необходимости ликвидации ставки, как оплота реакции. Викжель сделал было попытку помешать продвижению революционных эшелонов к Могилеву. Однако это ему не удалось. В ставку последовали не только части под командой Берзина и Лысякова, но и отряд революционных матросов Балтфлота во главе с Крыленко.

При приближении советских отрядов к Могилеву из ставки поспешили удрать как члены контрреволюционного общеармейского комитета, так и все прочие комитетские деятели и комиссары, занимавшиеся дотеле рассылкой повсюду грозных телеграмм и обращений. Вместо старого общеармейского комитета из представителей отдельных армий был создан новый, целиком стоящий на советской платформе.

Генеральская ставка больше не существовала. Выехавшие из ставки при приближении советских отрядов и находившиеся в пяти верстах от Могилева военные миссии союзников теперь поспешили уехать в Киев.

Момент ликвидации ставки совпал с самым решительным поворотом фронта к заключению перемирия. 19 ноября в Двинск

Раздача газет
фронтовикам

прибыла мирная делегация, посланная Советом народных комиссаров.

«В окопах настроение радости», сообщал по поводу приезда делегации председатель съезда 5-ой армии Склянский.

2 декабря советской делегацией был подписан договор о заключении перемирия, начиная с 2 час. дня 1 декабря по 14 января 1918 г.

Фронт воочию убедился, что новой властью провозглашена передача земли крестьянству, приняты меры к немедленному заключению мира, к реквизиции продовольствия для фронта и т. п.

На передовых фронтах и в передовых частях сочувствие октябрьскому перевороту очень скоро нашло выражение в активных действиях. Ранее других большевизировался западный фронт, при прямом содействии которого удалось свладеть ставкой. Северный фронт сыграл большую роль в начале мирных переговоров и в задержании отрядов, посылаемых с фронта против Петрограда. На западном фронте инициативу борьбы за переход власти к советам взял Минский совет. Но его инициатива с самого же начала была сорвана противодействием фронтового комитета западного фронта. Комитеты фронтовой и областной потребовали создания «комитета спасения». Большевикам пришлось подчиниться, так как в начале они не располагали реальной силой. Но вскоре большевики смогли заговорить по-другому.

На состоявшемся 1 ноября чрезвычайном съезде 2-ой армии было принято решение о создании военно-революционного комитета и передвижении в Минск блиндированного поезда. С прибытием блиндированного поезда Минский совет провозгласил 2 ноября переход власти к советам.

С 5 ноября советская власть прочно установилась на западном фронте.

В 5-ой армии между большевиками, с одной стороны, и командным составом и оборонцами, с другой, шла ожесточенная борьба за посылку революционных отрядов на помощь Петрограду. На съезде 5-ой армии, состоявшемся 18 ноября, большевики имели уже полный перевес. В 12-ой армии борьба на съезде, состоявшемся в конце октября, велась при почти равных силах, но на съезде, состоявшемся 14 ноября, большевики имели большинство и одержали победу над оборонцами. Создавались ревкомы, переизбирались комитеты, назначались советские комиссары.

Затяжной характер имел переход власти к советам на юго-западном, румынском и кавказском фронтах. Осложняющими моментами явились здесь контрреволюционная анти-советская позиция Украинской центральной рады, Донского круга, меньшевизма в Закавказье и румынских властей. Солдатам этих фронтов приходилось вести борьбу в двух направлениях: против штабов, комитетов и комиссаров на фронте и против властей ближайшего тыла.

Кампания за переход власти к советам сопровождалась энергичной борьбой за переизбрание комитетов. Перевыборы давали преобладание большевикам, особенно в низовых комитетах. Теперь представлялось возможным целиком переключить всю армию и весь фронт на позицию активной работы по самоорганизации, по созданию нового аппарата управления, снабжения и, наконец, по завершению процесса демократизации армии. 30 ноября от имени общearмейского комитета был опубликован проект положения о демократизации армии. 16 декабря был издан декрет о выборном начале и организации власти и армии. Общеармейский съезд военно-революционных комитетов, состоявшийся в ставке 18 декабря, вынес

Основные решения по вопросам демократизации армии.

К началу декабря процесс демократизации развернулся вовсю. Переизбирание шло, начиная с низших постов и кончая высшими.

В районе 10-ой армии в 62-ой дивизии на командные должности было избрано 10 солдат, 32 офицера, а 23 офицера были перемещены на другие должности и 23 устранены совсем со службы. В некоторых местах офицеров сразу лишали вестовых и жалованья, а кой-где подвергали арестам.

Проведение демократизации армии давало огромное удовлетворение солдатской массе. Командный состав подвергался чуть ли не поголовному смещению и переизбранию и утрачивал свой прежний кастовый характер: наряду с частью офицеров на командные должности выдвигались теперь и солдаты.

Для крестьянской, в своем большинстве, армии это означало небывалый и исключительный сдвиг армии.

Путем переизбрания комитетов, назначения комиссаров и создания ревкомов фронт был окончательно советизирован.

Масса получила теперь возможность говорить полным голосом. В конце ноября и в декабре со всех частей армии поступают заявления о признании власти советов, об одобрении ее декретов и мероприятий.

Сдвиг в армии был огромный и происходил с небывалой быстротой. Так, едва проходит съезд 10-ой армии, как 684-ый пехотный Саянский полк целиком присоединяется к новой власти (2 ноября). А всего только два дня назад этот полк в своей резолюции (от 29 октября) высказался против большевиков и осудил выступление в Петрограде. 29 октября 51-ый Сибирский стрелковый полк был еще против новой власти, а 23 ноября он восторженно приветствует конкретные мероприятия власти, направленные к заключению мира.

Особенно ярко сочувствие к новой власти отражается в письмах солдат того времени. Стрелок 27-го стрелкового полка 7-ой стрелковой дивизии 9-ой армии в своем письме от 20 ноября заявлял: «7-ая стрелковая дивизия поддерживает советы и верит только своим выразителям, которые в настоящее время во главе правления». Другой солдат писал: «Мы теперь глубоко верим в светлое будущее, справедливость, которая до сих пор не существовала вовсе. Мы глубоко верим товарищам социалистам-большевикам. Мы, фронтовые солдаты, все до единого большевики, если нужно, требуйте помощи от фронта, — мы проучим буржуазию, казаков и Керенского».

Рост большевистского влияния на фронте приводил к оформлению большевистских ячеек. К сожалению, нельзя дать полной картины этого процесса. Архивы сохранили очень скудные материалы о деятельности армейских большевистских организаций. Но все же мы находим указания на существование большевистских организаций в отдельных частях и в армиях. Так, например, 23 ноября в г. Ботушане состоялась большевистская конференция 9-ой армии, на которой было 197 делегатов, представлявших 6.546 организованных членов партии и 18.759 сочувствующих. 20 ноября в Белграде состоялся съезд большевиков 6-ой армии. 28 ноября в Яссах состоялась фронтовая конференция. Были созваны совещания и съезды большевиков и на других участках фронта.

Классовое просвещение солдата шло невиданно быстрым темпом. Недаром так велико было несоответствие между составом Учредительного собрания и подлинными настроениями массы фронта в то время! Солдатско-крестьянская масса фронта за один-полтора месяца приобрела огромный революционный опыт. Армия прочно и целиком стала на сторону пролетарской революции.

Братание

БОРЬБА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПРОТИВ РАБОЧЕГО КОНТРОЛЯ В 1917 г.

От саботажа, локаутов, борьбы против рабочего контроля, проводившихся накануне и после Октябрьской революции заводчиками и фабрикантами с исключительным ожесточением, тянется непрерывная нить к событиям недавнего времени. Шахтинское дело, «промпартия», вредительство, шпионаж, попытки сорвать бурные темпы социалистического строительства, попытки использовать трудности роста, которые мы наблюдали в последние годы, — имеют свою историю, имеют началом своим классовую борьбу в 1917 г.

Архивы организаций промышленников, в частности архив Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, дают богатый материал, иллюстрирующий первые шаги экономической контрреволюции и вредительства.

Несмотря на усердное насаждение меньшевистскими советами рабочих депутатов примирительных камер, несмотря на призывы меньшевистского министра труда Скобелева к «благоразумию» и «патриотическому» чувству рабочих, несмотря на все это — уже в мае 1917 г. вырисовалось с очевидностью, что отдельные конфликты между рабочими и предпринимателями все резче, все явственней оформляются в единый, всеобщий конфликт труда с капиталом.

Гул революции нарастал. Он воспринимался буржуазией со все большей тревогой. В середине мая почти вся буржуазная печать обсуждает «теоретический» вопрос о возможности социализма. «Речь» помещает на эту тему статью Туган-Барановского. Журнал «Промышленность и торговля» писал: «Сейчас, когда мы находимся в такой жуткой близости от социализма или по крайней мере социалистических экспериментов, когда на отдельных пред-

приятиях захватным порядком пытаются водворить начало нового общественного строя, нужно отдать себе ясный отчет в том, грозит ли капиталистическому строю действительная опасность...»¹.

Для того чтобы избежать этой опасности, буржуазия решает позаимствовать кое-что из западно-европейского арсенала. Министр торговли и промышленности Коновалов носится с проектом «участия служащих и рабочих как в прибылях предприятий, так и в управлении ими». Но этот проект подавляющая часть буржуазии встречает скептически. «Нельзя, однако, возлагать на него, — пишет журнал «Промышленность и торговля»², — преувеличенных надежд, так как участие в прибылях вряд ли может устранить столкновения из-за заработной платы. Как ни делить прибыль между трудом и капиталом, всегда может возникнуть спор о справедливости такого деления».

Отдавая себе отчет в безнадежности попыток материального подкупа рабочих, буржуазия пытается действовать моральным подкупом, призывая к «гражданскому чувству», напоминая «о великих задачах демократии» и т. д. Один из лидеров объединения фабрикантов кожевенного производства Демьяновский предлагал установление и проведение в практику твердого демократического принципа, в силу которого на место старого противопоставления: «Предприниматель и рабочий» должно быть утверждено новое: «Предприятие и его сотрудник», является первым делом, за которое немедленно должны приниматься как отдельные промышленники, так и все промышленные организации».

¹ Журнал «Промышленность и торговля», № 12-13 1917 г.
² Там же.

КЪ ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ!

Въ трагическій моментъ, переживаемый русскимъ трудящимъ народомъ, мепьленики-соглашатели и правые жевы измѣнили рабочему классу. Они оказались на стороне козиловцевъ Керенскаго и Савинкина. Они готовятъ гражданскую войну, вносить разладъ въ наши ряды.

Въ свѣтъ газетъ («Воля Народа», «Рабочая Газета», «Солдатскій Голосъ») они посылаютъ самыми низкими клеветами рабочихъ, солдатъ, матросовъ и крестьянъ ботющихся за свободу и счастье народа.

Они печатаютъ приказы измѣнника Керенскаго и сѣютъ панику въ городѣ, распространяя самыя вздорныя слухи о мнимыхъ побѣдахъ этого ренегата.

Граждане! Не вѣрьте этимъ вельвымъ слухамъ. Нѣтъ той силы, которая способна побѣдить возставшій народъ. Сила на сторонѣ революціи. Предателя Керенскаго и его «соратниковъ» ждетъ скорое и заслуженное ими наказаніе. Народъ же добьется своего, несмотря на всѣ происки соглашателей.

Мы приговождаемъ ихъ къ позорному столбу. Мы предаемъ ихъ презрѣнью всѣхъ рабочихъ, солдатъ, матросовъ и крестьянъ, на которыхъ они собираются надѣть старыя цѣпи. И никогда не смыть имъ съ своего чела клейма народного отвѣртія и недоверія.

Стыдъ и позоръ предателямъ народа!

Да здравствуетъ рабочая и крестьянская революція!

Возво-Революціонный Комитетъ.

Эти «теоріи», какъ известно, меньше всего действовали на руководимый большевистской партией революціонный пролетариатъ. Буржуазія, почувствовавъ всю бесплодность такого маневрированія, усиливаетъ тактику прямого действия. Она требуетъ отъ Временнаго правительства твердой власти. «До какихъ же поръ,— раздраженно спрашиваетъ публицистъ изъ «Промышленности и торговли»,—Временное правительство будетъ уподобляться крыловскому повару и угощать рабочихъ словесной стряпней, вместо того чтобы по мудрому совету баснописца «словъ не тратить попустому, где нужно власть употребить». Сама же буржуазія активнейшимъ образомъ готовится къ действию, замышляя всеобщій локаутъ и избравъ Донбассъ пунктомъ, откуда локаутъ долженъ начаться.

Буржуазія прежде всего рассчитывала, что локаутъ доведетъ массы до крайняго разоренія и наряду съ расстройствомъ рядовъ рабочего класса создастъ недовольство революціей, принесшей съ собой голодъ и нищету. Это была прямая ставка на контрреволюцію, стремленіе взять пролетариатъ изморомъ.

Накануне московскаго совѣщанія, этого смотра контрреволюціонныхъ силъ, созванныхъ «спасать Россію» отъ революціи, Рябушинскій выступалъ на всероссійскомъ сѣздѣ торговли и промышленности: «Мы поневоле вынуждены ждать,— заявилъ онъ въ своей рѣчи,—что этотъ финансово-экономическій провалъ можетъ быть для Россіи неизбеженъ... И тогда же, когда онъ для всехъ станетъ очевиднымъ, тогда только почувствуютъ, что шли по неверному пути. Къ этому времени мы должны деятельно готовиться, чтобы наши организации были на высотѣ положенія»¹.

Начиная съ августа, тактика, направленная на то, чтобы взять изморомъ, становится первенствующей линіей поведения заводчиковъ и фабрикантовъ. Эта тактика определяла директивы предпринимательскихъ объединеній по вопросу о рабочемъ контролѣ. Подъ знакомъ этой тактики прошло локаутное движеніе какъ до, такъ и после Октябрскаго переворота. Объ этой тактикѣ, готовый къ ней присоединиться, говорилъ Церетели на «соборѣ», созванномъ 9 ноября² Петроградской думой изъ представителей городскихъ и земскихъ самоуправленій. «Существуетъ въ некоторыхъ кругахъ,—говорилъ онъ,—линія поведения, сводящаяся къ тому, чтобы довести ужасныя послѣдствія большевистской политики до крайности, до того момента, когда вся страна запылаетъ въ огнѣ анархіи и массы на своемъ собственномъ телѣ ощутятъ всю невыносимость и тяжесть большевизма».

Заводчики и фабриканты продолжаютъ все болѣе планомерно и широко пользоваться своимъ оружіемъ противъ Октябрьской революціи—локаутами и саботажемъ. При этомъ они не теряютъ надежды на «лучшіе времена», не теряютъ уверенности въ «недолговечности большевиковъ» и надежды на возвращеніе «нормальнаго» фабрично-заводскаго режима.

28 октября заседаетъ советъ Петроградскаго общества заводчиковъ и фабрикантовъ. Обсуждается текущій моментъ—восстание. Сообщение делаетъ Кутлеръ: «Настроение болѣе или менѣе оптимистиче-

¹ «Торгово-промышленная газета» отъ 6 августа 1917 г.

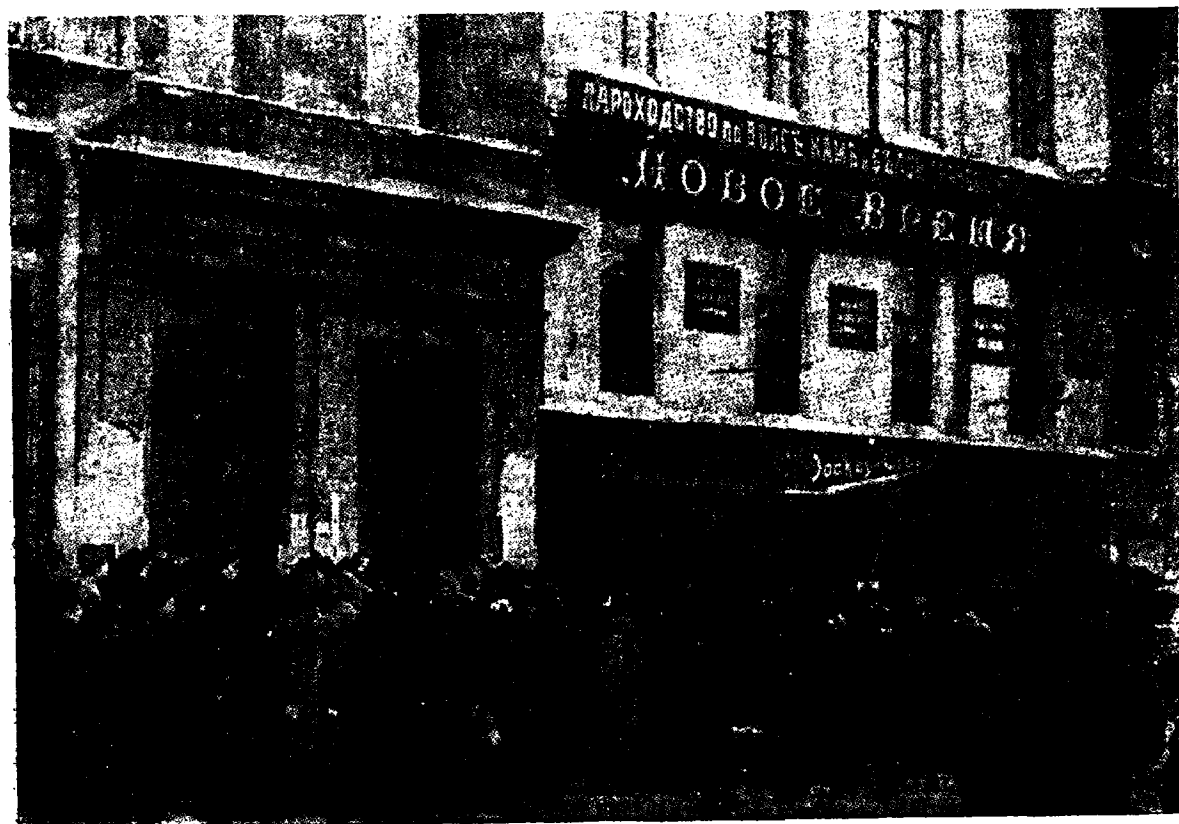
² Все даты приеодятся по старому стилю.

ское, офицерство и верные правительству войска подавят восстание». «Большинство ораторов, — подводит итог высказываниям председатель общества А. А. Бачманов, — склонилось к мысли о необходимости для торгово-промышленного класса открыто выявить свое лицо и свою политику». Разумеется, это было только фразой, только прикрытием очередного маневра. Ни Бачманов, ни кто-либо из выступавших на совете и не подумал об «открытом выявлении своей политики». Предприниматели в этот момент делают ставку не столько на «офицерство и верные правительству войска», сколько на Викжель и своих помощников из меньшевиков и эсеров. В этом смысле характерно выступление на совете фабриканта Фольдмана: «Что же касается состава министерства, то социалистический состав считаю даже более приемлемым, так как буржуазия не будет связана в своих действиях присутствием в министерстве своего представителя»¹.

¹ Эта цитата, равно как и все последующие, взята из архива Петроградского общества заводчиков и фабрикантов в 1917 г. (набинег по рабочему вопросу библиотеки Конска-земии).

Надежды потерпели крушение. Настали тяжелые дни для фабрикантов и заводчиков. 14 ноября Совет народных комиссаров издал декрет о рабочем контроле. 22 ноября Петроградское общество заводчиков и фабрикантов созывает общее собрание своих членов. Обсуждается «положение о рабочем контроле». Заводчики и фабриканты, понятно, «категорически отвергают классовый, не государственный контроль рабочих над промышленной жизнью страны, декретированный властью, не преследующей в своей деятельности государственных целей».

Отныне тактика саботажа, направленная на то, чтобы «обезвредить» рабочий контроль и не допустить рабочих к управлению предприятием, заполняет всю деятельность предпринимательских объединений. Петроградское общество заводчиков и фабрикантов создает даже особый секретный политический орган — Исполнительную комиссию, на обязанности которой направлять саботаж и локауты и руководить поведением предпринимателей в деле борьбы с рабочим контролем.

Петроградская буржуазия пытается получить вклады из банков

Известно, что значительная часть фабрично-заводских служащих и инженеров, борясь с советской властью путем саботажа, выставляла при этом «идейные» мотивы: непризнание «захватчиков», рабочего контроля и т. д. Но далеко не так «идейно» выглядит этот саботаж — продолжение тактики на «взятие измором» — в свете некоторых документов из архива Петроградского общества заводчиков и фабрикантов. Рука Исполнительной комиссии с совершенно материальным вознаграждением прикладывалась к этой «идейности» и направляла ее.

12 ноября делегатское собрание Петроградского союза инженеров постановило «не принимать участия в комиссиях по контролю и в других организациях, установленных большевиками, не признавать комиссаров и других агентов захватной власти и давать отпор всяким попыткам упомянутых выше лиц и организаций стеснить или подчинить себе профессиональную деятельность членов союза».

Однако несколько позже союз инженеров, следуя директиве Исполнитель-

ной комиссии, видоизменяет свою тактику. Он соглашается признать осведомительный рабочий контроль без распорядительных функций. Одна из ячеек союза инженеров — техническая организация Тентелеевского химического завода — пишет об этом в письме заводскому комитету от 8 декабря: «Союз инженеров, указаниями которого мы руководствуемся, — говорится в этом письме, — ничего не имеет против контроля со стороны рабочих без распорядительных функций. Ввиду этого техническая группа вынуждена заявить следующее: если к понедельнику 11 декабря с. г. в 3 часа дня не будет представителями группы получено сообщение об отказе контролирующих органов заводского комитета и комиссара участвовать в распорядительных функциях, то, руководствуясь директивами исполнительного комитета союза инженеров, техническая группа просит заводский комитет назначить лиц для передачи им дел».

Предприниматели вовлекли служащих и инженеров в свою тактику: притвориться, признать рабочий контроль, но такой, который будет иметь только осведомительный, следовательно, совершенно безвредный характер. Предприятия фактически останутся в руках заводчиков и фабрикантов и, когда наступят «лучшие времена», окажутся сохранившимися для капиталистической эксплуатации полным ходом.

Петроградское общество заводчиков и фабрикантов рассылает всем своим членам запросы такого содержания: «Полагая, что закрытие вашего завода является временным и что с изменением условий переживаемого момента вы примете меры к тому, чтобы наладить производство, настоящим просим вас сообщить, останется ли ваше предприятие в числе членов Об-ва на 1918 г., разумеется, при условии внесения минимального членского взноса».

В конце 1917 г. связь между отдельными предпринимателями и Об-вом становится наиболее систематической. Заводчики регулярно ставят Об-во в известность о положении дел на своих предприятиях и, прежде всего, о ходе выпол-

ВНИМАНИЮ ВСѢХЪ ГРАЖДАНЪ

Богатые классы оказываютъ сопротивление новому Советскому Правительству, правительству рабочихъ, солдатъ и крестьянъ. Ихъ сторонники останавливаютъ работу государственныхъ и городскихъ служащихъ, призываютъ прекращать службу въ банкахъ, пытаются прервать желѣзнодорожныя и почтово-телеграфныя сообщения и т. п.

МЫ ПРЕДОСТЕРЕГАЕМЪ ИХЪ—ОНИ ИГРАЮТЪ СЪ ОГНЕМЪ. Странѣ и арміи грозитъ голодъ. Для борьбы съ голодомъ самое тщательное исполненіе всѣхъ работъ въ продовольственныхъ учрежденіяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ, на почтѣ, въ банкахъ, — безусловно необходимо. Рабочее и крестьянское правительство принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія страны всѣмъ необходимымъ.

СОПРОТИВЛЕНІЕ ЭТИМЪ МѢРАМЪ — ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ ПРОТИВЪ НАРОДА. Мы предупреждаемъ богатые классы и ихъ сторонниковъ, если они не прекратятъ свой саботажъ и доведутъ до приостановки подвоза продовольствія, — **ПЕРВЫМИ ТЯГОТУ СОЗДАННАГО ИМИ ПОЛОЖЕНІЯ ПОЧУВСТВУЮТЪ ОНИ САМИ. БОГАТЫЕ КЛАССЫ И ИХЪ ПРИСЛУЖНИКИ БУДУТЪ ЛИШЕНЫ ПРАВА ПОЛУЧАТЬ ПРОДУКТЫ ВСѢХЪ ЗАПАСЫ ИМУЩЕСОУ НИХЪ, БУДУТЪ РЕКВИЗИРОВАНЫ. ИМУЩЕСТВО ГЛАВНЫХЪ ВИНОВНИКОВЪ БУДЕТЪ КОФИСКАВАНО.**

Мы выполнили свой долгъ — мы предупредили итрающихъ съ огнемъ.

Мы увѣрены, что въ этихъ рѣшительныхъ мѣрахъ, если онѣ окажутся необходимыми, мы встрѣтимъ полную поддержку всѣхъ преданныхъ революціи гражданъ всѣхъ рабочихъ, солдатъ и крестьянъ.

Военно-Революціонный Комитетъ при Всероссийскомъ Центральномъ Исполнительномъ Комитетѣ Совета Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Г. Заведывающему и Г. Служащим *Юридическая Комиссия*
Заводская Контрольная Комиссия предлагает Вам, начиная с 18-го
Октября руководствоваться следующими постановлениями:

- 1/ Продажа не вы готовых изделий и материалов проходит только через Заводскую Контрольную Комиссию
- 2/ Все счета и опись по выдаче денег кассой завода проходит через Заводскую Контрольную Комиссию
- 3/ Все отчеты и отчеты и прочие статистические данные подается прежде всего в Заводскую Контрольную Комиссию

ПРИМЕЧАНИЕ: Во всех случаях и на всех документах должна быть подпись члена Заводской Контрольной Комиссии

81
1917-914

Председатель *С. С. Степанов*

Секретарь *[подпись]*

нения директив Исполнительной комиссии по рабочему контролю. Акционерное о-во аккумуляторных заводов «Тюдор» сообщает Петроградскому об-ву заводчиков и фабрикантов: «На днях состоялось общее собрание рабочих и служащих нашего завода, в котором приняли участие также инженеры, по поводу введения рабочего контроля. На этом собрании было решено ввести контроль, причем представители от служащих, а также инженеры указали на то, что контроль этот может иметь только осведомительный характер. Представители рабочих с такой постановкой вопроса не были согласны».

Нет никакого различия в установках между этой тактикой обезвреживания рабочего контроля и между линией поведения изгнанных за советский рубеж заводчиков и фабрикантов, содержащих «своих людей» на принадлежавших им до Октября предприятиях. Нет никакого различия в установках между оплачиваемыми звонкой монетой инженерами и служащими, «идейно» сопротивлявшимися рабочему контролю, и между шахтинцами и другими экономическими контрреволюционерами и вредителями. Один и тот же лейтмотив: зоологическая ненависть к осуществляющему свою диктатуру пролетариату, неустанная под-

рывная, вредительская работа, «взять измором», надежда на возвращение «хозяина» и подготовка к этому возвращению.

27 ноября 1917 г. Арматурно-электрическое акционерное общество сообщает Петроградскому о-ву заводчиков и фабрикантов: «В пятницу днем состоялось в правлении общее собрание служащих правления и заводоуправления как старших, так и младших, всего в количестве 68 человек. На этом собрании правление информировало служащих о происшедших событиях, а после того как собрание единогласно вынесло резолюцию о непризнании «рабочего контроля», сообщило о мерах, принимаемых им для обеспечения материального положения служащих, связавших свою судьбу с ним». Таким образом, направленная против рабочих резолюция была тут же оплачена.

Гигантских усилий стоило рабочему классу удержать промышленность, не дать ей окончательно развалиться. На пролетариат ополчились со всех сторон: в правлениях промышленных обществ, в конторах фабрик и заводов, в учреждениях сидели враги. Эти трудности создавали пролетариату они. Они действовали по заранее выработанной системе, подчиняясь дирижер-

ской палочке из общества фабрикантов и заводчиков.

Вот как само Петроградское об-во заводчиков и фабрикантов в докладе своему совету всероссийского союза рассказывает об этой системе: «Проследив движение в области осуществления рабочего контроля, можно отметить три стадии этого движения. Первая относится к периоду, непосредственно следовавшему за изданием декрета о рабочем контроле, когда рабочие увлекались заманчивой перспективой этого института, ожидая от него всевозможных личных благ. Особенно в крупных промышленных центрах были предъявлены массовые требования о введении контроля, причем органы контроля проявляли стремление к присвоению себе самых широких полномочий и к активному вмешательству в управление предприятиями.

Однако вскоре на смену первой стадии увлечения контролем наступила вторая стадия охлаждения к этому учреждению, так как ожидаемых благ не выпадало на долю рабочих. Кое-какие предприятия, не пожелавшие подчиниться контролю, позакрылись; технический персонал не соглашался участвовать в контроле, так что рабочим пришлось выполнять все те обязанности, которые обычно падают на другие элементы (инженеры, техники, бухгалтера и т. д.). В результате рабочая масса стала уже равнодушной к контролю.

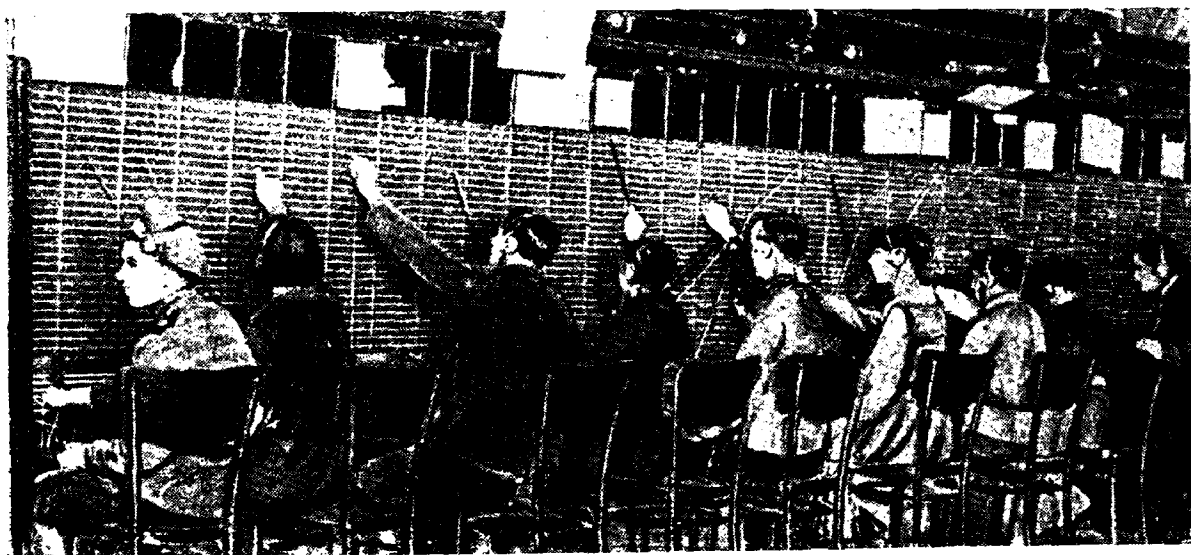
Это всполошило руководящие рабочие круги, и была предпринята усиленная

агитация в пользу введения рабочего контроля. Уступая давлению сверху, рабочие вновь принялись за контроль, но по общему отзыву в петроградском районе удалось благодаря умелому направлению дела Исполнительной комиссией Петроградского об-ва заводчиков и фабрикантов придать контролю по преимуществу осведомительный характер, вмешательства же со стороны органов контроля в дела управления предприятием почти не наблюдается...

Насколько выясняется картина проведения в жизнь рабочего контроля над производством, наиболее острый период повидимому прошел, и ныне при умелой тактике не исключена возможность ввести этот институт в рамки осведомительных функций и тем обезвредить его».

Таков проводившийся фабрикантами и заводчиками план экономического разоружения ставшего у власти пролетариата. Таков рассказ о преступлении буржуазии, рассказ, переданный ею самой.

«Умелая тактика» не помогла, «наиболее острый период» не только не прошел, но ждал фабрикантов и заводчиков впереди. Пролетариат от рабочего контроля перешел дальше — к установлению рабочего управления—и пришел к необходимости национализации всей промышленности. Этой исключительной по интересу странице борьбы пролетариата против саботажа предпринимателей и за рабочий контроль в 1917—1918 гг. будет посвящена особая статья.

Саботирующих московских телефонисток заменили в Сентябрьские дни рабочие.

ПРОЛЕТАРИАТ ИВАНОВА В БОРЬБЕ ЗА ОКТЯБРЬ

Иваново—крупнейший пролетарский центр. Рабочие Иванова в истории революционного движения в России занимают место в ряду с такими пролетарскими центрами, как Москва и Ленинград.

В. И. Ленин не раз отмечал классовую выдержанность пролетариев Иванова в борьбе за свержение царизма, буржуазии и утверждение диктатуры пролетариата: «Пролетариат московский, питерский и иваново-вознесенский... доказал на деле то, что никакой ценой не уступит завоевания революции».

В отличие от Питера, Москвы и ряда других центров, Октябрьские дни в Иванове прошли без вооруженной борьбы. И это произошло потому, что к моменту Октябрьской революции в Иванове власть уже находилась в руках совета, руководящая роль в котором принадлежала большевикам.

Буржуазия в силу своей слабости и отсутствия опоры в массах, как и ее приспешники—меньшевики и эсеры, не решилась оказать вооруженного сопротивления.

С момента возникновения советов рабочих и солдатских депутатов в февральско-мартовский период революции Ленин указывал на то, что только завоевание советов большевиками создаст возможность перехода власти к рабочему классу. В особенности это относилось к таким советам, как Питерский и Московский, где в первые месяцы революции сильно было мелкобуржуазное влияние. «Совершенно естественно и неизбежно,—писал Ленин,—что после наибольшего развития революционной энергии в столице, где народ и особенно рабочие принесли максимум жертв для свержения царизма, в столице, где цен-

тральная государственная власть оказалась свергнутой и наиболее централизованная власть капитала дала максимум власти капиталистам,—власть советов (и власть пролетариата) оказались слабыми, задача дальнейшего развития революции оказалась особенно трудной, переход к новому этапу революции—особенно тяжел, противодействие буржуазии всего сильнее». А наряду с этим «в ряде местных центров, особенно рабочих, роль советов оказалась особенно большой. Создалось единовластие; буржуазия разоружена полностью и сведена к полному подчинению; повышена заработная плата, сокращен рабочий день при неуменьшем производстве; обеспечено продовольствие; начат контроль за производством и распределением; смещены все старые власти; поощряется революционная инициатива рабочих и крестьян и в вопросе о власти (смещение всех старых и создание новых властей) и в вопросе о земле». Так характеризовал перед апрельской конференцией советы Ленин в своих «Набросках и тезисах о советах».

Иваново-Вознесенск относится к числу рабочих центров, где роль советов после Февральско-мартовской революции «оказалась особенно большой», благодаря чему в дни Октябрьской революции пролетариат Иванова, под руководством большевистской организации, уже держал власть в своих руках, оказывая помощь пролетариату столиц в его борьбе против контрреволюции.

Что переход пролетариата Иванова от первого ко второму этапу революции протекал более быстрым путем, чем в Питере и в Москве, это можно иллюстрировать рядом фактов, показывающих пути перехода ивановских рабочих от первого ко второму этапу революции.

В момент Февральской революции стихийный характер движения проявился в Иванове так же, как и в столице. Образовалось двоевластие: с одной стороны, комитет общественной безопасности—орган буржуазии, а с другой—совет рабочих депутатов с председателем-большевиком. Выборы последнего проходили стихийно. Большевистская организация, разгромленная за годы войны, с первого момента, так же, как и в других центрах, не смогла выступить организованно и добиться самостоятельности позиции совета по отношению к комитету общественной безопасности, проводившему буржуазную политику. Это особенно сказалось на позиции совета по отношению к войне. 15 марта совет, после заявления рабочих и служащих фабрики Ив. Гарелина о том, что некоторые товарищи выступают на митингах против войны, постановил «напечатать в «Известиях революционного комитета» опровержение от С. Р. и С. Д. об отношении к войне», а 19 марта совет постановляет выпустить воззвание с указанием, «что пропаганда на улицах и среди солдат о ненужности войны в настоящее время недопустима». Бессознательная доверчивость к капиталистам проявилась также и в вопросе об отношении к Временному правительству. 21 марта совет принял решение: «До Учредительного собрания всеми силами поддерживать и укреплять обязательное для всех сознание, что вся полнота законодательной и исполнительной власти должна принадлежать Временному правительству, которое и должно иметь полную ответственность перед родиной».

Бессознательная доверчивость к капиталистам, однако, продолжалась недолго. С возвращением в Иваново из ссылки ряда старых партийных работников, установлением связей с партийными центрами и особенно после апрельских тезисов Ленина партийная организация развертывает свою работу по организации масс вокруг большевистских лозунгов, сформулированных Лениным.

Показателем революционизирования масс явились митинги на фабриках и заводах во второй половине апреля, про-

ходившие под лозунгом против войны и «займа свободы». Эти митинги явились выражением недоверия пролетариата к политике буржуазии и ее власти. Так это и было расценено буржуазией. В заседании комитета общественной безопасности 21 апреля председатель комитета заявил: «События последних дней показали, что комитет не пользуется полным доверием масс народа», и поставил вопрос о реорганизации Комитета, имея в виду привлечь эсеров и меньшевиков, через которых и влиять на массы. Однако при жиденьком состоянии первых и убудочности организации вторых (меньшевики оформились как организация лишь в июне) и при наличии крепкой большевистской организации, тесно связанной с массами, надежды буржуазии закрепить свое влияние на массы потерпели крах.

Совет рабочих и солдатских депутатов чем дальше, тем крепче начинает проводить большевистскую линию. 12 мая после обсуждения вопросов: 1) об отношении к войне, 2) займу свободы и 3) Временному правительству он принимает большевистские резолюции. Дальнейшая деятельность совета была направлена на полное разоружение буржуазии, все еще державшей в руках в блоке с эсерами и меньшевиками комитет О. Б. и городскую думу (совет потребовал перевыборов городской думы), на обеспечение продовольствием рабочих масс и на введение контроля над производством и распределением.

Наряду с организацией масс вокруг С. Р. и С. Д. и профсоюзов, буржуазия также собирает свои силы. Иваново-Вознесенское, Шуйское и Кинешемское общества фабрикантов и заводчиков созвали и организовали 9 мая «Союз объединенной промышленности». Ивановская буржуазия, не имея сил оказать сопротивления большевистскому совету раб. и сол. депутатов, пытается «взять измором революционный рабочий класс» (из резолюции совета от 2 июня) и провести остановку фабрик и заводов. В ответ на это совет решает, что без разрешения совета рабочих и солдатских депутатов ни одна фабрика не должна останавливаться, ни один

рабочий без ведома совета не может брать расчета с фабрики.

К июльским дням пролетариат Иванова был уже подготовлен к взятию власти в свои руки. Подтверждением этого является поведение масс в июльские дни. 4 июля по получении телеграммы из Москвы от областного бюро РСДРП(б) о демонстрации фабрик и заводов Питера, совет установил контроль над телеграфом и телефоном, а 6 июля большевиками была организована демонстрация, в которой участвовали рабочие и работницы всех фабрик и заводов под охраной вооруженных солдат 199-го полка с лозунгом: «Вся власть советам!».

Буржуазия, а в особенности ее агента — меньшевики и эсеры, попыталась использовать факт занятия 4 и 5 июля советом телеграфа и телефона для натравливания масс против большевиков. Исполнительный комитет общественных организаций, где еще сидели представители буржуазии, хотел привлечь совет за занятие телефона и телеграфа к ответственности. В ответ на это совет подтвердил, что свои действия 4 и 5 июля считает правильными, а за попытку натравливать массы против большевиков еще на заседании совета 12 мая были

вынесены постановления о закрытии газеты исполнительного комитета общественных организаций и запрещении продажи в киосках буржуазных газет.

После июльских дней побитая местная буржуазия осуществляет свое намерение, закрывая фабрики и заводы. За июль и август в Иванове закрылся ряд фабрик и заводов, в том числе такие, как бумаготкацкая фабрика (5000 рабочих), ситцепечатная фабрика Полушина (3000 рабочих), ситцевая фабрика Маракужева (2000 рабочих). Росла безработица. Положение с продовольствием, несмотря на принятые советом меры, ухудшалось с каждым днем, сделавшись в августе — сентябре катастрофическим. Обращение совета в центр, в частности в министерство продовольствия, о снабжении Иваново-Вознесенска продовольствием, конечно, ощутимых результатов не дало. Да это и понятно, поскольку власть находилась в руках буржуазии.

Резкое ухудшение положения рабочего класса еще сильнее обострило классовую борьбу. «Против действий буржуазии, — писали рабочие «Т-ва Ив.-Вознесенской мануфактуры» в резолюции от 14 июля, — мы представляем свою политику, а именно, требование перехода

Октябрь в Иваново-Вознесенске

всей власти в руки С. Р. и С. Д. и немедленное проведение в жизнь рабочего контроля над производством и распределением, и только это может вывести страну из тупика и спасти от грядущей катастрофы». Городской комитет РСДРП(б), учитывая нарастающий подъем масс против буржуазии, в своей резолюции по текущему моменту 15 августа констатировал, что «недовольство рабочих все растет и растет и настойчиво требует решительных шагов для разрешения в той или иной мере своих требований». Проходившие в этой обстановке выборы в городскую думу явились показателем настроений рабочих масс. Из 102 гласных, избранных в думу, 58 было избрано большевиков. Если к совету и к городской думе, где большинство было большевистским, прибавить президиум правления иваново-кинешемских профсоюзов, на 90 проц. состоящих из большевиков, то вряд ли можно сомневаться в том, что к сентябрю в Иванове была власть в руках большевиков при полной изоляции буржуазии и ее прихвостней—меньшевиков и эсеров. Однако, держа в своих руках власть, пролетариат Иванова, возглавляемый большевиками, столкнулся с ярким сопротивлением местной буржуазии, закрывавшей фабрики и заводы, и с буржуазией как классом, державшей власть в стране. Перед партийной организацией стояла задача направить все возрастающее недовольство рабочего класса на дальнейшую борьбу против буржуазии. Нарастающую стачку рабочих ивановского района большевики решают возглавить, превращая экономическую стачку в политическую.

Совет после обсуждения на своем заседании 20 и 21 сентября вопроса о стихийном выступлении рабочих фабрик Полушина, Куваева, Н. Гарелина, Гандурина, Дербенева, Зубкова и др. постановляет: «С. Р. и С. Д., находя, что начинающееся стихийное движение масс вызывается возрастающей голодовкой среди них, недостаточностью заработной платы и расстройством вообще экономической жизни, отсутствием на фабриках хлопка и все возрастающим закрытием фабрик и заводов, признает, что фабри-

канты не принимают должных мер для урегулирования нормальной работоспособности фабрик и увеличивают нажим на рабочие организации, все меньше с таковыми считаясь». Признавая затем, что разрешение вопросов как продовольственного, так и по снабжению фабрик сырьем и топливом зависит от общего положения страны, от продолжающейся до сих пор войны, от той власти, которая стоит во главе страны, собрание находит необходимым направить нарастающее движение на организованный путь политического выступления под лозунгами: «Вся власть советам», «Мира, хлеба и работы». А через месяц, когда стачка была объявлена и охватила фабрики и заводы всего иваново-кинешемского района, совет заявил: «Буржуазно-капиталистическая контрреволюционная власть, поддерживаемая потерявшими всякое влияние на массы партиями эсеров и меньшевиков, окончательно дискредитировала себя в глазах рабочих, солдат и крестьян... 1) Объявить Временное правительство и все партии, его поддерживающие, правительством и партиями измены революции и предательства народа; 2) считать отныне все советы Владимирской губернии на положении открытой и беспощадной борьбы с Временным правительством и на основании этого установить по отношению к распоряжениям Временного правительства и его агентов на местах полную свободу действий советов, приступая немедленно к регулированию политической и хозяйственной жизни своею собственной властью, строго сообразуясь с интересами трудовых масс. Обратиться с призывом к советам крестьянских депутатов выступить на тот путь активной революционной борьбы с правительством народной измены, чтобы помочь рабочим и солдатам спасти страну и революцию, а также обратиться к товарищам матросам Балтийского флота с горячим приветом и заверением, что рабочие и солдаты Иваново-Вознесенска не оставят их в героической борьбе за революцию» (принято при одном против и одном воздержавшемся). Тут же был организован штаб Красной гвардии и утвержден ее устав. Буржуазия и преда-

Отряд ивановских
красногвардейцев
против каледина

тели революции—меньшевики и эсеры—лишь оказались способными реагировать на действия советов «клеветническим подбором статей и ложными сообщениями» в газете «Иваново-Вознесенск»—органе фактически давно умершего исполнительного комитета общественных организаций.

Сообщение о свержении Временного правительства на заседании совета 25 октября вызвало бурю аплодисментов и радостных возгласов. Совет выделяет временный революционный штаб, поручив ему охрану города. Временный революционный штаб тут же решает назначить охрану военным караулом телеграфа и телефона, а из числа членов совета назначает дежурных на телеграф и телефон для контроля.

Рабочие и работницы Иванова также с восторгом встретили известие о свержении Временного правительства. Солдаты местного гарнизона заверили С. Р. и С. Д. о своей солидарности с рабочим классом. Рабочие и служащие железной дороги ст. Иваново в ответ на телеграмму Викжеля с предложением готовиться к забастовке и к поддержке Викжеля приняли резолюцию, обещая полную поддержку С. Р. и С. Д. и осуждая

забастовку, направленную против революции. Только почтово-телеграфные служащие заявили протест против введенного С. Р. и С. Д. контроля на телеграфе и телефоне, объявив стачку. После отказа почтово-телеграфных служащих продолжать работу саботажники были заменены самими рабочими, знакомыми с телеграфно-телефонным делом.

Ярким показателем революционного настроения пролетариев Иванова в Октябрьские дни является и тот факт, что когда они узнали 28 и 29 октября о боях в Москве и о том, что Кремль занят белыми, то, как передает в своих воспоминаниях т. Королев, правление союза текстильщиков «было буквально засыпано просьбами, требованиями о посылке их в Москву на помощь московским рабочим». И если ивановским рабочим не пришлось в Октябрьские дни вступить в бой с белогвардейцами в Москве, то очень скоро Красной гвардии, организованной ивановцами, пришлось бороться с калединщиной, а затем в 1918-20 гг., перенося голод, нищету, вместе с пролетариями Питера и Москвы бороться с белогвардейщиной и интервентами за существование диктатуры пролетариата.

Г. ЛИНДЕ

ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИИ В ГЕРМАНИИ

«Капиталистической стабилизации приходит конец. В СССР завершается построение фундамента социалистической экономики»,—так характеризовал современный этап мировой пролетарской революции XI пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Вступление СССР в период социализма и небывалый по своей силе и длительности мировой экономической кризис, возникший и нарастающий на основе всеобщего кризиса капиталистической системы,—таковы два основных, решающих факта современного мирового положения.

Мировая пролетарская революция развивалась и развивается неравномерно. Начавшись в октябре 1917 г. восстанием российского пролетариата и установлением пролетарской диктатуры на одной шестой части мира, она в других странах испытывала периоды подъема и временных поражений. 1918 и 1919 гг.—ряд революций в Европе, которые, несмотря на отдельные крупные взлеты революционной волны (Баварская и Венгерская советские республики), не привели к победе пролетариата вследствие отсутствия достаточно развитых революционных большевистских партий, которые могли бы уничтожить влияние предательской с.-д., главной опоры буржуазии. В 1923 г.—новый подъем, ре-

волюционная ситуация в центре капиталистической Европы, в Германии, где дело доходит до вооруженного восстания в Гамбурге; эта революционная ситуация перекидывается и на Польшу (краковские события 1923 г.). Но и на этот раз пролетариат терпит поражение: молодая германская коммунистическая партия оказалась еще слишком слабой, в ее рядах сильно еще было влияние с.-д. пережитков, давших возможность брандлерианскому руководству тормозить революционную энергию масс и предать партию и массы, когда дело дошло до решительного момента.

С поражением пролетариата в 1923 г. в Германии с 1924 г. начинается период стабилизации капитализма, стабилизации временной, относительной, шаткой, гнилой, стабилизации на основе всеобщего кризиса капиталистической системы. Эта стабилизация не означала и не могла означать преодоления всеобщего кризиса капитализма, ибо она протекала в рамках этого кризиса. Именно потому, что это была стабилизация в рамках всеобщего кризиса, она была полна противоречиями всеобщего кризиса. В период стабилизации эти противоречия не ослабевали, а усиливались, создавая предпосылки для нового усиления всеобщего кризиса капитализма.

Уже VI конгресс Коминтерна (в июле — августе 1928 г.) констатировал наступление третьего периода всеобщего

кризиса капитализма, периода, дружно идущего на смену периоду стабилизации и характеризованного X пленумом ИККИ (июль 1929 г.) как период «нарастания его (т. е. послевоенного капитализма) общего кризиса, ускоренного обострения основных внешних и внутренних противоречий империализма».

Было бы глубоко ошибочно думать, что период стабилизации был периодом затишья на фронте мировой революционной борьбы. Мы имели за это время всеобщую забастовку и забастовку горнорабочих в Англии, июльское восстание 1927 г. в Вене, крупные классовые бои в Китае и целый ряд более мелких революционных выступлений пролетариата и угнетенных масс колоний. Но самым крупным проявлением развития мировой пролетарской революции в этот период было победоносное социалистическое строительство в СССР. На этом своем участке мировая коммунистическая революция одерживала крупнейшие свои победы, приведшие к вступлению СССР в период социализма и тем самым,

в связи с обострением всеобщего кризиса капитализма, к наступлению новой фазы в исторической борьбе между капитализмом и коммунизмом.

СССР является не только неотъемлемой частью мировой революции, но и ее авангардом, ее опорой, ее плацдармом. СССР—ударная бригада мирового пролетариата, СССР—важнейший фактор всеобщего кризиса капитализма. Вступление СССР в период социализма—это победа всемирно-исторического значения, крупнейший удар по капиталистической стабилизации.

Разразившийся в конце 1929 г. небывалый в истории капитализма мировой экономический кризис, длящийся уже два года и все обостряющийся, и вступление СССР в период социализма означают, что «капиталистической стабилизации приходит конец», что на пяти шестых частях земли, еще находящихся под игмом империализма, нарастает новая революционная волна, нарастают предпосылки революционного кризиса. Мы все более и более приближаемся к такому моменту мировой истории, когда дви-

Штурм сберкассы в Берлине в августе 1931 г.

жение мировой коммунистической революции вперед будет выражаться не только в быстром росте социализма в СССР, в росте советских областей Китая и в отдельных разрозненных классовых боях в капиталистических странах, но и в крупнейших боях пролетариата в капиталистических странах непосредственно за власть и в колониальных революциях. Мы приблизились, таким образом, к поворотному пункту мировой революции: самый факт вступления в период социализма такой огромной страны, как СССР, в 1917 г. выпавшей из империалистической цепи, является решающим в этом повороте.

Но и на этот раз движение идет и пойдет неравномерно. Вряд ли это будет одновременное восстание пролетариата во всех капиталистических странах. Диктатура капитала, конечно, легче будет свергнута прежде всего не только там, где пролетариат находится в наибольшем угнетении и доведен до невозможных условий существования, но где, главное, во главе пролетариата будет стоять прошедшая школу борьбы опытная, закаленная, массовая коммунистическая партия.

Из всех стран капиталистической Европы важнейшей с точки зрения перспектив нарастания революционного кризиса страной является Германия.

Ни в одной из стран Западной Европы противоречия послевоенного капитализма не сказались с такой силой, как в Германии. Германский рабочий класс нес и несет все тяготы версальской системы. Те колоссальные суммы, которые германская буржуазия выплачивала и выплачивает победителям в виде репараций, полностью и целиком путем налогов и снижения зарплаты переложены на плечи рабочего класса и на трудящиеся слои. В период по окончании войны до 1924 г. массы были ограблены буржуазией при помощи инфляции.

Когда революционный кризис достиг своей высшей точки в октябрьские дни 1923 г., американский империализм, организовал «спасение» германской буржуазии, навязав на массы золотые цепи плана Дауэса.

За 6 лет действия плана Дауэса Германия выплатила репараций на сумму

около 10 миллиардов марок. За этот же период ввоз капиталов в Германию из-за границы, главным образом из САСШ, составил около 20 миллиардов марок. Может показаться, что германская буржуазия платила репарации из получаемых ею займов, что план Дауэса несколько не отразился на рабочем классе. На деле это не так: репарации уплачивались из карманов масс, а полученные займы шли на «хозяйство», т. е. умножали капиталы буржуазии. С одной стороны, небывалый гнет налогового пресса, повышение ж.-д. тарифов, удлинение рабочего дня нередко до 11-12 часов, снижение заработной платы, неслыханная интенсификация труда, рост безработицы в результате рационализации (за пять лет рационализации из производства было выброшено не менее двух миллионов рабочих). Из этого источника неслыханной эксплуатации и ограбления масс буржуазия при помощи с.-д. и черпала средства для выполнения плана Дауэса. А с другой стороны, переоборудование промышленности и транспорта, поставившее их на первое место в Европе, новое строительство, рост продукции, проникновение и успешная конкуренция Германии на мировом рынке. Иными словами, расширение производственного аппарата и производства при растущем обнищании масс.

И в других странах «стабилизация» проводилась за счет усиления эксплуатации масс. Но ни в Англии, ни во Франции эта последняя не была так сильна, как в Германии. Германский рабочий класс эксплуатировался вдвойне: он создавал крупные прибыли для «своей» буржуазии и платил репарации. Рост обнищания масс вызывался этим двойным прессом. Германская промышленность за эти годы росла при одновременном быстром сокращении ее внутреннего рынка и растущих трудностях сбыта на мировом рынке.

Но и ограбление масс оказалось недостаточным ни для выполнения плана Дауэса, ни для насыщения потребности «отечественного» капитала в накоплении. В 1929 г. план Дауэса был заменен планом Юнга, который предоставил не-

Дядя Сам: Никакого героизма, просто я спасаю свои деньги

которые облегчения германской буржуазии за счет еще большего усиления налогового нажима.

Надо еще учесть то обстоятельство, что Германия лишена колоний, которые могли бы служить добавочным источником эксплуатации. Необходимо, наконец, учесть, что германская буржуазия проводила рационализацию в значительной мере при помощи иностранных капиталов, которые по мере наступления и обострения мирового экономического кризиса стали сначала, медленно, а затем быстро утекать из Германии.

Версальская система привела, таким образом, к тому, что наступивший в 1929 г. мировой экономический кризис разразился с особой силой, остротой и катастрофичностью в Германии, где он до сих пор проявляется и усиливается в наиболее острой форме.

План Гувера, отсрочивший на один год уплату очередных платежей Германии, не приостановил и не может приостановить роста дефицита германского бюджета, роста затруднений германской буржуазии вообще. План Гувера, как известно, не предотвратил финансовой катастрофы Германии, а пожалуй, наоборот, ускорил ее. Германская буржуазия не может надеяться на помощь английского финансового капитала: в Англии

бушует финансовый кризис, принявший уже почти такие же размеры, как в Германии. Волны финансового кризиса подкрадываются уже и к Франции и к Соединенным Штатам.

Не исключена, конечно, возможность оказания Германии международной финансовой помощи в целях предупреждения пролетарской революции в центре капиталистической Европы. Но эта помощь, во-первых, в условиях растущего и вступившего в новую фазу мирового кризиса, не может быть значительной. А, во-вторых, она предполагает гарантию отпущенных германской буржуазии средств. Такой гарантией является, в первую очередь, широко проведенный «режим экономии», т. е. еще большее снижение зарплаты, упразднение социального страхования и страхования от безработицы, или, как выражается буржуазная печать, «социальная разгрузка» германского хозяйства. А для того чтобы разбить сопротивление масс, необходима не менее важная гарантия — уничтожение коммунистической партии, организатора и руководителя революционного возмущения масс и революционного выхода из кризиса.

Канцлер Брюнинг: Государственный пес не должен погибнуть. Мы отрубили ему кусок хвоста и кормим его

Германская буржуазия вместе со всей мировой буржуазией ищет и не может не искать выхода из кризиса также на пути подготовки интервенции против СССР. Это обуславливается не только чисто экономическими соображениями—стремлением мировой буржуазии превратить выпавшую из системы капитализма колоссальную страну в объект империалистического грабежа, но, главным образом, тем, что рост социализма в СССР на фоне обанкротившегося капитализма является величайшим фактором революционирования масс, фактором роста их сопротивления капиталистическому выходу из кризиса, фактором мобилизации масс для революционного выхода из кризиса.

Во в с я к о м случае, и при наличии помощи извне, и при отсутствии этой помощи буржуазия может искать выхода из кризиса только на пути дальнейшего резкого, с к а ч к о о б р а з н о г о ухудшения условий существования пролетариата и широких масс трудящихся. Германская буржуазия при активной поддержке и помощи социал-фашистов уже приступила к этому: готовится почти полное упразднение социального страхования, новое резкое снижение зарплаты, сокращаются расходы на школы, больницы, закрываются коммунистические газеты, усиливаются гонения на компартию, растет белый террор, готовится «запрещение» компартии, ведутся переговоры об условиях включения Германии в подготовку интервенции против СССР.

Ускоренное нарастание предпосылок революционного кризиса в Германии определяется не только изложенными нами условиями развития кризиса в Германии, но и историей ее внутривнутриполитического развития после войны. Ни в Англии, ни во Франции парламентская «демократическая» форма буржуазной диктатуры не разоблачила себя еще перед широкими массами так, как в Германии. Ни в Англии, ни во Франции с.-д. и реформистские профсоюзы не разоблачили себя как агентуру буржуазии в рядах рабочего класса так, как в Германии, где социал-фашизм

быстро теряет свою массовую базу в рабочем классе. Ни в одной из этих стран рабочий класс после войны не имеет за своей спиной такой богатой истории классовых боев, как германский пролетариат (революция 1918 г., Баварская советская республика 1919 г., капповский путч 1920 г., мартовское восстание 1921 г., осень 1923 г. с гамбургским восстанием и в начале «третьего периода» баррикадные бои в Берлине 1 мая 1929 г.). В ходе этой борьбы складывалась, росла, закалялась и большевизировалась революционная партия германского рабочего класса—КПГ, партия, имеющая за собой богатый опыт борьбы, партия, хотя еще не завоевавшая большинства рабочего класса, но являющаяся уже массовой партией, наносящей сильные удары социал-фашизму, после ВКП(б) первая по своей силе, по своему влиянию на рабочий класс, по своему опыту, по степени своей большевизации массовая партия Коминтерна.

Хотя в Англии кризис начинает принимать не менее бурные, чем в Германии, формы, хотя в Англии мы имеем небывалый темп нарастания классовых противоречий и начала массового движения, но в Англии нет еще массовой коммунистической партии, как в Германии. Новый этап кризиса в Англии создает условия, чрезвычайно благоприятные для превращения, и притом быстрого превращения английской КП в массовую партию и вместе с тем к ускоренному нарастанию предпосылок революционного кризиса.

Предпосылки революционного кризиса будут перерастать в революционный кризис по мере того, как компартия в процессе борьбы против капиталистического выхода из кризиса поведет массы по пути революционного выхода из кризиса. В э т о м с м ы с л е германская компартия выступает как сила, п о д г о т о в л я ю щ а я революционную ситуацию.

За год с лишним, прошедший с сентябрьских (1930 г.) выборов в рейхстаг, явившихся поворотным пунктом в росте КПГ, последняя почти утроилась

со 120 тыс. членов до 300 тыс. в настоящее время.

Своей борьбой партия усиливает отход рабочих масс от с.-д., она приостановила начавшееся было проникновение фашизма в ряды рабочего класса, она успешно работает среди сельскохозяйственного пролетариата и бедного крестьянства. Лучшим свидетелем роста влияния компартии являются сыплющиеся на нее репрессии. Компартия Германии близка к завоеванию большинства рабочего класса, т. е. решающих масс его.

Несмотря на быстрый рост КПГ и рост ее руководящего влияния, она еще не завоевала большинства пролетариата, т. е. еще не создала одного из основных условий, без которых невозможна революционная ситуация. Партия быстро идет к решению этой основной задачи, но еще не решила ее. Мы имеем в Германии быстрое нарастание предпосылок революционного кризиса, но самого революционного кризиса еще нет.

Вопрос о путях германской революции, о перспективах нарастания революционного кризиса в Германии сводится, следовательно, к вопросу о задачах, которые предстоит решить германской компартии на данном этапе для завоевания большинства рабочего класса. Ибо

«главная задача, стоящая сейчас перед всеми коммунистическими партиями, заключается в завоевании и большинства рабочего класса как необходимом условии победы над буржуазией и подготовки рабочего класса к решающим боям за диктатуру пролетариата» (XI пленум ИККИ).

К чему в данный момент сводится эта главная задача германской компартии?

Одним из основных и решающих условий завоевания компартией большинства рабочего класса в Германии является разгром позиций с.-д. в рабочем классе и уничтожение ее влияния на рабочий класс. Социал-демократия — главная социальная опора буржуазии. Не уничтожив в основном эту опору, нельзя свергнуть диктатуру буржуазии. Наряду с социал-фашизмом буржуазия создала себе опору и в лице фашизма. Но в основном фашизм является опорой буржуазии, главным образом, в рядах мелкой буржуазии. Хотя верно то, что приверженцы фашизма из пролетариата в огромном большинстве случаев являются «приверженцами» из-под палки, тем не менее мы все еще должны считаться с фактом влияния фашизма на известные слои рабочих (пример: последние выборы в Гамбурге). Н

Агитповозка компартии в Гамбурге, призывающая к бойкоту социал-фашистской печати

главный враг революции в рабочем классе—это социал-фашизм, смыкающийся в ряде случаев с фашизмом, перерастающий в последний. «Основной удар должен быть направлен против с.-д. партии, которая в качестве основной социальной опоры всех эксплуататоров и угнетателей представляет собой опаснейшее орудие борьбы против социального и национального освобождения германского народа» (из постановления

в компартию. Но процесс этот не идет самотеком, он обусловлен активной разоблачительной борьбой компартии против социал-фашизма. И от дальнейшего размаха, остроты и глубины этой борьбы зависит рост начавшегося кризиса социал-фашизма.

Социал-демократия теряет, но далеко еще не потеряла своих позиций в рабочем классе. Это выражается не только в количестве голосов, подаваемых рабочими за с.-д. на парламентских и коммунальных выборах, но прежде всего в том, что в с.-д. профсоюзах состоит около 4,5 миллионов рабочих.

Демократические иллюзии, которые сеяла и сеет в рабочих массах с.-д., уже изрядно потрепаны, но они еще не преодолены окончательно. В этом еще заключается крупное препятствие для нарастания революционного кризиса, которое германской компартии надо еще снести.

В руках с.-д. находится широко разветвленный профсоюзный аппарат с огромной прессой, охватывающей все вопросы жизни рабочего: производство, политику, вопросы зарплаты и вопросы ведения домашнего хозяйства рабочего, его огорода или цветника, воспитания детей, спорт и пр. и пр. Этот профсоюзный аппарат признан законом правомочным для заключения тарифных договоров, он еще выдает своим членам хотя и уменьшающиеся, но все же кой-какие пособия по безработице, по болезни. Профсоюзы не только цепляются за душу рабочего, но ставят своих членов в материальную зависимость от себя. Это союзы, сросшиеся с предпринимательскими организациями, они держат своих членов под постоянным страхом увольнения в случае выступления против предательского руководства. Реформистские профсоюзы имеют свою опору на предприятиях в лице реформистских завкомов. Во многих крупных предприятиях социал-фашисты заполняют почти весь состав мастеров и занимают административные посты.

Такая же картина повторяется и в муниципалитетах и на биржах труда. Наконец, в полиции, на руководство которой буржуазия поставила с.-д.

Коммунистический плакат с надписью: «Форвертс в роли слепой коровь»

ЦК КПГ сб итстах красного плебисцита ст 11 августа 1931 г.).

Процесс отхода рабочих от с.-д. наметился еще до выборов в рейхстаг 14 сентября 1930 г. Выборы означали перелом в этом процессе, который особенно усилился с весны 1931 г., когда с.-д. еще больше разоблачила себя на лейпцигском партийтаге как «ле арь капитализма» и позже—как сторонница чрезвычайных декретов Гинденбурга — Брюнинга. Мы за это время имеем переход с.-д. рабочих целыми группами

Стычка революционных рабочих с полицией во время демонстрации

Социал-демократия действует не только методами демократической и марксистской фразеологии, не только методами обмана и предательства, но и методами экономического и политического терроризирования масс (штрейкбрехерство, подавление забастовок с.-д. полицией, запрещение демонстраций, исключение из профсоюзов и увольнение с производства и т. д.).

Хотя возможности маневрирования для с.-д. все более и более суживаются, они еще не уничтожены, и с.-д. их ловко использует (примером такого маневрирования является образование «левого» крыла социал-фашизма, более марксистскообразный тон почти всей с.-д. печати за последнее время).

Задача разгрома позиций с.-д. в рабочем классе и ликвидация с.-д. влияния на рабочий класс сводится, таким образом, не только к разоблачению с.-д. перед массами в печати, на собраниях и в дискуссиях, но, главным образом, к отрыву от с.-д. рабочих масс не только идеологически, но и организационно, к лишению с.-д. партийной и профсоюзной организации ее массовой базы.

Эта задача может быть решена только путем борьбы на основе тактики единого фронта с с.-д. рабочими снизу.

Успехи, достигнутые германской компартией за последний год, были достигнуты бесспорно путем применения тактики единого фронта снизу. Особо выдающимся моментом в этом отношении является красный плебисцит о роспуске прусского ландтага, проведенный под руководством компартии и обнаруживший рост влияния компартии на с.-д. рабочих. Но в области применения этой тактики в рабочих низах не только в крупных внепарламентских политических выступлениях, а и в предприятиях, существует крупное отставание.

Между тем центр тяжести всей задачи завоевания большинства рабочего класса на сторону пролетарской революции и связанной с ней задачи разгрома с.-д. лежит в работе партии на предприятиях, притом на крупных предприятиях промышленности и транспорта.

Компартия сделала значительные успехи в деле организационного закрепления своего влияния среди безработных. Многомиллионная армия безработных представляет собой крупную силу. Но пролетарскую революцию одни безработные не сделают. Работа партии в предприятиях является основной и решающей в деле завоевания большинства рабочего класса.

Трудности работы компартии в предприятиях в Германии не малы.

Крупные предприятия «очищаются» от лучших революционных элементов. При увольнениях вследствие прорисходящего сокращения производства увольняются в первую очередь коммунисты и рабочие, симпатизирующие коммунизму. Это создает большие трудности для организационного укрепления компартии и революционной профорганизации в предприятии. Но тем более усилий и напряжения должна прилагать компартия для решения этой задачи, ибо, не решив ее, она не завоеует большинства рабочего класса. Вот почему ЦК КПГ в своем постановлении от 11 августа с. г. указывает: «Партия и революционная профоппозиция должны путем огромного напряжения сил добиться перевеса над социал-демократией и беспорочного руководства рабочими на всех крупных предприятиях Германии. Центр тяжести всей партийной работы находится на предприятиях, в боях на предприятиях, среди рабочих фабрик и заводов».

Со времени германской забастовки металлистов в октябре 1930 г. и забастовки горнорабочих в январе 1931 г. в Германии не было сколько-нибудь значительных экономических боев и вообще массовых движений несмотря

на оголтелое наступление предпринимателей при активной помощи социалфашистов и профсоюзной бюрократии на заработную плату, на страхование и т. п. В этом сказывается прежде всего слабость работы компартии и революционной профоппозиции на предприятии.

Рабочая масса в предприятиях видит все предательство с.-д., все более и более сознает, что единственный выход из кризиса — это революционный выход. Она видит, что эта борьба должна быть и будет не обычной экономической борьбой, а должна будет вылиться в крупные ожесточенные классовые бои. Рабочие массы все больше убеждаются в правоте компартии.

Но для того чтобы развязать растущую боевую энергию масс, необходимо, чтобы рабочие на предприятии имели руководящую революционную организацию. Компартия должна организовать борьбу на предприятии за повседневные интересы рабочих, чтобы рабочие почувствовали прочную опору и крепкую руководящую организацию, чтобы они на повседневном собственном опыте убеждались в правильности лозунгов компартии.

Напряженная и усиленная работа партии является основным условием для

Рабочие выражают свой протест по поводу недопущения их на собрание, организованное социал-фашистами 14 сентября 1931 г.

успешной борьбы за рабочие массы, организованные в профсоюзах. Революционная профопозиция вместе с красными профсоюзами объединяет пока только около 250 тыс. человек. Надо принять во внимание, что в это число входят также и исключенные из союзов. Организационный охват РПО членов реформистских профсоюзов не соответствует тому политическому влиянию, которое она имеет на реформистских рабочих. Еще меньше ее организационные успехи соответствуют стоящим перед ней задачам развязывания и руководства экономической и политической борьбой. Без упорной работы партии на предприятии невозможно завоевание рабочих масс изнутри реформистских профсоюзов, невозможно завоевание большинства рабочего класса вообще.

Таковы в основном задачи германской компартии, от степени и темпа решения которых зависят дальнейшие пути германской революции. Перенесение центра тяжести работы партии на крупные предприятия и в профсоюзы—через это на данном этапе лежит путь к подготовке революционного кризиса, надвигающейся народной революции в Германии, которая будет не чем иным, как пролетарской революцией.

Германия является высокоразвитой индустриальной страной с концентрированным пролетариатом. Но из этого было бы неправильно сделать вывод, что германский пролетариат для своей революции не нуждается в союзниках. Для обеспечения своей победы германский пролетариат должен привлечь на свою сторону бедное крестьянство и наиболее угнетаемые капиталом слои городской мелкой буржуазии. Пролетарская революция Германии освободит от социального и национального гнета не только пролетариат, но и все трудящиеся массы, в этом смысле она будет народной революцией.

Влияние фашизма на мелкую буржуазию не будет уничтожено само собой. Бедное крестьянство в своей массе будет завоевано рабочим классом как союзник, и среднее крестьянство будет оторвано

Тов. Э. Тельман

от влияния фашизма и сможет быть нейтрализовано только в результате борьбы компартии за большинство рабочего класса.

Когда по мере обострения всех внешних и внутренних противоречий фашисты все больше и больше будут разоблачены как наемные банды капитала и аграриев и кулаков, когда мелкое и среднее крестьянство убедятся, что компартия ведет за собой большинство рабочего класса, что рабочий класс под знаменем компартии собирает свои силы для перехода в решительное наступление против всех эксплуататоров, когда они увидят растущую мощь рабочего класса,—начнется процесс более решительного отхода значительной части мелкой буржуазии от фашизма—переход на сторону пролетариата как действительного гегемона в народной революции.

Через ударную работу компартии в предприятиях и профсоюзах к завоеванию большинства рабочего класса, через завоевание большинства рабочего класса к поднятию его на высоту действительного гегемона в народной революции — таков путь германской компартии и вместе с тем путь германской революции.

Германская буржуазия не имеет никакого иного выхода из кризиса, грозящего уже превратиться в катастрофу, кроме как бешеное наступление на рабочий класс. Германский рабочий класс не имеет поэтому никакого иного выхода, кроме как контрнаступление, которое все более становится неизбежным. От степени организованности, сознательно-

сти и понимания исторических задач, возложенных на рабочий класс, зависит ближайшее будущее революции в Германии: сумеет ли авангард его собрать необходимые силы для решающих боев или рабочий класс капитулирует перед наступлением капитала в современном кризисе. Такая капитуляция поставит массы Германии надолго в условия неслыханной нищеты, голода и холода, вымирания в буквальном смысле слова.

Имеющий за своей спиной опыт крупных классовых боев, руководимый крупнейшей и сильнейшей после ВКП(б) коммунистической партией, обогащенной опытом большевизма, германский рабочий класс найдет революционный выход.

Рабочие Гамбурга подают заявления о приеме их в «Союз борьбы против фашизма»

9 НОЯБРЯ 1918 г.

1. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ФУНКЦИОНЕРЫ И СПАРТАКОВЦЫ

Германская революция и крах прусско-германской военной монархии являются результатом влияния мировой войны на политическую и экономическую жизнь страны. Однако не малую роль сыграли и российская революция и пропаганда сюза «Спартак» среди рабочих и солдат на фронте против войны — за революцию.

Помимо группы «Спартак», имевшей особенно сильное влияние в Берлине, главным образом среди берлинских металлистов, в Берлине существовала группа «революционных функционеров», которые занимались подготовкой к революции. Летом 1918 г. они развили активную деятельность по вооружению пролетариата, причем считали, что революцию может сделать небольшая группа решительных, хорошо вооруженных рабочих.

Требование спартаковцев организовать массовое революционное движение рассматривалось вождями этой группы как помеха, как стремление вызвать преждевременно революцию, которую они подготовляли втайне. Они пытались дискредитировать этот лозунг, называя его «революционной гимнастикой». Но все-таки в этой группе имелось революционное ядро, состоявшее из рабочих. Вот почему спартаковская группа, почти все вожди которой находились в тюрьме или эмиграции, работала в тесном контакте с этой группой. Когда Карл Либкнехт вышел из тюрьмы (21 октября 1918 г.), он тотчас же попытался убедить эту группу в необходимости энергичной мобилизации рабочих для массовых революционных выступлений. Однако лишь очень немногие поддержали его.

Вожди «независимых», принимавшие участие в наших совещаниях (среди них Деймиг и в последнее время—Гаазе

Вильгельм Пик

и Диттман), решительно высказывались против наших предложений и поддерживали выжидательную тактику вождей группы революционных функционеров. Во главе последних стоял Эмиль Барт, впоследствии народный уполномоченный, человек, не имевший никакого представления о предпосылках революционного массового действия.

Выпущенное им впоследствии описание революционных событий полно неточностей и свидетельствует лишь о болезненном тщеславии этого человека, стремящегося выставить себя в благоприятном свете и унижить роль других. В этом отношении его перецеоголял в своих воспоминаниях только Филипп Шейдеман.

Я хочу кратко в хронологическом порядке изложить события, как они разворачивались в последние дни перед 9 ноября и в этот день.

2. ОПАСЕНИЯ ВОЖДЕЙ НЕЗАВИСИМЫХ

26 октября состоялось собрание революционных функционеров, в кото-

ром впервые принял участие Карл Либкнехт. На заседании было решено выступить самым резким образом против правительства принца Макса, если последнее призовет к национальной обороне. Для мобилизации пролетариата в воскресенье 3 ноября должны были по предложению Либкнехта состояться в разных районах публичные собрания, которые должны были закончиться демонстрациями. Кроме того к «головке» революционных функционеров (это были руководители исполкома) должны были присоединиться три руководящих члена

спартаковской группы: Либкнехт, Эрнст Майер и я.

Когда 29 октября был объявлен новый призыв на войну, стало ясно, что правительство принца Макса фактически организует национальную оборону и в то же время пытается ослабить этим призывом революционные силы в Берлине. Нужно было действовать. Мне удалось убедить председателя революционных функционеров Эмиля Барта и независимца Деймига в необходимости немедленно выпустить листовку с предложением рабочим не являться на призывные пункты. Коротенькая листовка, написанная Деймигом, вышла за подписью: «Исполнительный комитет совета рабочих и солдат», хотя такой организации еще не существовало. Листовка эта была распространена на предприятиях 31 октября.

Между тем центральное правление независимых испугалось активных действий и высказалось против созыва назначенных на 3 ноября массовых собраний. Оно называло их «революционной гимнастикой» и было против них якобы потому, что хотели сразу «взять все», такие же промежуточные революционные

ступени, как собрания с демонстрациями, могли, де, «сорвать» это.

3. ОБСУЖДЕНИЕ ПЛАНА ВОССТАНИЯ

2 ноября состоялось заседание исполнительного комитета революционных функционеров, на котором присутствовали: Либкнехт, Ледебур, Пик, Мюллер, Барт, Гаазе, Деймиг и др. Присутствовал еще поручик Вальц под псевдонимом Линдер. Через Ледебура он предложил революционным функционерам свою поддержку, которая должна была выразиться в том, что он станет со своей

Карл Либкнехт

ротой во главе восстания и убедит остальные войсковые части примкнуть к восставшим или по крайней мере не выступить против рабочего класса. Исходя из плана Берлина и расположения воинских казарм, Вальц выработал стратегический план восстания.

На собрании дебатировался, главным образом, вопрос об издании воззвания с призывом к восстанию, намеченному на 4 ноября.

Серьезно обсуждался вопрос, должно ли воззвание быть подписано всеми присутствующими. Либкнехт и я были против, считая это величайшей глупостью. Однако в конце концов было решено, что наиболее известные товарищи должны поставить свою подпись под воззванием. Либкнехт, Майер и я беседовали в тот же вечер по поводу этого плана с некоторыми русскими товарищами, которые были решительно против того, чтобы начать выступление прямо с восстания. Сперва следовало объявить всеобщую забастовку с революционными требованиями. Лишь в процессе борьбы забастовка должна была перерасти в восстание. Такая тактика давала возможность учесть силы, на которые могло опираться восстание, чего нельзя было достигнуть при объявлении восстания сразу.

4. ОТСРОЧКА ВОССТАНИЯ

В тот же день, 2 ноября, состоялось собрание революционных функционеров. Эмиль Барт был решительно за восстание в день 4 ноября и предложил высказаться лишь представителям тех предприятий, где рабочие еще не готовы к выступлению. Один за другим выступали функционеры с предприятий с заявлениями, что у них на предприятии лишь небольшая часть рабочих за восстание. Они еще не проникнуты соответствующим настроением и еще недостаточно вооружены. Эти заявления пришлись очень по душе присутствовавшим тут же вождям независимых Гаазе, Дитману и Мюллеру, которые энергично выступили за то, чтобы отложить день восстания на неделю, чтобы использовать это время для подготовки настроения на предприятиях и для лучшего вооружения рабочих. Либкнехт, Майер и я требовали, чтобы выступление состоялось

в назначенный день, 4 ноября, но чтобы в этот день была организована всеобщая стачка, а на следующий день—вооруженные демонстрации под следующими лозунгами: 1) «Немедленный мир», 2) «Снятие осадного положения», 3) «Германия—социалистическая республика» и 4) «Образование правительства из советов рабочих и солдат».

После длительной дискуссии, во время которой функционеры с предприятий выступали с заверениями, что рабочие еще не готовы, в 3 часа ночи приступили к голосованию. Предложенный Ледебуром проект воззвания с призывом к восстанию был отвергнут 22 голосами против 19. Наше предложение об объявлении всеобщей забастовки получило кроме наших трех голосов еще всего лишь два голоса из среды функционеров. Было только решено воздержаться пока от всяких выступлений и снова собраться лишь 6 ноября.

Это решение поставило в очень тяжелое положение рабочих, последовавших нашему призыву не являться на военные пункты, так как всенные власти обрушились на них со всей суровостью.

5. ВОССТАНИЕ МАТРОСОВ

3 ноября снова собрался исполком революционных функционеров. Собрание происходило на одной фабрике, помещение которой должно было служить местом конспиративных собраний исполкома во время восстания. Сюда Ледебур привел одного матроса из Киле. Последний сообщил, что матросы нескольких кораблей, назначенных к отплытию, восстали и просят указаний, как действовать дальше. Единогласно было принято—предложить матросам поднять на всех кораблях в Киле красное знамя и потребовать немедленного заключения перемирия.

Либкнехт потребовал созыва собрания революционных функционеров раньше установленного срока, чтобы поскорее организовать выступление в Берлине.

Это предложение было отклонено большинством голосов на том основании, что еще не закончена техническая подготовка восстания и недостаточно вооружены рабочие.

Революционные немецкие матросы, участники восстания в Вильгельмсгафене, перед следственным судом

4 ноября пришли более подробные сведения о восстании матросов в Северном море при аресте «зачинщиков» и об образовании совета матросских депутатов. По настоянию Либкнехта в тот же вечер состоялось заседание исполкома революционных функционеров, на котором было принято постановление созвать пленум и предложить ему дать диктаторские полномочия исполкому в вопросе о выборе срока восстания. Либкнехт и я отстаивали как самый крайний срок восстания 8 или 9 ноября. Однако против этой даты было подавляющее большинство, ссылавшееся на то, что эти дни совпадали с выдачей полочки и что поэтому рабочих невозможно будет выгнать из предприятий. Было также решено разослать в провинцию несколько товарищей с тем, чтобы они подняли там восстание одновременно с Берлином. В связи с восстанием матросов постановлено было выпустить листовку.

На этом же заседании мы узнали, что накануне был арестован поручик Вальц. Постановление 2 ноября об отсрочке выступления привело его в подавленное состояние, так как он все подготовил в своей роте к выступлению 4 ноября. Как выяснилось позже, его выдал фельдфебель, а на допросе у следователя Вальц выдал весь стратегический план

восстания. Было ясно, что военные власти примут самые крайние меры против всех участников и что поэтому необходимо действовать немедленно.

5 ноября последовала высылка русского полпредства из Берлина под тем предлогом, что последнее якобы поддерживает революционное движение в Германии. Имперский канцлер с.-д. Герман Мюллер недавно «разоблачил», что бывший тогда статс-секретарем Шейдеман придумал, для того чтобы создать предлог к высылке советского полпредства, следующий жульнический план: он устроил так, что на Фридрихштадтском вокзале лопнул чемодан с прокламациями, якобы принадлежавший русскому дипкурьеру. Однако находившиеся в этом чемодане прокламации не были привезены из России: это были написанные Паулем Леви и изданные в Германии прокламации «Спартака». Шейдеман попытался в своих мемуарах немножко прикрасить этот подлый акт, однако он должен был все же признать, что эта провокация исходила от него. После того как 4 ноября «лопнул» «дипкурьерский» чемодан, правительство предложило русскому полпредству покинуть в течение шести часов Берлин, чем вызвало сильное возбуждение в рабочих рядах.

6. ВОССТАНИЕ НАЗНАЧАЕТСЯ НА 11 НОЯБРЯ

6 ноября состоялось заседание пленума революционных функционеров, на котором исполкому были даны полномочия назначить день восстания, причем самой ранней датой намечалось 11 ноября. Предложение Либкнехта назначить восстание на 8-е снова было отклонено.

На следующий день, 7 ноября, в Берлине получились сведения, что не только в Киле, но и в ряде других городов: в Гамбурге, Любеке, Фленсбурге, Шверине, Ольденбурге, Бремене, Куксгафене организованы солдатские советы, взявшие в свои руки верховное руководство, что по их распоряжению производится обезоружение офицеров. Главнокомандующий этих районов ген.-лейтенант фон Линзинген запретил сообщать в Берлине об образовании рабочих и солдатских советов и участии в последних рабочих и солдат. Муниципальные предприятия и предприятия, работавшие на оборону, были заняты военной охраной. На всех улицах были расставлены военные патрули. Железнодорожное сообщение совершенно прекратилось. Пять собраний, объявленных независимыми на 7 ноября в честь годовщины Октябрьской революции, были запрещены. Группа «Спартак» выпустила на восьми страницах прокламацию, посвященную годовщине революции в России, в которой она призывала к свержению правительства и введению пролетарской диктатуры.

7. ЗАСЕДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ПАРТИИ

7 ноября состоялось заседание центрального правления независимой партии, на которое был приглашен также исполнительный комитет революционных функционеров. Таким образом, и я и Либкнехт оказались на этом заседании. Обсуждались различные возможности борьбы, но особенно дебатировался вопрос о том, поддержит ли провинция Берлин. Либкнехт настаивал, чтобы провинция выступила как можно скорее, не дожидаясь Берлина. Приезжие делегаты, однако, утверждали, что провинция

еще отстала и вряд ли можно надеяться на помощь оттуда. Гаазе, Диттман, Брасс прежде всего обрушились против даты 11 ноября, на которую было намечено восстание. Они хотели отсрочить его на неопределенное время. Кроме того они были против помещения подписей под предполагаемым к выпуску воззванием. Однако после продолжительной дискуссии было решено, что все члены центрального правления независимой партии подпишутся под воззванием, призывающим к восстанию на 11 ноября. Когда же Либкнехт потребовал, чтобы всех, кто придет на назначенные в этот вечер и запрещенные собрания, направлять в определенный центральный пункт, где устроить митинг против высылки советского полпредства, это предложение было отвергнуто как форсирование событий, могущее сорвать намеченное выступление.

8. ПРИЗЫВ К ВОССТАНИЮ 9 НОЯБРЯ

На 8 ноября было назначено в помещении партийного правления заседание исполкома функционеров для обсуждения плана восстания 11 ноября. Однако так как вследствие ареста Вальца военные власти могли бы вздумать захватить и это помещение, то заседание было перенесено в рейхстаг. По дороге в рейхстаг был арестован Деймиг, в портфеле которого находились все планы и материалы восстания. Луизе Циц, шедшей с Деймигом, удалось как-то избежать ареста, и от нее мы узнали о случившемся. Перед исполкомом, естественно, встал вопрос, можно ли дальше тянуть с воззванием к рабочим о восстании. Было, наконец, решено тотчас же разослать по предприятиям гонцов с призывом выступить на следующий же день с оружием в руках. Лозунгами восстания были: свержение правительства, социалистическая республика. Коротенькая прокламация за подписью: Либкнехта, Пика, Гаазе, Ледебура, Брюля, Франке, Эккерта, Вегмана, Нейендорфа призывала рабочих к действию. Гсфер, член центрального правления независимых, отказался дать свою подпись под воззванием, так как вообще не хотел, чтобы независимые несли ответственность за воззвание, ибо в случае про-

вала восстания это привело бы к разгрому партии. Гаазе не было, так как он уехал в Киль и Гамбург.

В то же время Либкнехт и Эрнст Майер, не пспавшие на наше заседание, выпустили листовку от имени союза «Спартак», в которой перечислялись ближайшие задачи восстания, а именно: освобождение всех гражданских и военных политических арестованных, уничтожение раздельного существования государств, уничтожение всех монархий, выборы советов рабочих и солдатских депутатов, передача власти уполномоченным совета рабочих и солдатских депутатов, установление немедленной связи с международным пролетариатом, особенно с советской республикой.

Вечером 8 ноября получились сведения, что Бавария и Брауншвейг объявили себя народными республиками с советами рабочих и солдатских депутатов во главе.

9. ДЕВЯТОЕ НОЯБРЯ

Утром 9 ноября по предприятиям были распространены листовки исполкома и «Спартака» с призывом к восстаниям. Правительственные социалисты пустились во все тяжкие, лишь бы не допустить выступления рабочих. «Форвертс» предостерегал рабочих против «необдуманных действий». С.-д. заявляли, что рабочие должны довериться партийному руководству; всякое сепаратное выступление рабочих может, де, только помешать переговорам об отречении кайзера и т. п., которые вели правительственные социалисты. Вечером 8 ноября с.-д. созвали своих «доверенных людей», чтобы обсудить меры, которые необходимо принять при создавшейся обстановке. Однако это совещание ни к чему не привело, и доверенных людей отослали по домам, решив выждать, что будет делать правительство. Тем временем берлинский пролетариат перешел к восстанию, к которому тотчас же присоединились и солдаты. Рабочие крупнейших предприятий шли в центр с такой решительностью, что правительство побоялось пустить в ход оружие. Только в одном месте (из казарм «Майксфер») открыли огонь по демонстрантам,

однако он тотчас же был прекращен и закончился братанием солдат и рабочих. К несчастью, жертвой этого обстрела стали молодой товарищ Габерзаат и трое рабочих.

Члены исполкома революционных функционеров собрались утром 9 ноября в помещении «Спартака» для обсуждения дальнейших мероприятий. Ледебур, пришедший из рейхстага, где он провел ночь, сообщил, что рано утром к нему явились Эберт, Шейдеман и Браун и заявили ему, что они готовы войти совместно с независимыми в правительство, что они готовы призвать своих сторонников к восстанию, в случае если до 12 час. утра 9 ноября не последует отречения кайзера. Ледебур заявил им, что по вопросу о правительстве он должен прежде всего посоветоваться с друзьями. Позже стало известно, что Диттман, который также заночевал в рейхстаге и к которому также обратилась эта тройка с предложением о совместном правительстве, тут же ответил согласием.

Около 11 час. я отправился в помещение функционеров, где нашел Барта, Эйхгорна и еще кое-кого других функционеров. Барт отдавал распоряжения о занятии различных государственных и муниципальных зданий. Эйхгорн захватил уже полицей-президиум. Либкнехт должен был захватить дворец, а я — городскую думу. Однако мне не пришлось выполнить этого распоряжения, так как Адольф Гофман уже побывал у обербургомистра и сообщил ему о совершившейся революции. Тем временем стало известно, что Вильгельм II отрекся от престола, что принц Макс Баденский отказался от поста рейхсканцлера и назначил на это место Эберта, а Шейдеман уже воспользовался случаем и провозгласил у открытого окна рейхстага, перед которым собирались демонстрировавшие рабочие, республику, хотя и он и все остальные правительственные социалисты сделали все, что было в их силах, чтобы не допустить революции.

10. ПЕРЕГОВОРЫ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Во второй половине дня в рейхстаге собрались члены исполкома и централь-

ного правления независимых. Здесь, в помещении фракции независимых, был организован главный штаб восстания. В большой комнате по соседству устроился совет солдатских депутатов. Около 9 час. вечера явились уже делегации от солдатского совета, явно наспигованные правительственными социалистами Антриком и Козн-Рейссом, предлагая независимым образовать правительство совместно с правительственными социалистами. Сперва все участники нашей группы были согласны в том, что подобное правительство невозможно. Однако вскоре уже стали раздаваться голоса, среди них особенно выделялся прибывший из Гамбурга Пауль Диттман (брат Вильгельма Диттмана), что все же в интересах революции было бы лучше, если бы такое объединенное правительство было образовано.

Так как Гаазе уехал в это время в Гамбург и Киль, а без него как председателя партийного правления независимых невозможно было принимать окончательного решения в таком вопросе, то Диттман предложил привезти Гаазе из Килия в военном автомобиле. При этом он,

однако, потребовал, чтобы ему выдали пропуск, и последний для большей верности был подписан также и Либкнехтом. Так как мы тоже были заинтересованы в приезде Гаазе, то Либкнехт дал свою подпись на этом пропуске. Рядом с ним поставил свою подпись и Шейдеман. Вильгельм Диттман использовал впоследствии этот пропуск для доказательства глупой лжи, будто Либкнехт вступил в правительство, хотя он сам должен признать, что этот пропуск служил лишь для доставки Гаазе, чтобы договориться об образовании правительства.

Эдуард Бернштейн, присутствовавший в комнате независимых при переговорах об образовании правительства, вынужден был подтвердить в своей книге «Германская революция», что «Карл Либкнехт резко отклонил предложение вступить в правительство как член радикальной левой». Однако он все-таки нагнал, что Барт был членом группы «Спартак» и в качестве такового вступил в правительство. Барт никогда не имел ничего общего с группой «Спартак», как это совершенно очевидно из сказанного выше.

Объявление республики 10 ноября 1918 г. перед памятником Бисмарка

Солдаты читают первые сообщения о событиях 9 ноября

Одна за другой являлись делегации солдатского совета с угрозами, что солдаты сами составят правительство, если немедленно не будет образовано объединенное правительство: образование правительства необходимо, де, потому, что без него невозможно заключить перемирие на фронтах и положить конец дальнейшей бойне. Решающую роль играла здесь демагогическая агитация правительственных социалистов. Ледебур заявил им, что они не имеют никакого права на образование правительства и твердо стоял против объединенного правительства. Гаазе вернулся из Кили лишь поздно вечером. Он также сперва отклонил вступление в коалиционное правительство, так как ставшие тем временем известными условия перемирия были настолько неслыханно тяжелыми, что, по его мнению, было бы неумно со стороны независимых принять на себя ответственность за эти условия. Однако на следующий день он отказался от этой точки зрения и высказался за образование коалиции с социалистами большинства.

Около 7 час. в комнату, где мы заседали, явился Шейдеман в сопровождении Брлата, Геллера и Шульца, чтобы осведомиться о нашем решении. При этом он указал на то, что немедленно по об-

разовании правительства последнее пошлет на фронт на аэроплане уполномоченных для заключения перемирия. Он сообщил далее, что правительственные социалисты выделили в правительство его, Эберта и Ландсберга.

Делегации от рабочих и солдат, непрерывно приходившие в нашу комнату, оказывали исключительно сильное давление на т. Либкнехта, требуя от него согласия на вступление в правительство. Это необходимо было, по их словам, потому, что его имя являлось гарантией немедленного заключения перемирия. Он несет моральную ответственность за каждую солдатскую жизнь, загубленную из-за отказа от вступления в правительство и оттяжки перемирия. По всем видимостям и эта аргументация была подсказана правительственными социалистами.

Положение Либкнехта было исключительно тяжелым. Тогда он решил выставить условия, на которых возможно было бы образование объединенного правительства, хотя бы только на три дня, для заключения перемирия. Вот эти условия:

- 1) Германия должна стать социалистической республикой;
- 2) в этой республике вся законодательная и исполнительная власть должна на-

ходиться исключительно в руках выборных лиц, пользующихся доверием всех трудящихся и солдат;

3) вывод из правительства всех буржуазных министров;

4) независимые входят в правительство лишь на три дня, чтобы создать правительство, правомочное заключить перемирие;

5) министры с портфелями являются лишь техническими исполнителями в действительном, решающем кабинете и

6) равноправие обоих руководителей кабинета.

Когда Шейдеман познакомился с этими условиями, он заявил, что не думает, чтобы его фракция согласилась принять их. Однако он передаст ей этот документ и сообщит ответ. Ответ последовал около 9 час. и гласил:

к п. 1) это требование является целью нашей собственной политики; окончательное же решение должен дать народ через учредительное собрание;

к п. 2) если под этим требованием разумеется диктатура части класса, за которую не стоит большинство населения, то мы должны отклонить это требование как противоречащее нашим демократическим принципам;

к п. 3) это требование мы должны отклонить, так как удовлетворение его существенно повредит народному восстанию, если даже вообще не сделает его невозможным;

к п. 4) мы считаем необходимым сотрудничество всех социалистических течений, по крайней мере до созыва учредительного собрания;

к п. 5) с этим требованием мы согласны и к п. 6) мы за равноправие всех членов кабинета. Решение же этого вопроса принадлежит учредительному собранию.

Так как в ответе отвергались выставленные Либкнехтом условия, то вопрос о вступлении его в правительство даже на три дня отпал сам собою. Все слухи о том, будто Либкнехт изъявил готовность войти в правительство, лишены всякого основания. Либкнехту важно было на примере показать рабочим и солдатам, настаивавшим на его вхождении в правительство, что сотрудничество с правительственными социалистами, отвергнувшими выставленные им

Die rote Fahne

Chemnitzer Berliner Fahnen-Zeitung — 2. Abend-Ausgabe

Berlin unter der roten Fahne.

Bojzeipräsidium gestürmt. — 530 Gefangen befreit. — Rote Fahnen am Schloß.

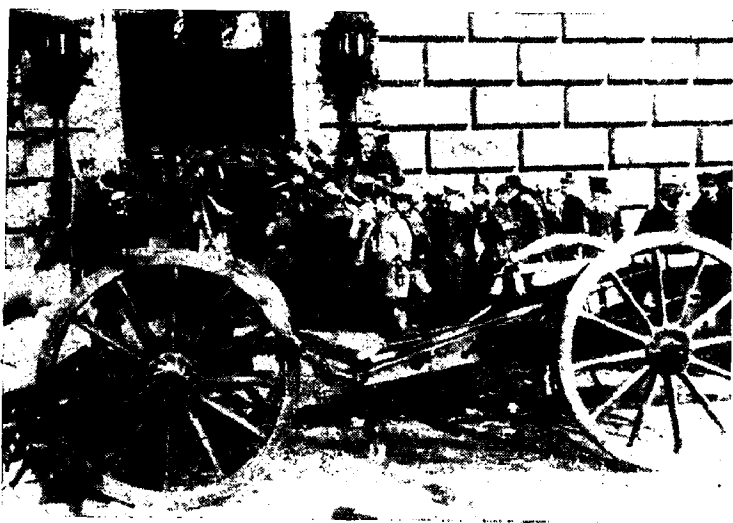
Первый номер «Роте Фане» от 9 ноября 1918г.

требования, немисливо, что это означало бы лишь поддержку контрреволюции.

Между тем пришло известие, что спартаковцы захватили помещение редакции ультрареакционной берлинской газеты «Локаль анцейгер» и что второе вечернее издание этой газеты от 9 ноября выйдет как № 1 газеты «Роте фане». Независимые захватили редакцию «Норддейче алльгеймеине цайтунг» и выпустили там свою газету «Интернационале». Кроме того они захватили редакцию газеты «Берлинер алльгеймеине цайтунг» и выпустили свою газету под тем же названием как орган независимой с.-д. партии.

11. ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

9 ноября, в 10 час. веч., в большом зале рейхстага состоялось первое заседание совета рабочих и солдатских депутатов. Состав его отличался крайней случайностью и пестротой. Ни один из присутствовавших не был избран какой-

Солдаты у входа в рейхстаг ожидают решения нового правительства. 10 ноября 1918 г.

нибудь организацией в качестве члена совета. Несмотря на это, собрание производило очень внушительное впечатление. Особенно отчетливо выделялись куртки защитного цвета. Большая часть солдат, среди которых было очень мало социалистов, вряд ли отдавала себе отчет в значении этого момента. Для большинства это было лишь интересное переживание. Собрание открыл Барт краткой, выразительной речью, встреченной бурными аплодисментами присутствовавших. Однако вскоре обнаружились противоречия между рабочими и солдатами по вопросу о целях и задачах революции. На этом же собрании появился и только что выпущенный из тюрьмы Вальц, выдавший военным властям при своем аресте план восстания. Хотя и Деймиг, также освобожденный из тюрьмы, знал об его измене, он не считал нужным сообщить об этом собранию. Таким образом, Вальц имел возможность выступить на этом собрании совета рабочих и солдатских депутатов с указанием о необходимых мероприятиях. Он был даже избран членом совета и, хотя и очень короткое время, занимал пост главнокомандующего.

После довольно путанных прений собрание приняло решение собраться в воскресенье 10 ноября: солдатам — по казармам, рабочим — на предприятиях для выборов членов совета. В 5 час. того же дня в цирке Буша было назначено второе заседание совета рабочих и солдатских депутатов, на котором вновь избранные члены совета должны

были избрать исполнительный комитет и членов правительства.

12. КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ИДЕТ ПОЛНЫМ ХОДОМ

Пользуясь политической несознательностью солдат, правительственные социалисты, не теряя времени, начали энергично обрабатывать их в целях укрепления своей позиции. Особенно интенсивную агитацию они развернули вокруг вопроса о создании правительства из с.-д. и независимых на паритетных началах. Рано утром 10 ноября они рассыпались по казармам и пригласили вновь избранных членов совета прийти в обед в помещение редакции «Форвертса». Там они хотели обработать их перед собранием в цирке Буша. А в это время независимые сидели сложа руки, ничего не предпринимая для привлечения на свою сторону рабочих и солдат. Спартаковцы же были численно слишком слабы, чтобы быть в состоянии развернуть широкую агитацию. Мы заготовили листовку, которая должна была быть распространена в цирке Буша; в ней предлагалось при выборах президиума не давать ни одного голоса правительственным социалистам и тем, кто готов образовать правительство в коалиции с буржуазией и правительственными социалистами.

Переговоры правительственных социалистов с независимыми об образовании правительства возобновились утром 11 ноября. В конце концов Гаазе, Диттман и Барт изъявили согласие вступить

Председатель союза солдат приветствует выбранных в совет депутатов

в правительство рядом с Шейдеманом, Эбертом и Ландсбергом на следующих условиях: 1) кабинет составляется только из с.-д., которые получали права народных комиссаров, 2) политическая власть находится в руках советов рабочих и солдатских депутатов, которые немедленно созываются на всегерманский съезд, и 3) вопрос об учредительном собрании должен быть поставлен лишь после наступления успокоения и поэтому должен стать впоследствии предметом особых переговоров.

13. ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Собрание совета рабочих и солдатских депутатов 10 ноября в цирке Буша было столь же пестрым по своему составу, как и предыдущее, происходившее накануне в помещении рейхстага, хотя на этот раз в нем принимали участие уже выборные депутаты. Никакого контроля участников не было, снова преобладала солдатчина.

Барт открыл собрание и немного спустя предоставил слово Эберту, медоточивая речь которого сводилась к агитации в пользу предложений правительственных социалистов, которым, по его словам, принадлежала заслуга революции. Затем говорил Гаазе, речь

которого произвела слабое впечатление, и за ним — Либкнехт. Он настойчиво предостерегал рабочих и солдат не быть чересчур доверчивыми, ибо контрреволюция находится уже среди них, недвусмысленно намекая на правительственных социалистов. Его слова вызвали сильную бурю, особенно со стороны солдат.

Исполнительный комитет составил список новых членов исполкома, среди которого были имена Либкнехта, Люксембург, мое и нескольких других спартаковцев. Ни одного социалиста большинства не фигурировало в этом списке. Когда этот список был оглашен, солдаты кинулись к президиуму со штыками и шашками и потребовали создания исполкома на паритетных началах из правительственных социалистов и независимых. Барт заявил, что он скорее пустит себе пулю в лоб, чем согласится сидеть в исполкоме рядом с правительственными социалистами, и хотел отказаться от председательствования. Это не мешало, конечно, тому, что незадолго до начала собрания Барт выразил согласие на образование коалиционного правительства с социалистами большинства. Либкнехт заявил от имени группы «Спартак» об отказе от участия в исполкоме рядом с правительственными социалистами.

На улицах Берлина
в ноябрьские дни
1918 г.

Г. ЗИНОВИЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ И РАБОЧЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АНГЛИИ

Что такое английская Рабочая партия теперь, в 1931 г.? Это — «третья» партия буржуазии, это буржуазная рабочая партия в империалистской стране, утратившей свою былую монополию на мировом рынке, — стране, где капитализм неуклонно идет к упадку и загниванию, но в то же время обладает еще достаточным колониальным могуществом, обеспечивающим ему возможность держать еще некоторое время на золотой цепочке значительные слои рабочей аристократии. Что такое «случай» Макдональда? Это — доведенная до конца политика вождей II Интернационала, это — завтрашний день Гендерсонов, Вельсов, Гильфердингов, Вандервельде, Стаунингов. Если вчерашний день всех этих «социалистических» вождей характеризовался тем, что они участвовали в буржуазных правительствах только «по поручению и по доверенности своих партий», то завтрашний день будет характерен как раз тем, что многим из них «придется» по-макдональдовски вступать в буржуазные правительства без прямого поручения своих партий.

Положение буржуазии, а, стало быть, и ее буржуазных рабочих вождей становится все более трудным. Для обмана рабочих требуется все более «тонкое» разделение труда. То разделение труда, которое мы сегодня имеем между Макдональдами и Гендерсонами, завтра наверняка станет неизбежным в целом ря-

Прим. ред. Все статьи по Англии были сданы в печать до последних выборов.

де стран с той или иной модификацией, вытекающей из национальных различий. Ленин справедливо говорил, что, «питая нелюбовь к абстрактным теориям, гордясь своим практицизмом, англичане нередко прямо ставят политические вопросы, помогая, таким образом, социалистам иных стран находить реальное содержание под оболочкой всякой (в том числе «марксистской») словесности» (т. XX, дополнит., ч. I, стр. 509). Чем больше трещат твердыни капитализма, чем яснее становятся последствия грандиозного, все обостряющегося мирового кризиса, чем с большим ужасом старые лидеры с.-д. партий видят надвигающийся крах капитализма, тем более перед этой опасностью «прилипают» они к буржуазии. «Откол» (назовем его условно так) Макдональда, Сноудена, Томаса и К^о от английской Рабочей партии, несомненно, показателен для будущих судеб II Интернационала, хотя само собою разумеется, что «левые» маневры со стороны с.-д. вождей неизбежны в нынешней обстановке. Но истинное лицо политики действительных руководителей нынешней «международной» социал-демократии со всей откровенностью теперь выражают не Розенфельды и Зейдевицы, а именно Макдональды и Сноудены, отказываясь и от показной оппозиции.

Во время империалистской войны роли между Макдональдом и Гендерсоном распределялись прямо противоположным чем теперь образом. Тогда в министерство вошел Гендерсон, а Мак-

Макдональд находился в «оппозиции». Когда в России произошла Февральская революция, Макдональд захотел отправиться в Петроград, но его не пустили, опасаясь его «революционных» настроений. В Россию отправлен был тогда не «левый» Макдональд, а благонадежный Гендерсон. В мемуарах бывшего английского посла в царской России Бьюкенена подробно рассказано, как он вместе с Гендерсоном (и русскими кадетами, меньшевиками и эсерами) вел работу в тогдашнем Петрограде. «В течение шести недель, проведенных Гендерсоном в Петрограде, мы вели совместную работу при самых дружеских отношениях. Мы держались одинаковых взглядов по многим вопросам, особенно по вопросу о предполагавшемся приезде в Петроград Рамсея Макдональда» (Дж. Бьюкенен, «Мемуары дипломата», стр. 243).

В феврале 1919 г. на бернской конференции II Интернационала Макдональд говорил: «Возможности Лиги наций зависят от характера предстоящего мира. Если мир получится такой же, как в 1871 г. после франко-прусской войны, тогда учреждать Лигу наций совершенно бесцельно. Лига наций не должна быть запятнана добычей, завоеваниями; она не должна стать орудием войны» (John de Kay, «Der Geist der Internationale in Bern», 1919, стр. 34).

Независимая Рабочая партия, к лидерам которой принадлежал Макдональд, вышла в 1919 г. из II Интернационала и по окончании войны вела переговоры о вхождении в Коминтерн. В апреле 1919 г. Макдональд выступил со статьей «Третий Интернационал», в которой признает, что на конференции II Интернационала в Берне прения по вопросу об ответственности за войну «были только уступкой общественному мнению несоциалистических кругов». Он «умоляет» Ленина отказаться от образования Коммунистического Интернационала и добиваться вместе с ним «единства» рядов международного рабочего движения.

После восстановления «объединенного» II Интернационала Макдональд занял в нем одно из самых видных мест. Председателем II Интернационала стал приятель Бьюкенена Гендерсон. Но и

«Отколовшиеся». Томас вдевает Макдональду в петлицу цветок. В центре Болдуин.

роль Макдональда была несколько не меньше.

Один из виднейших представителей австро-«марксистской» школы, г. Карл Реннер, еще совсем недавно видел в Макдональде «того деятеля, который по нашим континентальным понятиям выполнил величайшую задачу: политически конституировал британский рабочий класс как класс» («Кампф», XXI, VI, 249). Еще, можно сказать, совсем недавно, в июле 1931 г. на конгрессе II Интернационала в Вене Макдональда чествовали, как самого выдающегося героя II Интернационала. Сам Макдональд, обремененный государственными делами, не мог присутствовать в Вене. Вместе с Гендерсоном он находился в это время в Берлине на известном свидании с Брюнингом. Вельс и Гильфердинг покинули конгресс и отправились на два дня в Берлин, чтобы повидаться с Макдональдом. Вернувшись оттуда в Вену, Вельс с благоговением передавал конгрессу приветственные слова Макдональда. Самое пребывание Макдональда в Берлине было использовано германской социал-демократией для того,

чтобы изобразить этого деятеля II Интернационала как самого выдающегося представителя идей «мира» и «демократии».

И вдруг через несколько недель—такой пассаж!

Когда разразилось «происшествие» с Макдональдом, Сноуденом, Томасом, у главных социал-демократических органов печати всей Европы сначала просто прилип язык к гортани. Но скоро они «оправились». Открыто поддержать Макдональда сразу, по свежим следам его прямой и ничем не прикрашенной измены, боязно: что скажут рабочие с.-д.! И вот берлинский «Форвертс» изворачивается следующим образом. «Мы,—заявляет он,—как немецкие социал-демократы, не станем нелояльно вмешиваться во внутренние дела английских товарищей. Мы скажем только одно: на основании нашего немецкого опыта мы говорим вам, английские товарищи: единство прежде всего! Как ни остры разногласия в вашей среде в данный момент, мы просим вас, мы заклинаем вас сохранить единство рядов».

В обстановке осени 1931 г. это, конечно, все, что нужно Макдональду. Для данного момента это единственно возможная форма поддержки открытой измены Макдональда.

Органы с.-д. прессы во всем мире до сих пор кормят своих читателей статьями о «трагедии» Макдональда, который, видите ли, «абсолютно не похож ни на Мильерана, ни на Муссолини», подробно расписывают, какую тяжелую внутреннюю борьбу пережил и переживает этот «человек долга». В искусной форме газеты типа «Форвертс» продолжают, в сущности, агитировать за Макдональда, приправляя только свои статьи некоей легкой укоризной, увещаниями и т. п. Формально Макдональд, Томас и Сноуден исключены теперь из Рабочей партии — как было не исключить их при такой обстановке! На деле с.-д. печать всего мира продолжает рассматривать их как своих товарищей, попавших в трудное положение. Все сколько-нибудь «ответственные» вожди II Интернационала от души «сочувствуют» Макдональду и его группе, «понимают» их трудное положение, а некоторые прямо

завидуют и оглядываются по сторонам: нельзя ли и «нам» поступить по тому же методу.

Когда 23 года назад II Интернационал впервые рассматривал просьбу английской Рабочей партии о принятии ее в ряды Интернационала, Рабочая партия считалась самой отсталой в социалистическом отношении организацией, которую следует привлечь в ряды Интернационала только потому, что она не может развиваться в сторону социализма и изнутри на нее будет легче оказать соответствующее влияние. Так относились тогда к Рабочей партии во II Интернационале. Совсем по-иному стали относиться к ней после 1914 г., когда оказалось, что так называемые «марксистские» с.-д. партии сами проявили себя как буржуазные рабочие партии. Теперь английская Рабочая партия становится одной из влиятельнейших, порой даже самой влиятельной партией II Интернационала. Теперь ей поют хвалу и выставляют образцом рабочей партии. Теперь перед господами Гендерсонами заискивают, по ним равняются.

Эту переоценку ценностей поднял на «теоретическую» высоту г. Карл Реннер. Подытоживая опыт первого рабочего правительства в Англии, Реннер накануне брюссельского конгресса II Интернационала писал: «Рабочая партия Англии—это воплощение в жизнь марксизма без его учения, это марксизм без Маркса» («Кампф», XXI, VI, 249). Реннер пишет целый панегирик по адресу английской Рабочей партии и ее вождей, в особенности Макдональда. «Вот пример совершенно поразительный»,—расточает свою мудрость Реннер. Известно, что в германской социал-демократии до войны учение Маркса было особенно сильно, а в английской Рабочей партии оно было и остается особенно слабым. И что же? Германская социал-демократия, «невзирая на Маркса», во время войны раскололась и лишь после войны начинает вновь подниматься и быстро расти. А английская Рабочая партия прошла через войну единой и сильной и теперь непрерывно растет и скоро будет окончательно править Англией,

«И это без Маркса и, по нашим представлениям, без всякой теории!»—заключает Реннер (стр. 250). «Эмпирический социализм практики даже без теоретического понимания себя самого—это политика английской Рабочей партии» (стр. 354). «История английского рабочего движения,—утверждает Реннер,—с 1900 г., со времени основания английской Рабочей партии, обогатила нас именно этим. Реальный факт, что организация воспринимает в свои ряды все, абсолютно все, что принадлежит к классу. Реальный классовый характер Рабочей партии это, в глазах Макдональда, гораздо важнее, чем классовая идеология» (стр. 249).

Другими словами, Реннер хочет сказать, что практика английской Рабочей партии является опровержением теории марксизма. Для вежливости он облачает эту «мысль» в тезис: «марксизм без Маркса». Когда Бернштейн, живя в английской эмиграции в конце 90-х годов прошлого столетия, начинал свою буржуазно-ревизионистскую кампанию против марксизма, он тоже ведь идеализировал английское рабочее движение, т. е. оппортунизм этого дви-

жения. В Англии тогда еще не существовало Рабочей партии. Бернштейн довольствовался тогда восхвалением английского трэд-юнионизма и фабианского «социализма».

Впоследствии, когда высоко взошла звезда американского империализма, европейские оппортунисты стали особенно громко восхвалять методы пресловутой Американской федерации труда. Один из крупнейших вождей германского профдвижения и германского оппортунизма Карл Легин еще до начала империалистской войны отправился во главе целой делегации в Америку, чтобы «изучить» на месте практику Американской федерации труда и по возвращении в Европу начать проповедывать «американизм» в рабочем движении. Вслед за ним «американизм» стали превозносить оппортунистические вожди всех других стран. По окончании империалистской войны и, в особенности, в начале периода так называемой «стабилизации» капитализма оппортунистические вожди всей Европы стали «заглядываться» на оппортунизм именно американского и английского образца. Здесь, в странах наи-

Макдональд в обществе короля Георга. Снимок произведен у ворот замка Виндзор, куда Макдональд с дочерью были приглашены в 1924 г.

Саклатвала, нагруженный подписными листами 300 тыс. рабочих, требующих освобождения ЦК английской компартии, направляется в палату общин. 1926 г.

более богатого империализма, имелась возможность подкармливать наиболее многочисленный слой рабочей аристократии, здесь европейские оппортунисты более всего искали источника вдохновения.

В области партийно-политической организации симпатии европейских оппортунистов неизбежно склонялись более на сторону английской Рабочей партии по той простой причине, что в Америке дело не дошло еще до образования рабочей партии вообще—даже того «умеренного» типа, какой мы видим в Англии. В самые последние годы, после первого прихода к власти Макдональда, «симпатии» к оппортунизму английской Рабочей партии выросли среди вождей европейской социал-демократии настолько, что они стали предпочитать английскую Рабочую партию даже германской социал-демократии. Это именно настроение выражено и в цитированной статье Реннера. Вождей современной европейской социал-демократии особенно подкупает тот факт, что английская Рабочая партия открыто обходится «без Маркса».

С легкой руки Бернштейна весь международный оппортунизм до сих пор пытается доказывать, будто ход развития английского рабочего движения

в чем-то «опровергает» Маркса и его учение. Это достигается очень простым способом. Вместе со всем остальным революционным содержанием марксизма выкидывается и то, что Маркс и Энгельс, уделявшие, как известно, особенно большое внимание Англии, писали об английском рабочем движении. В частности, забывается все то, что Маркс и Энгельс сказали о связи между промышленной и колониальной монополией Англии и оппортунизмом в английском рабочем движении. И уж, само собою разумеется, забывается все то, что сказал Ленин в развитие взглядов Маркса и Энгельса на английское рабочее движение.

В то время как в действительности только Маркс и Энгельс и их великий продолжатель Ленин дали и с ч е р п ы в а ю щ е е объяснение особенностям английского рабочего движения, Реннер и К^о хотят представить дело так, будто ход развития именно английского рабочего движения опровергает марксизм и оправдывает формулу «без Маркса».

В течение долгого исторического периода буржуазное рабочее движение «процветало» именно в Англии и более всего оттуда просачивалось в международное рабочее движение. «В 1848—1868 гг. и частью позже монополией пользовалась только Англия; по э т о м у в ней мог на десятилетия победить оппортунизм; других стран ни с богатейшими колониями, ни с промышленной монополией н е б ы л о»,—писал Ленин (т. XIII, стр. 478). Именно из Англии «рабочий» империализм более всего просачивался во II Интернационал даже в лучшую пору его существования. Крайне характерен следующий эпизод. На амстердамском международном конгрессе (1904 г.) оппортунисты, как известно, сделали попытку отстоять «социалистическую» колониальную политику, но были провалены небольшим большинством голосов. Сражение между марксистами и оппортунистами подробно описал Плеханов в статье под заглавием «В Амстердаме». В этой статье Плеханов, между прочим, полемизирует против Каутского, обвиняя последнего в чрезмерном оптимизме и предостерегая против преувеличения той победы,

какую марксисты одержали в Амстердаме. Плеханов, сам в это время подавший руку русскому меньшевизму, тем не менее пишет: «Вся мораль амстердамского конгресса сводится к вопросу о том, возможно ли прочное единство между оппортунистами и марксистами. Я думаю, что нет... Реформизм и революционный социализм составляют, в сущности, две отдельных партии». Вот почему не следует особенно преувеличивать победу марксистов на конгрессе, на котором «представители пролетариата могли целых три дня и как нельзя более серьезно спорить о том, должен или не должен этот класс продавать буржуазии свое право первородства за чечевичную похлебку» (Плеханов, т. XVI, стр. 310).

В этих рассуждениях, как видит читатель, Плеханов проявляет еще весьма трезвую оценку международного оппортунизма, отнюдь не выражая намерения мириться с ним. Но послушайте дальше! Плеханов рассказывает о том, что на амстердамский конгресс прибыл делегат от Индии, что конгресс, в особенности в лице марксистов, отнесся с горячими симпатиями к этому делегату и что по предложению английской с.-д. делегации (Рабочая партия еще не входила тогда в ряды II Интернационала) была единогласно принята резолюция по вопросу об угнетении Индии, встреченная с энтузиазмом всеми марксистами. Вот эта резолюция: «Собрание представителей рабочих всего цивилизованного мира выслушало от представителей Англии и Индии, что в Индии, как и повсюду, Англия не перестает отнимать у народа все источники существования и т. д... Международный съезд обращается поэтому с призывом к рабочему классу Великобритании и приглашает его побудить свое правительство к уничтожению нынешней безрассудной и позорной колониальной системы и к замене ее легко осуществимым самоуправлением Индии, под верховной властью Англии» (разрядка наша).

И всего замечательнее, что Плеханов, воюющий в статье «В Амстердаме» против международного оппортунизма, даже

не замечает того, что в единогласно принятую конгрессом резолюцию просочился яд английского «рабочего» империализма. Что Индия должна находиться «под верховной властью Англии», это настолько вошло в плоть и кровь английской рабочей аристократии, а через нее даже в «марксистскую» с.-д. федерацию, а через последнюю во II Интернационал, что резолюция, требующая «самоуправления Индии под верховной властью Англии», проходит гладко, как по маслу. И люди, которые только что воевали против Ван-Коля, Жореса, Бернштейна и К°, проповедывавших, между прочим, именно «рабочий» империализм, даже не замечают, что они приняли резолюцию, содержащую этот яд!

Маркс и Энгельс всегда проявляли величайший интерес к Англии не только потому, что им пришлось в течение долгих лет жить в этой стране, но прежде всего потому, что эта страна была тогда главной страной капитализма. В эпоху I Интернационала Марксу удалось вовлечь в ряды Международного товарищества рабочих часть английских профсоюзов. Маркс прекрасно знал слабые стороны тогдашнего английского трэд-юнионизма. Для Маркса и Энгельса отнюдь не был неожиданностью тот факт, что после поражения Парижской Коммуны английские трэд-юнионы, вошедшие в I Интернационал, повернули ему спину. Но Маркс и Энгельс считали необходимым испытать все возможные средства воздействия на английское рабочее движение. Энгельс одно время стоял за вхождение марксистов в ряды английской Независимой рабочей партии, которая образовалась в 1893 г., несмотря на то, что он отдавал себе полный отчет в том, что это организация не марксистская. Именно потому, что Маркс, Энгельс и впоследствии Ленин с такой исчерпывающей ясностью видели объективные причины оппортунизма в английском рабочем движении, они и смогли проявить всемерную инициативу по части субъективного фактора, т. е. по части организации борьбы против

оппортунизма в английском рабочем движении.

Ленин, верный продолжатель Маркса и Энгельса и в этой области, посвящает вопросам английского рабочего движения должное внимание с самого начала своей деятельности. Не случайно то, что Ленин в ссылке занялся переводом книги Вэббов об английском трэд-юнионизме, к содержанию которой он, разумеется, отнесся с должной критикой, но с фактическим материалом которой он хотел ознакомить пионеров рабочего революционного движения в России. Уже во время своей первой эмиграции Ленин уделяет громадное внимание английскому рабочему движению, которое он изучает и анализирует на всех этапах. Чем больше продвигался Ленин в области разработки своей теории империализма, тем внимательнее освещал он проблемы именно английского рабочего движения.

В своей статье «Империализм и раскол социализма», написанной в октябре 1916 г., Ленин с исчерпывающей полнотой объясняет связь между оппортунизмом и империализмом в четырех крупнейших странах мира: трех главных странах Европы (Англия, Франция, Германия) плюс Америка. Ленин прослеживает все замечания Маркса и Энгельса, начиная с 1858 г. (письмо Энгельса к Марксу от 7 октября 1858 г.) и кончая 1892 г. (предисловие Энгельса ко 2-му изданию «Положения рабочего класса в Англии»).

Маркс и Энгельс не дожили до империалистической эпохи. Но особенностью Англии было уже с половины XIX века то, что, по крайней мере, две крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились налицо: 1) необъятные колонии и 2) монопольная прибыль. И Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали связь его с победой (на время) оппортунизма в английском рабочем движении.

Когда Каутский в 1914—1916 гг., в своем ренегатском усердии пытался и в этом пункте «исправить» Маркса и Энгельса, ссылаясь на то, что промышленная монополия Англии давно, де, сломана, давно разрушена и ее нечего и

нельзя, де, вновь разрушать,— Ленин особенно подробно останавливался на фальши этого аргумента.

«В чем фальшь этого аргумента? В том, что, во-первых, обойдена колониальная монополия, Англии... Если промышленная монополия Англии разрушена, то колониальная не только осталась, но чрезвычайно обострена, ибо вся земля уже поделена...

Во-вторых, почему монополия Англии объясняет победу оппортунизма (на время) в Англии. Потому, что монополия дает сверхприбыль, т. е. избыток прибыли сверх нормальной... Из этой сверхприбыли капиталисты могут выбросить частичку (и даже не малую), чтобы подкупить своих рабочих, создать нечто вроде союза...—союза рабочих данной нации со своими капиталистами против остальных стран» (Ленин, т. XIII, стр. 477).

«Последняя треть XIX века была переходом к новой империалистической эпохе. Монополией пользуется финансовый капитал не одной, а нескольких очень немногих великих держав... Тогда буржуазная рабочая партия», по замечательно глубокому выражению Энгельса, могла сложиться только в одной стране... Теперь буржуазная рабочая партия неизбежна и типична для всех империалистических стран, но в виду отчаянной борьбы за дележ добычи невероятно, чтобы такая партия могла надолго победить в ряде стран» (там же, 478—479).

Вслед за Марксом и Энгельсом Ленин с несравненным мастерством вскрыл новейшую стадию «рабочего империализма», расцветшего прежде всего в Англии.

В 1868 г. получил силу закона второй билль о реформах, распространивший избирательное право на всех мужчин, платящих за квартиру в городах не менее 10 фунтов стерлингов в год. Этот закон сделал возможным появление в палате общин депутатов-рабочих. Первый рабочий кандидат выступил на выборах 1869 г., но потерпел неудачу. На выборах 1874 г. выступило 14 рабочих кандидатов. Двое из них были вы-

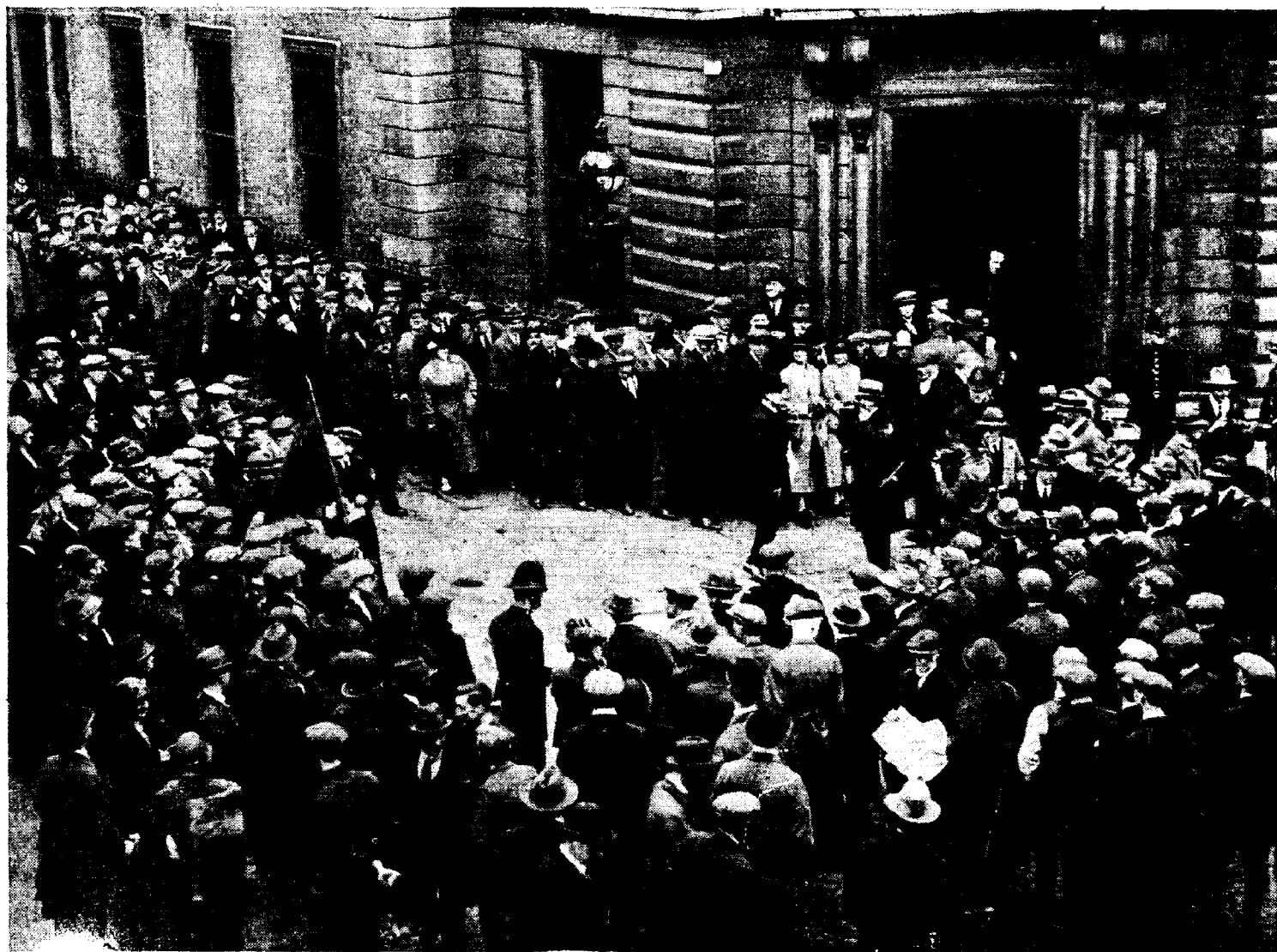
браны. Оба — углекопы. В 1880 г. избран был еще один рабочий, Бродхерст. После выборов 1885 г. в парламенте оказалась рабочая группа в 11 человек. Сельские рабочие послали в парламент известного в то время агитатора-батрака Джозефа Арча. Уэльские углекопы выбрали Абрагемса, игравшего потом в течение многих лет видную роль в палате общин. На выборах 1886 г. рабочая группа в парламенте уменьшилась до 9 чел. После выборов 1892 г. рабочая группа увеличилась до 13 чел. До этого времени рабочие депутаты выступали в парламенте только с узко профессиональной программой, являясь как бы только доверенными людьми трэд-юнионов по чисто цеховым вопросам. В области политики депутаты-рабочие большею частью примыкали к либеральной партии.

Только после выборов 1892 г. в английском парламенте впервые появились рабочие депутаты-социалисты. Это

были Кейр-Гарди и Джон Бернс. Последний раньше принадлежал к с.-д. федерации, считавшей себя марксистской, впоследствии ушел к либералам и занял пост министра в либеральном министерстве, «прославив» себя фразой о том, что ему «надоела чисто рабочая партия, как надоели рабочие сапоги, рабочее жилье и рабочий маргарин». Кейр-Гарди стал основателем Независимой рабочей партии, в которую скоро вошли и все интеллигенты-фабианцы.

Энгельс, как уже было сказано, считал в тогдашней обстановке образование Независимой рабочей партии явлением прогрессивным. Конечно, Энгельс хорошо знал цену фабианским «социалистам» (ср. его письмо к Зорге от 31 декабря 1892 г.)

Но Энгельс возлагал надежды на рядовую массу членов Независимой партии, вербовавшихся из рабочих. «Члены в массе своей очень надежны, так как

Суд над английскими коммунистами в 1926 г. Толпа у здания полицейского суда.

центр тяжести движения лежит в провинции, а не в центре политиканства, в Лондоне»,—писал он тому же Зорге («Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Зорге», стр. 393—394).

Но уже скоро события показали Энгельсу, что надежды, связывавшиеся им с образованием Независимой рабочей партии, не оправдались. Уже в конце 1894 г. он пишет, что «Независимая рабочая партия чрезвычайно неопределенна по своей тактике, а ее вождь Кейр-Гарди — архихитрый шотландец. Бедный парень из шотландских углекопов, он нашел, тем не менее, средства для большой еженедельной газеты «Рабочий-лидер», которую нельзя было бы основать без больших денег. А эти деньги идут от тори или, во всяком случае, от либералов-унионистов».

К середине 90-х годов идея образования самостоятельной рабочей партии делает все большие успехи в массах. На верхах усиливается движение за создание самостоятельной рабочей фракции в парламенте. Выборы 1895 г. кончились большим поражением либеральной партии. Пострадала и рабочая группа, примыкавшая к ней: вместо 15 депутатов она провела теперь только 12. Выборы 1900 г., происшедшие в разгар южно-африканской войны, кончились опять победой консерваторов. Рабочая группа несколько уменьшилась — она провела только 11 депутатов. До 1900 г. положение было таково, что рабочая группа в парламенте увеличивалась, когда одерживали победу либералы, и уменьшалась, когда большинство получали консерваторы. В 1899 г. на плимутском конгрессе трэд-юнионистов избран был рабочий представительный комитет, задачей которого было создание парламентской рабочей партии. Комитет этот собрался впервые в феврале 1900 г. От этой даты условно и ведется образование Рабочей партии в Англии.

Уже Кейр-Гарди, образуя новую партию в 1893 г., старался избегать названия «социалистическая», хотя сам себя считал социалистом. Он довольствовался названием «независимая». В 1900 г. опущено было также слово «независи-

мая»; решено было довольствоваться названием: Рабочая партия. Однако социалистическая фразеология была уже в большом ходу. Господа фабианцы, которые до сих пор вполне мирились с тем, что рабочие депутаты отстаивали либеральную программу или иногда давали «синтез» программ либеральной и консервативной партий, теперь тоже старались присоединиться к движению за создание самостоятельной рабочей партии. Незадолго до своей смерти Энгельс, клеймя фабианцев, писал об одном из их манифестов следующее: «После того как эти господа в продолжение многих лет заявляли: the emancipation of the working class can only be accomplished through the great Liberal Party («освобождение рабочего класса может совершиться только через великую либеральную партию»), после того, как они объявили всякое самостоятельное выступление против либеральных кандидатов во время выборов скрытым торизмом и выставили the permeation of the Liberal Party by Socialist Principles («пропитывание либеральной партии социалистическими принципами») как единственную задачу социалистов,—после всего этого они теперь заявляют, что либералы предатели, что с ними нечего делать и что рабочие должны на следующих выборах, совершенно не считаясь с либералами или тори, выставить своих собственных кандидатов» («Письма к Зорге», стр. 406).

На съезде 1900 г. Комитет рабочего представительства (будущая Рабочая партия) выработал так называемую «конституцию». Съезд высказался за необходимость отдельной самостоятельной рабочей партии в парламенте. Парламентская группа должна поддерживать всякую партию, готовую выработать законы, клонящиеся к защите интересов рабочего класса. Ни один из членов рабочей группы не должен выступать против кандидатов, выставленных каким-нибудь обществом, входящим в состав Рабочей партии. Съезд 1900 г., выработавший конституцию, состоял из 129 делегатов, представлявших 568.177 членов. О тогдашнем составе Рабочей партии говорит следующая таблица:

	Число членов	Число делегатов
Трэд-юнионы	545.316	117
Независимая рабочая партия	13.000	7
Социал-демократич. федерация	9.000	4
Фабианские общины . . .	801	1
	568.177	129

Три последние организации из перечисленных считали себя социалистическими. Исполнительный комитет, выбранный на первом съезде, состоял из 12 членов. 7 представляли трэд-юнионы, 2—Независимую рабочую партию, 2—Социал-демократическую федерацию и 1—Фабианское общество.

Новая Рабочая партия предложила кооперативным обществам присоединиться к ней. Приглашение было принято частью кооперативных обществ.

В феврале 1901 г. в Манчестере состоялся второй съезд Рабочей партии. Он высказался за всеобщее избирательное право и «против империализма». Социал-демократическая федерация предлагала на этом съезде Рабочей партии объявить себя социалистической и стать открыто на почву классовой борьбы. Съезд отверг это предложение, в результате чего в августе 1901 г. Социал-демократическая федерация вышла из состава Рабочей партии. До полного преобразования после войны исполнительный комитет Рабочей партии состоял из 11 представителей от трэд-юнионов, 1 представителя от «промышленных советов», т. е. от местных рабочих организаций, 2 делегатов от Независимой рабочей партии и 1—от фабианцев.

В феврале 1903 г. состоялся третий съезд Рабочей партии в Нью-Кэстле. Этот съезд знаменит тем, что он принял так называемое «обещание» (Pledge). Все кандидаты, выступавшие на выборах от имени Рабочей партии, должны были дать обещание, которое состояло из двух пунктов: 1) кандидаты обязаны принять конституцию Рабочей партии и с о б р а ж а т ь с я в п о с л е д с т в и и с е е у к а з а н и я м и, когда в парламенте будут рассматриваться законо-

проекты, указанные «конституцией»; кандидаты обязаны держаться в стороне от всех других политических партий и 2) кандидат обязывается в случае избрания присоединиться к парламентской Рабочей партии.

Это был формальный разрыв с либеральной партией, к которой до сих пор примыкало большинство так называемых рабочих депутатов. На выборах 1906 г. Рабочая партия получила 54 места в парламенте и с тех пор стала крупной парламентской партией—на деле третьей партией английской буржуазии. С 1906 г. организация окончательно присвоила себе имя Рабочей партии. Если исходить из этой даты, то можно сказать, что в 1931 г. исполнилось 25 лет существования английской Рабочей партии. Карьера очень быстрая!

В 1908 г. Рабочая партия через Независимую партию обратилась с просьбой о принятии во II Интернационал.

Замечательно дальновидная позиция Ленина по вопросу о принятии Рабочей партии во II Интернационал изложена в его статье (т. XII нов. изд.), описывающей заседание Международного социалистического бюро, в котором Ленин принял участие лично. Речи Ленина на втором конгрессе Коминтерна и соответствующие места «Детской болезни» являются развитием тех же взглядов в новой обстановке.

Одно из важных отличий английской Рабочей партии от «братских» ей партий континента заключается в том, что вожди Лебор-партии о т к р ы т о отрицают классовый ее характер. «Надо помнить, что основателем британского социализма был не Карл Маркс, а Роберт Оуэн, проповедывавший не классовую борьбу, а освященную временем доктрину братства всего человечества»,—заявил Сидней Вэбб, открывая в 1923 г. конгресс Рабочей партии в Лондоне («Таймс», 27 июня 1923 г.). Этот припев повторяется вождями партии при всяком удобном и неудобном случае.

Накануне образования первого «рабочего» правительства Макдональда Филипп Сноуден выступил с серией статей под общим заглавием «Программа рабочего правительства Англии». Сноуден

не нашел лучшего места для помещения этих статей, как — к о н с е р в а т и в н а я пресса. Именно перед консерваторами считал он необходимым развить программу будущего первого «рабочего» правительства. И прежде всего он счел необходимым заявить: «Рабочее правительство никогда не будет правительством физического труда. Наиболее ясным ответом на это опасение является современный состав парламентской Рабочей партии. Значительная часть членов партии принадлежит к средним классам. В нее входят юристы, доктора, профессора университета, учителя, священники, инженеры, фабриканты, журналисты и даже землевладельцы. В состав рабочего правительства без сомнения войдут многие представители этих профессий» (Филипп Сноуден, «Программа рабочего правительства в Англии», 1924 г., стр. 21).

Таково программное заявление лидера партии по вопросу о внутренней политике. Не менее многообещающее заявление делает он консерваторам и по вопросам политики внешней.

«Высказывается предположение, что Рабочая партия не питает особой любви к империи... Считается, что в иностранных делах она антинациональна и в лучшем случае ненациональна. Боятся, что рабочее правительство пожертвует интересами империи и нации своим идеалам интернационализма. Утверждают, что иностранная политика рабочего правительства будет диктоваться каким-нибудь социалистическим бюро на континенте... Эти опасения не имеют никакого существенного основания. Лучшим ответом на них является тот факт, что при объявлении войны большинство членов партии, услышав об опасности для страны, забыли свой интернационализм и стали самыми яркими патриотами Британии»... (там же, стр. 46—47).

Эти обещания Сноудена, как известно, выполнены были на все сто процентов.

Не менее откровенен был и Макдональд. В речи, произнесенной им накануне своего ухода от власти в первом рабочем правительстве, он заявляет: «Социализм основан на евангелии. Он обозначает собою хорошо продуманную и решительную попытку охристианить

правительство и общество... У нас нет классового сознания. Наши противники—вот люди с классовым сознанием. Мы же вместо классового сознания хотим выдвинуть сознание общественной солидарности. Социализм не верит в насилие. Социализм это здоровье, а не болезнь ума. Нужно смотреть на рабочего не как на рабочего, а как на человека. Даже торизм до некоторой степени научился обращаться с людьми, как с людьми. Революция в России преподала нам великий урок. Она показала, что революция—это разрушение и бедствие, ничего больше».

В своем «научном» произведении «Социализм и общество» Макдональд пишет:

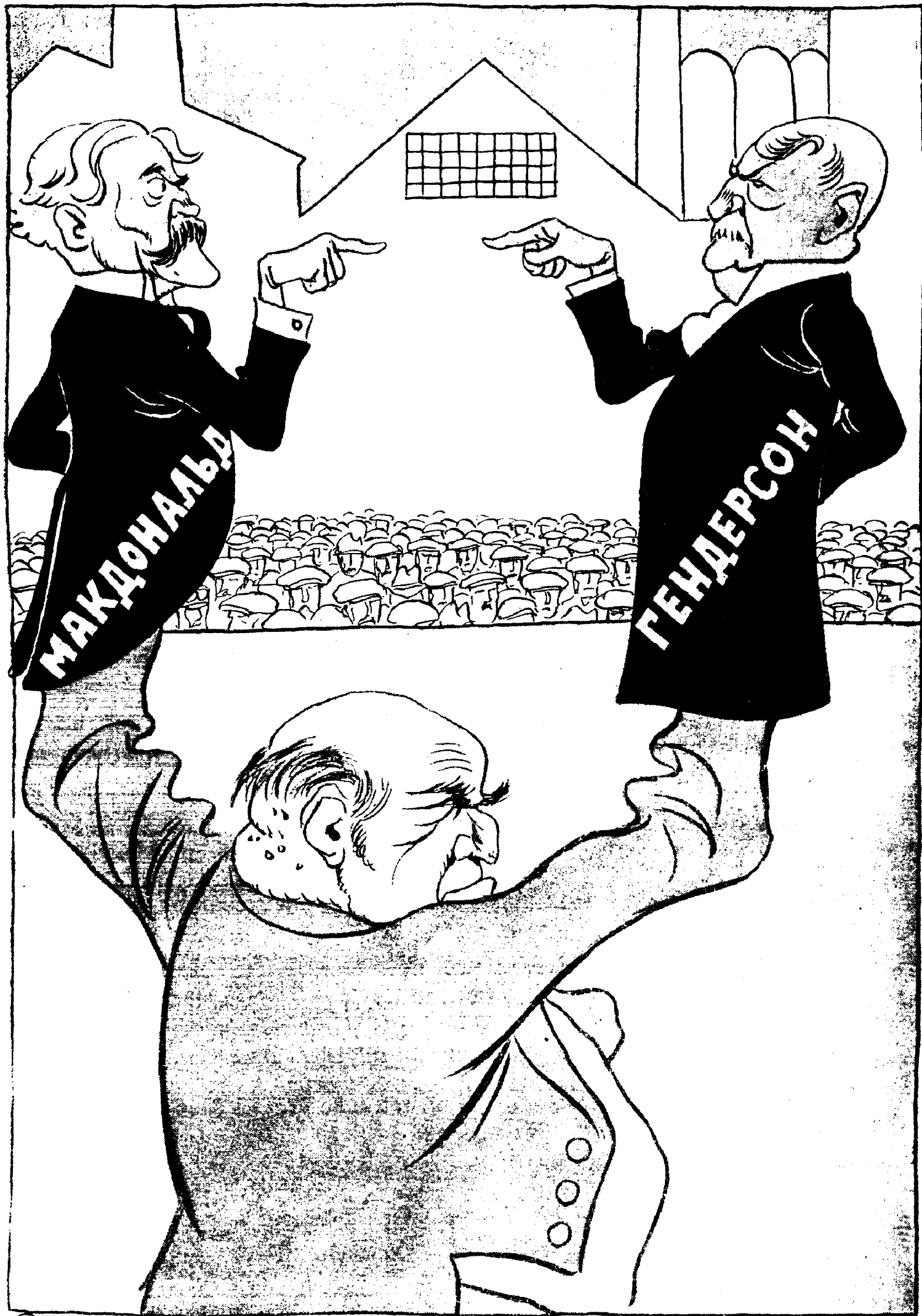
«Класс» в том смысле, в каком это слово употребляется марксистами, является продуктом абстрактного экономического мышления... Идея «классовой борьбы» относится к до социалистической и до научной фазе рабочего движения» (Mac-Donald, «Socialism and Society», 126).

В другом своем «теоретическом» сочинении Макдональд говорит:

«Социализм не есть классовое движение. Социализм есть движение общественного мнения» (Mac-Donald, «Socialism, Critical and Constructive», 124).

Восторженный биограф Макдональда госпожа Мэри Гамильтон (член Рабочей партии) ставит Макдональду в особую заслугу, что «у него есть кое-что для каждого» (I. R. Mac-Donald, von Mary Hamilton, «Iconoclast», стр. 28). «Макдональд сильно рисковал, когда обедал при дворе; еще больше рискует он, когда появляется при дворе или на улице одетый так, как одеваются джентльмены; но больше всего он рискует, когда, выступая на собраниях, говорит спокойно, без тех украшений, которые обязательны для «классово-сознательных» ораторов, — иронизирует эта госпожа.

На смерть Керзона Макдональд от имени всей партии произносит речь в палате общин, заканчивая ее следующими словами: «Он (Керзон) был великий слуга общества, прекрасный коллега с высокими идеалами и образец для тех, кто должен прийти после него».

Гор. Свиридов. 31

Правая и левая рука буржуазии

Томас, провозглашая тост за бывшего директора Западной железной дороги Болдуина и председателя лорда Черчилля, заявляет тут же, что его, конечно, будут обвинять в общении с Болдуином как изменника своему классу, но он, Томас, не принадлежит ни к какому классу, «ибо истина не является собственностью класса».

В мае 1923 г. в доме лэди Астор (она — член парламента) состоялось свидание депутатов-рабочих с наследником престола принцем Валийским. Известный депутат-социалист Виль Торн сообщил газетам об этом свидании. Возьмем несколько строк. «Я сказал принцу, что был в Wembley, где собралась громадная толпа, чтобы видеть спорт. Толпа вся пела национальный гимн, когда показался король. Я сказал принцу, что это произвело на меня сильное впечатление».

Мы говорили также о положении промышленности. Я сказал принцу, что положение дел очень серьезно, так как много безработных.

Сказал я также принцу, что в Англии произойдут сильные перемены, но произойдут конституционным путем.

— Против таких перемен никто не может возражать! — ответил мне принц Валийский.

То был очень интересный и очень дружеский разговор», — прибавляет Виль Торн.

Мы перечислили здесь выступления преимущественно тех лидеров, которые ныне вошли в группу Макдональда. Но и так называемые «левые» лидеры несколько не лучше. Достаточно вспомнить их роль в предательстве всеобщей забастовки 1926 г., достаточно посмотреть на их роль и сейчас в 1931 г. Нет никакого сомнения в том, что к английским «левым» лидерам целиком относится указание Коминтерна, что такие «левые» во многих отношениях еще опаснее и подлее, нежели открытые предатели правые.

И первое и второе «рабочие» правительства Макдональда вполне сознательно были допущены английской буржуазией, считавшей, что при создавшемся положении вещей для нее нет лучшего выхода. С другой стороны, и

уход от власти «рабочих» правительств в обоих случаях означал добровольное возвращение правительственных портфелей буржуазии основным ядром лидеров английской Рабочей партии. Уход Макдональда и К^о от власти в 1924 г., в сущности говоря, тоже был очищением поля для консерваторов, как и «уход» в 1931 г. «Третья» партия буржуазии вновь очищала поле первой партии буржуазии. Руководящий слой английской Рабочей партии, как мы уже видели, совершенно определенно сам сознает себя буржуазной партией. Поскольку дело идет о парламентских комбинациях, смена правительств происходит совершенно безболезненно. (Другое дело, конечно, в народных «низах»). Вся история, проделанная Макдональдом и К^о в августе 1931 г., обошлась без единого резкого столкновения в парламенте, даже без единой резкой статьи в газетах. Все это было возможно, конечно, только потому, что верхи всех трех партий определенно чувствуют себя защитниками интересов буржуазии, что это спор среди «своих».

Весь мир имел возможность убедиться в том, что внутренняя и внешняя политика первого рабочего правительства во главе с Макдональдом была прямым продолжением политики консерваторов. 24 января 1924 г. правительство Макдональда пришло к власти. 8 января того же года, когда результаты выборов уже выяснились, Макдональд в публичной речи заявил, что, в случае образования им кабинета, «ни одному капиталисту незачем будет бежать со своими капиталами за границу, так как он, Макдональд, не станет заниматься никакими опасными экспериментами». Это обещание было выполнено свято как в первом, так и во втором рабочих правительствах. Во многих отношениях рабочее правительство работало для буржуазии лучше, чем правительство консерваторов. Достаточно назвать индийский вопрос. Было время, когда английские империалисты могли позволить себе роскошь устами лорда Сольсбери заявлять открыто, что их политика в отношении Индии заключается в том, что «Индии необходимо пускать кровь» («India must be bled»). Ныне приходится для пода-

вления Индии прибегать и к другим средствам, как, например, к конференции круглого стола. Для этих времен, конечно, наиболее подходящим являлось именно правительство Макдональда, которое, однако, ни на минуту не отказывалось и от политики пускания крови Индии. Даже самые твердолобые из консерваторов не делают ни малейшего упрека Макдональду за крах английского фунта и вообще за все экономические результаты политики «рабочего» правительства в последние годы. И это — по той простой причине, что консерваторы знают: «рабочее» правительство выполняло их политику. Ни один из консервативных министров не мог бы работать лучше, чем работали «рабочие» министры. Экономические «неудачи» являются одинаковым несчастьем и для Болдуина и для Макдональда. «Сам» Чемберлен не обвиняет рабочее правительство за происшествие в военном флоте, ибо он знает: Томас, Сноуден, Гендерсон и К^о эти события в королевском флоте считают таким же несчастьем, как и он, Чемберлен.

Революционизирование масс пошло и пойдет все быстрее. Темп нисхождения английского капитализма убыстряется с каждым годом. Положение усложняется с каждым днем. Вот чем объясняется и то, что консервативная партия на предстоящих выборах желает выступить под фирмой «национального» блока, предоставляя Макдональдам даже формальное лидерство в этом блоке. «Я охотно буду работать под руководством (!) Макдональда», говорит Болдуин. Попржнему править нельзя. Буржуазная рабочая партия является важнейшей составной частью политического механизма современного господства английской буржуазии.

Английская Рабочая партия по принципам своего построения представляет иной тип, нежели с.-д. рабочие организации на континенте. Она ставила себе задачей организовать в своих рядах не только рабочий авангард, но принимала в свои ряды целые профсоюзы, кооперативы и т. п. Оппортунисты всех стран ныне пытаются увидеть уже в этом принципе построения особенные пре-

имущества. Реннер, как мы видели выше, и до сих пор славословит английскую Рабочую партию за то, что она включает в свою организацию будто бы весь класс поголовно. Когда «наши» меньшевики после поражения революции 1905 г. выступили с пресловутой идеей широкого рабочего съезда, они, не желая в этом признаться, на деле тоже отдавали дань «широким» идеям оппортунистов английской Рабочей партии.

Свое учение о роли партии, прямо противоположное этим «широким» идеям оппортунистов, Ленин еще раз отточил, между прочим, и в борьбе с меньшевистской проповедью рабочего съезда. И в то же время Ленин всегда отдавал себе отчет в том своеобразии, каким в данных исторических условиях отличалась английская Рабочая партия, и умел тщательно следить за процессом революционизирования английского рабочего движения, развивавшегося несмотря на те путы, которыми его сдерживали английские либеральные рабочие политики.

И Маркс и Энгельс неоднократно указывали на связь между «процветанием» английского оппортунизма и монопольным положением Англии на мировом рынке. Незадолго до своей смерти Энгельс еще раз отметил, что «в Англии классовая борьба тоже была сильнее в период развития крупной промышленности, и затихла она как раз в то время, когда мировое промышленное господство Англии стало бесспорно» («Письма к Зорге», стр. 391). Но с начала XX века классовая борьба в Англии вновь вспыхивает с огромной силой. Уже в 1912 г. по поводу стачки английских углекопов (1911 г.) Ленин с восторгом писал о том, что английские углекопы показали всему миру, как осуществляются слова рабочей песни «Все колеса не грохочут, коль твоя рука захочет». Рабочие Англии «медленно, но неуклонно поворачивают к социализму, вопреки многим членам парламента из рабочих, упорно отстаивающим старинку либеральной рабочей политики» (Ленин, т. XII, ч. II, стр. 6).

«В августе 1911 г. Англия была бл и ж е, ч е м к о г д а - л и б о в п о с л е д с т в и и (писано в мае 1923 г.)

Гендерсон

к самым серьезным кровавым мятежам», — писал известный русский мелкобуржуазный публицист Дионео, хорошо осведомленный в английской жизни (Дионео, «Англия после войны», стр. 52).

Следующая волна революционного рабочего движения в Англии поднялась в связи с нашей русской революцией. «Хмель действует на самые крепкие головы, если эти люди, умеющие вообще выносить опьяняющие напитки, крайне возбуждены или находятся под палящим солнцем. Таким «хмелем», сразу ударившим в крепкие головы, была большевистская революция в октябре 1917 г.», — меланхолически философствует тот же Дионео, ненавидящий большевиков. События великой пролетарской революции в нашей стране захватили всю рабочую Англию. Не было такого медвежьего угла, где с сочувствием не говорили бы о большевиках. Этим «хмельным» настроением рабочих объяснялся и поворот многих трэд-юнионистских лидеров, снарядивших первую делегацию в Советскую Россию, заявлявших о своем «сочувствии» Октябрьской революции и т. д. Этим же объяснялась и лавирующая политика

Ллойд-Джоржа и К° по отношению к советскому государству.

Когда в 1920 г. (во время советско-польской войны) английские рабочие впервые образовали знаменитый Комитет действия, Ленин писал: «Это есть великий переворот во всей английской политике. Рядом с парламентом, который сейчас в Англии избирается почти всеобщим голосованием (что происходит с 1918 г.), возникает самочинный «комитет действия», опирающийся на рабочих и профессиональные союзы, т. е. трэд-юнионы... Это был великий перелом для всей английской политики. Для Англии он имеет такое же значение, как для нас Февральская революция 1917 г.» (т. XVII, стр. 335—336).

Крупные события назревали в английском рабочем движении в 1921 г. в связи с борьбой английских горняков. Эти последние не смогли тогда поднять на свою защиту рабочих всей Англии, но им удалось заключить так называемый тройственный союз, т. е. союз трех профсоюзов: горняков, железнодорожников и транспортников. Эти три союза должны были бороться вместе. Стачка, назначенная на 15 июня 1921 г., была сорвана, так как Томасу — нынешнему ближайшему сподвижнику Макдональда — удалось в решающую минуту настроить против стачки свой профсоюз железнодорожников и таким образом расколоть тройственный союз рабочих на радость буржуазии.

Далее идет великая всеобщая забастовка в Англии в мае 1926 г. Предательская роль вождей Рабочей партии и трэд-юнионов в этой великой стачке достаточно известна.

И, наконец, как «задаток» под новую полосу революционного подъема в Англии мы видим в сентябре 1931 г. мятежное движение среди моряков английского флота, начавшееся на «чисто экономической» почве, но получившее сразу гигантское политическое значение.

Присматриваясь к своеобразию развития английского рабочего движения и глядя на роль английской Рабочей партии в нем, приходится сказать: нет хуже без добра.

Весь тип организации английской Рабочей партии не пригоден для победы

носной борьбы пролетариата против буржуазии. (Подлинно рабочая партия в Англии, та рабочая партия, которая поведет пролетариат на приступ капитализма, строится на совершенно других началах: она создается соответственно учению Ленина о роли партии.) Но «зато» нынешняя английская «рабочая» партия недостаточно прочна и с точки зрения интересов буржуазии.

Английская Рабочая партия организационно построена гораздо менее солидно, нежели, скажем, германская или австрийская социал-демократия. Руководящий состав английской Рабочей партии, ее верхушка, конечно, нисколько не уступает в контрреволюционности и буржуазности верхушке любой из европейских с.-д. партий. Но организация в целом менее прочна, менее пропитана дисциплиной, менее разветвлена, и в этом приходится видеть не худшую (для пролетариата) ее сторону. Если контрреволюционная верхушка не смогла уберечь капиталистов от таких движений, как железнодорожная забастовка 1911 г., от великого движения сочувствия пролетарской революции в России в 1918—20 гг., если она не могла помешать самому возникновению движения горняков и всеобщей забастовки 1926 г. или, скажем, движению моряков военного флота осенью 1931 г., то это объясняется именно указанным обстоятельством. Одно из своеобразий английского рабочего движения заключается в том, что свежим революционным движениям масс, напоминающим лучшие стороны чартизма, иногда удается «прорваться» через голову «вождей», проявить себя — н е с м о т р я на английскую Рабочую партию, в о п р е к и ей.

В последние годы вожди английской Рабочей партии стараются наверстать потерянное и перестроить свою партию по образу и подобию наиболее солидных контрреволюционных массовых с.-д. партий Европы.

На конгрессе Рабочей партии, открывшемся в Лондоне 26 июня 1923 г., председатель Сидней Вэбб с гордостью указал на «стремительный прогресс» организаций за 10 лет. В 1913 г. Рабочая партия могла бы, в случае выборов,

выставить своих кандидатов только в одной десятой всех избирательных округов, причем собрала бы, вероятно, только 500.000 голосов. Теперь Рабочая партия, имеющая около четырех миллионов сочленов, является самой большой и самой многочисленной политической организацией в стране. К ней принадлежат около 10.000 муниципальных советников. На последних парламентских выборах партия выставила 400 кандидатов, причем собрала четыре с половиной миллиона голосов, т. е. всего лишь на миллион голосов меньше, чем победоносная Юнионистская партия («Таймс», 17 июня 1923 г.).

Массовое революционирование английского рабочего класса до сих пор шло относительно медленно и с перебоями. В последнем счете это объясняется тем, что английский капитализм, утратив мировую промышленную монополию,

Сноуден

далеко еще не утерять своего колониального могущества. Связь «рабочего» оппортунизма с империализмом прослежена Лениным в его учении об империализме. Только это учение дает ясное представление о проблеме прослоек внутри рабочего класса, об условиях и предпосылках победы пролетарского социализма над «рабочим» империализмом и оппортунизмом. Империалистская Англия слабеет, империалистская Англия теряет и утерять также свое колониальное могущество, но она еще не потеряла его. Это обстоятельство всесторонне освещено Лениным в его полемике с Каутским.

Дифференциация в рабочем движении Англии шла до сих пор медленно. Ход исторических событий неизбежно продвинет теперь эту дифференциацию семимильными шагами. Лозунгом международного оппортунизма применительно к Англии станет и уже стал крик о «единстве». Мы видели уже выше, как «Форвертс» защищает открыто измену Макдональда именно под лозунгом единства. Чем больше будут успехи английских коммунистов, тем громче будут вопить об единстве Макдональды, Гендерсоны и все «левые» лидеры буржуазной Рабочей партии Англии.

Вопрос об единстве имеет свою историю. Он сыграл крупнейшую роль и в борьбе большевиков с меньшевиками в России. Лозунг единства использовали и часто не без успеха ревизионисты, центристы, русские ликвидаторы и примиренцы всех мастей. Лозунг этот естественно пользуется широким признанием среди рабочих всех стран. Это понятно. «Единство пролетариата есть величайшее оружие в его борьбе за социалистическую революцию» (Ленин, т. XVIII, 85). Этот лозунг сознательно эксплуатировали оппортунисты в эпоху 1889—1914 гг., —эксплоатируют и сейчас. На том же самом амстердамском международном конгрессе (1904 г.), на котором прошла приведенная выше резолюция

об Англии, принята была также резолюция (в связи с объединением жоресистов и гэдистов во Франции), в которой впервые провозглашен был знаменитый тезис II Интернационала: в каждой стране существует только один пролетариат, а значит, должна существовать только одна партия. В самом общем виде эта мысль верна. А конкретно в данной исторической обстановке она нередко служила прикрытием для ревизионистов, центристов, либеральных рабочих-политиков. История первой победоносной пролетарской революции в России показала, что формула эта теряет всякие следы двусмысленности и наполняется подлинно революционным содержанием лишь после того, как рабочий класс низверг буржуазию и разбил все ее партии — в том числе ее «социалистическую» агентуру в рабочем классе.

Ленинское учение об империализме, развивающее гениальные указания Маркса и Энгельса, показало нам в действии весь сложный механизм империализма, раскалывающего рабочих, подкупающего верхушку пролетариата, приманивающего рабочую аристократию и рабочую бюрократию. Основная масса рабочего класса едина и при империализме — в том смысле, что она стонет под единым игмом, что едины ее страдания, лишения. Но ее политическое единство является пока лишь потенциальным. Небольшое «инициативное» меньшинство, прирученное и купленное империализмом, нередко разбивает политическое единство действий и зачастую также единство настроений и стремлений рабочей массы. Оно «с успехом» выполняет эту задачу, ибо опирается на всю мощь капитализма и буржуазной традиции. В эту эпоху собирать пролетариат под знаменем подлинной защиты его исторических интересов означает откалывать его от буржуазии и буржуазных агентов. Эту задачу история возложила на коммунистическую партию Англии.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА

ВОСПОМИНАНИЯ

Всеобщая стачка в Англии в мае 1926 г. была самым крупным событием в истории английского пролетариата со времен чартизма. Позорное предательство лидеров генерального совета конгресса тред-юнионов, и в том числе ряда «левых» членов Англо-русского комитета, тоже представляет собой акт, небывалый по своему бесстыдству. История классовой борьбы в Британской империи знает лишь один случай подобного предательства: это — предательство Ганди по отношению к великому революционному массовому движению в 1922 г. Всеобщая стачка и ее предательский срыв оборвали определенную главу истории английского пролетариата и ознаменовали начало новой стадии его развития.

Когда-нибудь в эту главу истории будут вписаны новые строки о другой всеобщей стачке, но тогда она уже будет происходить под революционным руководством и уже не будет предана.

Всеобщая забастовка и следовавшая за ней героическая борьба горнорабочих были кульминационным пунктом в поступательном движении рабочего класса, начавшемся в 1923-24 гг. С восстановлением золотого стандарта весной 1925 г. и с возобновлением наступления капитала классовая борьба сильно обострилась. Особенно остро действие этого наступления капитала испытывали на себе горнорабочие, которым летом 1925 г. было заявлено о предстоящем громадном снижении зарплаты. Наглое заявление Болдуина о том, что должна быть снижена заработная плата не только горняков, но и всех рабочих, послужило сигналом к грандиозному движению пролетарской солидарности, под напором которого профсоюзные бюрократы стали угрожать предпринимате-

лям широким стачечным движением рабочих других производств, готовых поддержать горняков.

Чтобы выиграть время и потом развить наступление на рабочий класс в более выгодных для себя условиях, болдуиновское правительство, захваченное врасплох, отсрочило на девять месяцев снижение зарплаты и предоставило предпринимателям многомиллионную государственную дотацию для сохранения прежнего уровня заработной платы.

Таким образом буржуазия заранее наметила первую неделю мая 1926 г. как дату возобновления борьбы и тем временем стала лихорадочно к ней готовиться. Эти приготовления заключались, во-первых, в терроризировании рабочих путем предания суду двенадцати лидеров коммунистической партии за участие в забастовке, во-вторых, в организации специального фашистского корпуса, так называемой организации по обеспечению снабжения, в-третьих, в детально разработанном плане мобилизации всего государственного аппарата и в том числе армии.

Разумеется, буржуазия надеялась провести наступление в согласии с профсоюзными лидерами и не предполагала встретить ожесточенного классового сопротивления пролетариата. Поэтому, готовясь к подавлению забастовки горнорабочих или всеобщей стачки и принимая все меры к этому, она все же стремилась прежде всего провести «мирное» снижение зарплаты. Но вопреки всем ее усилиям солидарность рабочего класса с горнорабочими опрокинула эти расчеты буржуазии.

Всеобщая стачка вспыхнула 3 мая и продолжалась девять дней. Она закончилась величайшим предательством. Но героическая борьба горняков, кото-

рых поддержали пролетарии всего мира и в первую очередь трудящиеся Советского Союза, месяц за месяцем пополнявшие своими взносами стачечный фонд, продолжалась еще семь месяцев. Эта стачка нанесла капиталистической стабилизации тягчайший удар, от которого она не могла уже оправиться.

Настоящий очерк посвящен только истории всеобщей стачки на северо-восточном побережье Англии. Под северо-восточным побережьем разумеются графства Англии Дергемское и Нортемберлендское. Между ними протекает река Тайн, на обоих берегах которой раскинулся центральный город всего района Ньюкэстль.

Северо-восточное побережье является центром тяжелой промышленности, а территории Дергемского и Нортемберлендского графств изобилуют богатейшими угольными залежами. До империалистической войны здесь работало около четверти миллиона углекопов. Берега рек Тайн, Вер и Тисс усеяны судостроительными верфями, металлургическими заводами и другими предприятиями тяжелой индустрии.

Хотя профессиональные организации существуют на северо-восточном побережье с давних пор,—революционное движение было здесь всегда исключительно слабым. К началу всеобщей стачки коммунистическая партия и движение меньшинства насчитывали здесь небольшую горсточку членов. В силу большого экономического и стратегического значения северо-восточного побережья район этот был одним из тех десяти административных и военных округов, на которые правительство разделило всю Англию и Шотландию в целях борьбы со всеобщей стачкой.

В центре округа, Ньюкэстле, пребывал один из десяти гражданских комиссаров, член правительства, облеченный всей полнотой гражданской и военной власти, чтобы раздавить сопротивление рабочих.

Королем было объявлено чрезвычайное положение, и на основании закона о чрезвычайных полномочиях, введенного в 1920 году и предоставляющего властям исключительные права, был моби-

лизован весь специальный государственный аппарат насилия, точь в точь как во время войны при действии закона о военном положении.

Таким образом, северо-восточное побережье представляло во всех отношениях весьма важный театр классовой войны. Рабочие не делали к борьбе никаких приготовлений, если не считать агитации в пользу подготовки к борьбе, которую вели коммунистическая партия и движение меньшинства. Лидеры генерального совета преднамеренно разоружали рабочий класс на протяжении тех девяти месяцев, в течение которых правительство лихорадочно готовилось к борьбе. Больше того, в течение недель, непосредственно предшествовавших маю, велась грандиознейшая кампания в печати, целью которой было уверить рабочих в возможности соглашения.

Пишущий эти строки был в середине апреля 1926 г. выпущен из тюрьмы и прибыл в конце этого месяца в один из углепромышленных центров Дергема для проведения первомайской кампании. Вся обстановка свидетельствовала о том, что рабочие не только не готовы к борьбе, но что в этом округе, где преобладает горная промышленность, углекопы, из поколения в поколение приученные тред-юнионизмом проводить забастовки со скрещенными руками, не сделали никаких специальных приготовлений к тому, чтобы во всеоружии встретить надвигающиеся классовые бои. Было очевидно, что надо немедленно организационно закрепить всеобщее чувство классовой солидарности и использовать оставшиеся до понедельника 3 мая двое суток для того, чтобы в кратчайший срок создать классовую организацию для проведения борьбы.

Задача осложнялась тем, что в округе было всего несколько активных членов революционной партии рабочего класса и отсутствовали какие бы то ни было традиционные формы организованной пролетарской борьбы. Нужно было использовать все существовавшие в районе профессиональные, кооперативные и прочие организации, стараясь наряду с тем создать на местах «совет действия». С этой целью в углепромышленном райо-

Бастующие горняки Дергемского района со своим знаменем

не Блейдон на Тайне тотчас же после первомайской демонстрации был организован небольшой комитет в составе активных членов профсоюзов и боевых представителей рабочего класса (в том числе, насколько мне помнится, одного коммуниста). Был разработан план действий, и в тот же день всем руководящим членам местных рабочих организаций и рабочей фракции местного муниципалитета были разосланы приглашения на заседание 2 мая.

Созыв этого первого заседания «совета действия» был нашей первой задачей. Вторая задача заключалась в организации во всех других местностях северо-восточного побережья «советов действия», подобно организуемому в Блейдоне на Тайне. Третья задача состояла в созыве совещания профсоюзных работников всего северо-восточного побережья для организации комитета по проведению стачки. И, наконец, четвертой задачей была немедленная подготовка издания стачечного бюллетеня,

в котором должен был быть помещен призыв к всеобщей стачке 3 мая, безотносительно к тому, чем кончатся лондонские переговоры между генеральным советом и правительством Болдуина.

Мы были уверены, что нам удастся выполнить только первую и четвертую задачи. На конференции в Блейдоне на Тайне мы представили план кампании, который и был принят после непродолжительных прений. Конференция конституировалась в совет действия.

Сущность плана сводилась к следующему:

«Сорвать деятельность гражданского комиссара Дергэм-Нортемберлендского района. Гражданский комиссар назначен правительством и вооружен чрезвычайными полномочиями, для того чтобы сломать стачку. Наша первейшая задача помешать ему провести это в нашем городе. Но для осуществления этой цели мы должны организовать сопротивление по всему району, на который распространяются его полномочия. Другими словами, мы должны сорвать работу гражданского комиссара и всего его штрейкбрехерского аппарата».

В плане описывался аппарат чрезвычайного комиссара, указывались силы врага и показано было, какая организация необходима рабочему классу.

А п п а р а т ч р е з ы ч а й н о г о к о м и с с а р а

Ведению окружной гражданской комиссии подлежат:

1) учреждения, мероприятия и организации, созданные ведомством здравоохранения за последние девять месяцев;

2) учреждения и специальные организации, созданные министерством внутренних дел;

3) органы и учреждения, подведомственные военному и морскому министерствам и министерству авиации, и

4) различные другие учреждения и организации, созданные или подготовляемые правительственными ведомствами и находящиеся в их ведении.

Другими словами, против стачечников в округе Дергем—Нортемберленд будут мобилизованы все гражданские и военные учреждения, подведомственные центру, а равно гражданские учреждения, входящие обычно в местное самоуправление.

Что касается последних, то еще неизвестно, сможет ли враг воспользоваться ими в желательных ему размерах.

Ш т р е й к б р е х е р с к и е с и л ы г р а ж д а н с к о г о к о м и с с а р а

В распоряжении гражданского комиссара находятся:

1) чиновники местных самоуправлений и центрального правительства;

2) организация по охране порядка;

3) различные другие штрейкбрехерские организации, состоящие, главным образом, из мелкобуржуазных элементов;

4) фашисты, одна из организаций которых заключила соглашение с организацией по охране порядка;

5) специальная полиция, представляющая собой отряды вооруженных полицейских, снабженных стальными шлемами, созданная исключительно в целях борьбы с забастовкой;

6) специальная полиция, в рядах которой, повидимому, имеется много фашистов;

7) регулярная окружная и районная полиция и

8) военные морские и воздушные силы с танками, пулеметами, подводными лодками, миноносками и аэропланами.

О р г а н и з а ц и я р а б о ч е г о к л а с с а

Для встречи лицом к лицу со всем этим аппаратом угнетения мы должны немедленно создать свою организацию. Организация эта должна быть несложной, гибкой, подвижной. Руководство всей ее деятельностью в каждой местности должно быть централизовано в руках одного органа, который можно назвать советом действия, стачечным комитетом, профсоюзным советом или как угодно иначе... Все такие организации должны действовать под централизованным руководством находящейся в главном городе округа организации, ответственной за весь район.

Был выдвинут ряд предложений насчет деталей организации.

Мы не знаем, был ли создан необходимый аппарат при других советах действия, которые мы создали. Но нет никакого сомнения в том, что он был необходим и что он неминуемо сложился бы, если бы забастовка продлилась дольше.

З а д а ч и с о в е т о в д е й с т в и я

На советы действия возлагается ряд задач, для выполнения которых необходимо создать следующие отделы:

- связь (самокатчики, верховые и т. п.);
- питательные пункты;
- продовольствие и транспорт;
- кооперацию;
- местное самоуправление;
- спорт (имеющий двойную цель);
- охрану;
- пикетаж;
- женскую организацию;
- пропуска;
- печать: а) гектографированных изданий, б) другие публикации и информацию.

В заключительном разделе плана кампании излагалась общая стачечная стратегия в округе Дергем—Нортемберленд.

Первый номер правительственной газеты, посвященный стачке

Трамваев нет. Толпы бастующих рабочих загрохотали мостовые лондонских улиц

Генеральный совет конгресса трудюнионов, объявивший стачку только потому, что у него не было другого выхода, издал специальное распоряжение, в котором указывал, что «работы в органах здравоохранения, общественного питания и транспорта не должны нарушаться» и что «профсоюзы должны сделать все, что в их силах, для организации снабжения всего населения молоком и продовольствием». Мы видим, что генсовет заботился о снабжении не рабочего класса, а всего населения, в том числе и классовых врагов пролетариата. Несомненно, что эта инструкция, истолкованная в угодном генсовету смысле, могла бы привести к срыву стачки, но ее можно было истолковать и по-иному. Надо иметь в виду, что при создавшейся на северо-восточном берегу обстановке выразителями имевшейся, несомненно, налицо пролетарской солидарности, являлись не местные или профсоюзные чиновники, для которых важнейшей директивой являлась директива их верхушки. Многие из этих местных профсоюзных чиновников волей-неволей вошли в первые советы действия. В виду этого совет действия в Блейдоне на Тайне подчинился распоряжению генсовета. Но он истолковал его по-своему, а именно:

«Продовольствие и транспорт: в инструкциях на случай всеобщей стачки совета трудюнионов предусматривается снабжение продовольствием, функционирование транспорта, органов здравоохранения. Чем бы ни руководствовался генсовет при составлении этой инструкции, ясно, что от этого вопроса зависит

успех всеобщей стачки. Тот, кто держит в своих руках и доставляет продовольствие, тем самым контролирует снабжение продовольствием. Тот же, от кого зависит снабжение продовольствием, будет иметь на своей стороне «нейтральную» часть населения. Тот, кто кормит население, выиграет стачку! Проблему всеобщей стачки можно свести к одному моменту: к борьбе за контроль над снабжением продовольствием».

История забастовки показала, что это толкование, которое являлось единственно возможным революционным методом проведения стачки, сознательно саботировалось генсоветом в его последующих инструкциях.

Со 2 мая — момента создания совета действия в Блейдоне — план кампании стал проводиться быстрым темпом в жизнь. Был опубликован и широко распространен стачечный бюллетень, содержащий призыв к всеобщей забастовке. Одновременно с ним стали выходить в ряде местностей гектографированные бюллетени, которые в нескольких местах продолжали издаваться на протяжении всей борьбы горняков. Печатный бюллетень вышел только один раз, так как печатники сами примкнули к забастовке, а центральный комитет союза печатников не разрешил ни одной типографии работать, хотя бы для выпуска стачечного бюллетеня самих же бастующих, для выпуска их собственной агитационной и организационной литературы. ЦК действовал по указке генерального совета. Что им за дело до того, что буржуазия выпускала с помощью штрейкбрехеров свои газеты. Реформисты больше всего боялись появления революционных органов, кото-

рые могли бы вырвать у них руководство стачкой. Вот почему печатный бюллетень пришлось заменить издававшимися на местах гектографированными бюллетенями.

Выполнение второй задачи — созыв совещания профсоюзных чиновников для создания центрального стачечного комитета—оказалось на первых порах невозможным. Каждый союз в отдельности получил особое распоряжение о вступлении в стачку в полночь на понедельник 3 мая, если не последует отмены этого распоряжения. Профсоюзные бюрократы готовы были подчиниться этим распоряжениям, но они не имели никаких указаний насчет того, чтобы координировать свои действия, и поэтому не желали действовать сообща.

Таким образом, в первый день всеобщей стачки (4 мая) фактически происходили отдельные, хотя и одновременно объявленные забастовки на большинстве производств, и наша задача в течение следующих девяти дней заключалась в слиянии этих раздробленных стачек, в превращении их в единую политическую забастовку рабочего класса.

Разброд, вызванный такой организацией забастовок, заставил профсоюзных бюрократов на местах принять предложение об организации всеобщего стачечного комитета, первое заседание которого и состоялось вечером 4 мая. В течение этой недели было постепенно достигнуто известное единство в борьбе рабочих. Но единство самих рабочих еще нужно было превратить в организованное действие. Еще нужно было организовать советы действия и созвать их конференцию.

В течение первых пяти дней стачки возник ряд советов действия, подобно созданному в Блейдоне, и в субботу 8 мая в Ньюкэстле состоялась конференция этих организаций. С самого начала было ясно, что необходимо организационно укрепить советы действия, объединив их в районном масштабе, а равно укрепить и стачечный комитет.

Все советы действия, представленные на конференции 8 мая, были очень пестры по своему составу. Лишь очень немногие были представлены в лице активных элементов, большая же часть

их была представлена местными профсоюзными и кооперативными чиновниками, в особенности последними. Они заняли видное место на собраниях, и когда они были выбраны на конференцию, созванную стачечным комитетом в Ньюкэстле, оказалось, что их больше всего интересовало, как наладить регулярное снабжение их кооперативных лавочек углем, свечами и т. п.

Они отнюдь не были проникнуты сознанием необходимости проведения всеобщей стачки как борьбы класса против класса. Вот почему они выдвигали такие предложения, которые могли принизить энтузиазм бастующих и помешать развертыванию и углублению стачки.

Обострение классового антагонизма, нараставшего с каждым днем в каждом рабочем поселке по мере развития забастовки, несомненно, привело бы к тому, что следующая конференция прошла бы совсем иначе. Но на этой конференции стачечному комитету, пришлось бороться за углубление и расширение стачки против оппозиции со стороны кооператоров, которые были первыми делегатами от вновь созданных советов действия.

Здесь уместно будет, пожалуй, отметить, что советы действия представляли лишь меньшинство горняцких поселков и центров тяжелой промышленности. Южная часть Дергемского графства, не считая одной-двух местностей и нескольких поселков, не откликнулась на призыв, и самодеятельность трудящихся масс еще не пробудилась. Тем не менее при всех недочетах и недостатках создание стачечного комитета на северо-восточном побережье в составе профсоюзных работников и одного-двух кооптированных членов, в том числе и пишущего эти строки, вместе с комитетами действия на местах дало толчок к более энергичному развертыванию борьбы, чем в любом другом из десяти округов, на которые был разбит район. Район Тайна был единственным округом, в котором удалось хоть на некоторое время одержать верх над буржуазией и где гражданский комиссар вынужден был признать стачечный комитет и вступить с ним в переговоры.

Что заставило власти пойти на переговоры? Они прислали броненосец к устью Тайна и несколько подводных лодок к верховью реки. Но, с одной стороны, жизнь почти совершенно остановилась, а число штрейкбрехеров оказалось против ожидания слишком ничтожно, фашистская же организация, которая должна была сорвать забастовку путем организации снабжения продовольствием, потерпела полный крах. Перевозки продовольствия производились кооперативными организациями и частными торговцами, получавшими соответствующие разрешения от стачечного комитета и совета действия на местах.

На третий день забастовки уже не только все рабочие сгруппировались вокруг стачечного комитета и совета действия, но и мелкие торговцы и лавочники на местах то и дело обращались к рабочим организациям, считая их единственными компетентными органами в деле распределения продовольствия. Тем же, кто отказывался сноситься с этими организациями и пытался прибегать к помощи штрейкбрехеров, приходилось иметь дело с пикетами стачечников, которые, понятно, не церемонились. В некоторых районах без разрешения совета действия не разрешалось пользоваться никакими средствами передвижения. Поскольку все дороги из Лондона в Ньюкэстль с одной стороны и из Шотландии в Ньюкэстль с другой пролегают через кольцо горняцких поселков,—с каждым днем стачки облегчалась возможность совершенно закрыть эти пути. Через два дня правительство поняло, что оно изолировано и что без применения чрезвычайных сил ему не сорвать стачки.

Вот тогда-то гражданский комиссар вместе с командующим военным округом и адмиралом, имевшим в своем распоряжении броненосец и подводные лодки, вступили в переговоры со стачечным комитетом, предложив комитету взять на себя совместно с органами власти обязательство снабжения продовольствием «гражданского населения» и заключить перемирие на этом фронте. Предложение перемирия со стороны правительства было не только коварным

маневром с его стороны: это было также признанием своего поражения.

Забастовочный комитет продолжал переговоры в течение двух дней 5 и 6 мая, в то же время изо всех сил развивая свою активность. К концу второго дня стачком единогласно и окончательно отверг предложение гражданского комиссара. Переговоры сослужили, по крайней мере, тройную службу: 1) они дали стачному возможность более внимательно ознакомиться с ситуацией, 2) позволили ему развернуть и укрепить свою работу и 3) деморализовали врага не только в лице гражданского комиссара и других представителей власти, непосредственно подчиненных правительству, но также и в лице местных буржуазных организаций и органов буржуазного государства. Все они почувствовали, что возникла новая власть, и начали осаждать правительство с требованиями вступить в переговоры с организациями рабочего класса.

В Уайтхолле в Лондоне, в этом крупнейшем центре средоточия буржуазии и мелкой буржуазии острова, ревностно охраняемом военной стражей и полумилитаризованной жандармерией столицы, болдуиновское правительство, нажимавшее на колеблющуюся, нервничающую, готовую пойти на предательство профсоюзную бюрократию, тотчас же осознало опасность, которой грозили его авторитету переговоры в Ньюкэстле. В парламенте был сделан запрос об этих переговорах, и представитель правительства ничтоже сумняшеся солгал палате общин, бесстыднейшим образом заявив, что никаких переговоров не было и не будет.

Вместе с тем нет никакого сомнения, что правительство тотчас же послало гражданскому комиссару, этому специально командированному из Лондона «сильному человеку», распоряжение о прекращении переговоров, требуя немедленного перехода в наступление, с использованием всех находившихся в его ведении полицейских сил и с помощью тех добровольных буржуазных организаций, которые он сможет привлечь на свою сторону. В виду этого к концу недели, 8 и 9 мая, полиция, которая и раньше не сидела сложа руки,

Полицейские устанавливают наблюдательные телефонные посты во время всеобщей стачки 1926 г.

получила новые подкрепления и начала жестоко избивать дубинками не только забастовщиков, но и мирное население на улицах Ньюкэстля. Наиболее видные руководители советов действия были заключены в тюрьму. Тотчас же началась волна арестов и свирепых нападений на рабочие пикеты. Это привело к обострению классовой борьбы везде, где применялись такие меры. На этот раз рабочие организации были уже достаточно сильны, и было совершенно ясно, что при наличных ограниченных силах полиции и буржуазных добровольцев гражданскому комиссару не справиться со стачкой. Хотя сюда было брошено множество аэропланов, рабочие заградительные отряды делали дорогу «непроходимой».

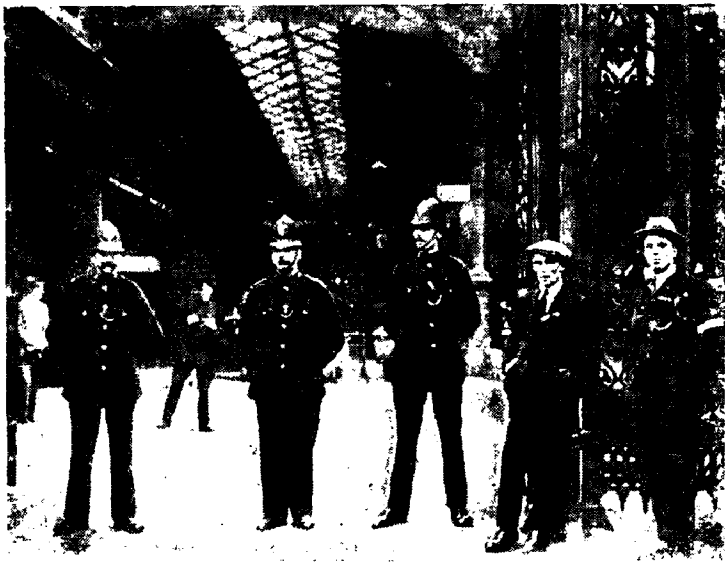
С каждым днем становилось все яснее и яснее, что правительство выпустило руководство из своих рук.

В других районах положение рабочих было хуже. Хотя и там не было и речи о возможности поражения рабочих, в руках врага оставались все же некоторые позиции, и сосредоточение полицейских сил обеспечило им известный успех. Однако в Ньюкэстле и на северо-восточном побережье быстро приближался момент, когда гражданскому комиссару нужно было обратиться к помощи «вооруженных сил короны»¹.

Почему правительство с самого начала не прибегло к вооруженной силе? Собственно говоря, оно уже к ней прибегло. Оно стягивало солдат, послало вверх по Тайну подводные лодки, а к устью подвело броненосец. Таким образом, фактически оно мобилизовало войска, но еще не отдало команды «пли!».

Во-вторых, правительство стремилось вначале осуществить снижение зарплаты, не вызвав забастовки (хотя кое-кому и хотелось кровавой бани); поэтому оно хотело сорвать и стачку «мирным» способом. Применение вооруженной силы означало гражданскую войну. Разумеется, правительство было к ней готово. Оно было даже непрочь ее затеять. Но в тот момент гражданская война означала полное изменение всей классовой ситуации в Англии. Она сделала бы Англию, страну, в которой на протяжении почти четырех поколений не было вооруженного восстания (если не считать выступлений ирландских синфейнеров), страной, в которой диктатура буржуазии открыто предстала бы перед глазами рабочих и двенадцатимиллионный пролетариат понял бы, что для него весь вопрос заключается в том, кто кого. Соображения такого порядка заставили правительство стремиться использовать профессиональную бюрократию для подавления стачки с «минимальным применением насилия», но на северо-восточном побережье и эти соображения правительства потерпели

¹ Так принято называть армию из солдат и моряков, вооруженную винтовками, пулеметами, танками, аэропланами, подводными лодками и броненосцами. Этот термин употребляется в отличие от так называемых «гражданских сил», как, например, полиции, вооруженной только тяжелыми дубинками.

Всеобщая стачка. Полицейские охраняют ж. - д. станцию

неудачу, и ему пришлось поставить перед собой вопрос о применении вооруженной силы.

Но было и еще одно соображение, затруднявшее положение правительства: оно не знало, может ли оно положиться на своих солдат и моряков. Правда, признаки недовольства в армии и флоте были незначительны, но правительство отлично знало, что эти войска, плоть от плоти, кость от кости единого английского пролетариата, не столь надежны, как полиция. Захотят ли они еще подчиняться всем приказам начальства? Рабочие не были вооружены (как общее правило, гражданское население Англии не пользуется правом ношения оружия, а соответствующие разрешения выдаются фактически только буржуазии). Обученных и организованных отрядов не было, как не было и революционной партии. Тем не менее к помощи вооруженной силы было решено прибегнуть лишь в крайнем случае. Войска были последним козырем, и если бы они отказались от повиновения, это обстоятельство ускорило бы наступление революционного кризиса.

Тем временем с каждым новым днем стачки в сферу политической деятельности вовлекались впервые за всю свою жизнь сначала тысячи, затем десятки тысяч, а там и сотни тысяч рабочих. Вот почему на восьмой и девятый день стачки силы правительства на Тайне были парализованы, стачка успешно

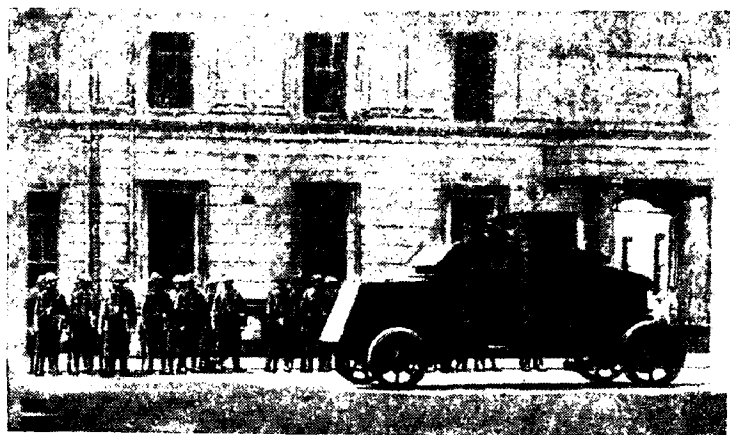
продолжалась, и перед правительством стал вопрос о том, чтобы пустить в ход броненосцы, подводные лодки, танки, броневики и вооруженные силы солдат и матросов.

И в этот-то момент генеральный совет конгресса тред-юнионов полностью и безоговорочно позорно капитулировал. Совершенно неожиданно на места стали поступать телеграммы, в которых сообщалось, что стачка окончена. Они создавали впечатление, будто забастовщики достигли поставленной себе цели, что снижение зарплаты не будет иметь места, и давали приказ о возвращении на работу.

Предательскую капитуляцию увенчала гнусная ложь, распространявшаяся генеральным советом. В один день лидеры генсовета, во главе с Томасом, с одной стороны, и «левыми» Перселем и Хиксом, с другой, превратились из номинальных вождей стачки в активнейших агентов штрейкбрехерства, в орудие дезорганизации и деморализации рабочих.

Предприниматели на местах не замедлили перейти в контрнаступление. Снижение зарплаты, преследования и гонения стали лозунгом дня. Органы буржуазной юстиции на местах начали проводить беспощадный террор по отношению к тысячам рабочих, арестованным во время забастовки.

Ньюкэстльский стачечный комитет не подчинился приказу о роспуске и обратился к рабочим с призывом продолжать борьбу. Советы действия на местах продолжали функционировать.

Танк, выставленный правительством против бастующих рабочих

Они уже не вели наступательной борьбы, но в арьергардных боях, носивших, так сказать, партизанский характер, они оказывали противодействие наступлению буржуазии, не давая погаснуть пламени восстания.

Наряду с этим на северо-восточном побережье, где преобладают горняки-углекопы, начало мало-помалу разворачиваться сопротивление, вылившееся в национальную стачку углекопов. Увидев себя покинутыми профсоюзной бюрократией и предоставленные самим себе, горняки, стиснув зубы, ринулись в бой, и эта борьба миллиона с лишком горнорабочих длилась семь месяцев.

Размеры настоящего очерка не позволяют нам остановиться подробнее на истории этой великой борьбы, избавившей остальные категории рабочего класса от свирепости буржуазии. Поэтому мы вынуждены ограничиться лишь беглым описанием событий, имевших место на северо-восточном побережье.

Спустя два с половиной месяца, в разгар борьбы горняков, я снова посетил северо-восточное побережье и в том же самом поселке, где к моменту создания первого комитета действия был лишь один коммунист, я застал на сей раз сто шестьдесят членов коммунистической партии. Во всех углепромыш-

ленных районах горняки устремлялись в ряды единственной партии пролетариата, и на своих профсоюзных конференциях они все энергичнее поддерживали политику компартии.

Еще год спустя, в десятую годовщину Октябрьской революции, я снова был на северо-восточном побережье. Теперь силы революции были разбиты, рассеяны, разогнаны голодом и полицейским террором. На собрании в поселке, где полтора года назад присутствовали бы тысячи рабочих, теперь не собралось и двадцати человек, да и среди этих было несколько агентов тайной полиции.

Это свидетельствовало о беспощадности буржуазии и государственного аппарата.

Теперь на северо-восточном побережье снова намечается подъем революционного движения рабочего класса, и по мере его развития мы увидим, что память о всеобщей стачке, о том времени, когда рабочие северо-восточного побережья парализовали силы буржуазного государства, есть не только воспоминание. Эта борьба обогатила революционных рабочих опытом, который пригодится им в грядущих великих боях. На этот раз эти бои уже приведут их к победе.

РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ БУДЕТ ПРОИСХОДИТЬ ТЕМ СКОРЕЕ И ОСНОВАТЕЛЬНЕЕ, ЧЕМ ОСНОВАТЕЛЬНЕЕ БУДЕТ УКРЕПЛЯТЬСЯ СОЦИАЛИЗМ В ПЕРВОЙ ПОБЕДИВШЕЙ СТРАНЕ.

(Сталин)

СУМЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНИИ

I. УЛЬТИМАТУМ БАНКИРОВ И РАМЗЕЙ МАКДОНАЛЬД

24 августа под непосредственную диктовку американских и английских банкиров в Англии было создано «национальное правительство». В органе нью-йоркской биржи «Джорнелъ оф Коммерс» на следующий же день после образования кабинета совершенно точно было изложено содержание этого ультиматума банкиров.

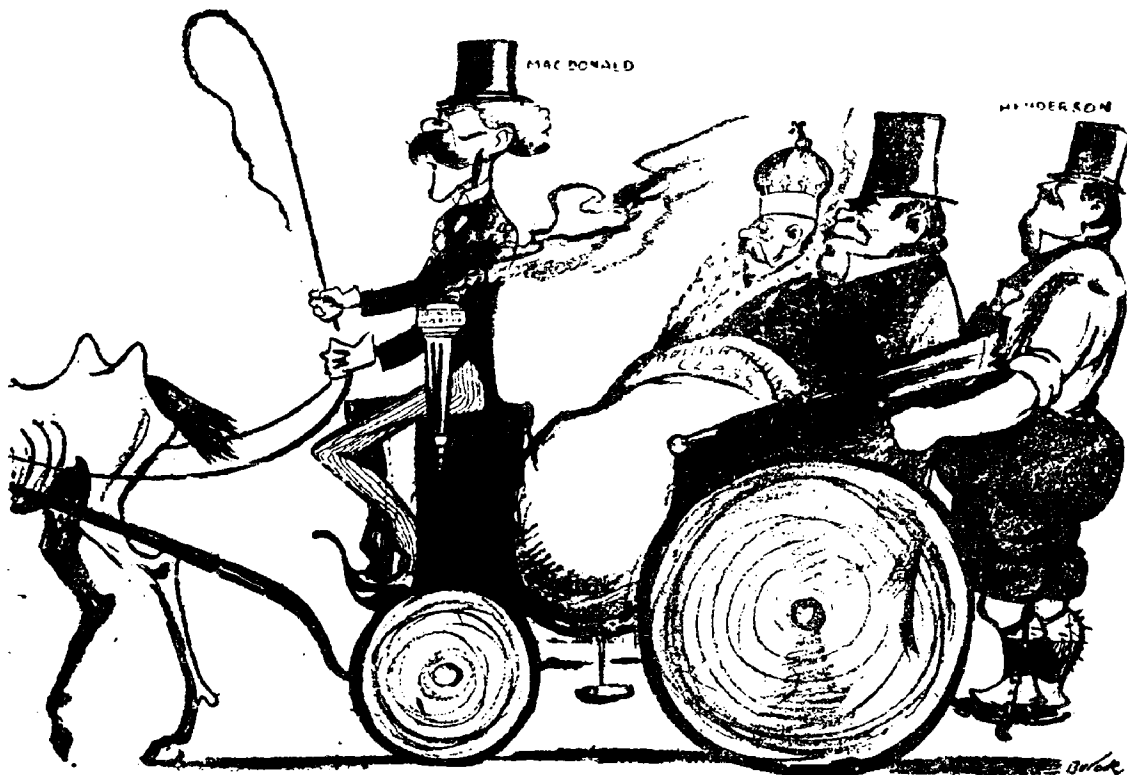
«Международные банкиры заявили,—писал этот журнал,—что если национальное правительство открыто и без проволочки примет решение сократить помощь безработным, то оно не встретит никаких затруднений в получении кредитов в Соединенных Штатах и во Франции. Такой кредит может достигнуть и даже превысить 300 млн. долларов. Синдикат банковских групп в САСШ для этой цели может быть создан в 48 час. Такой долгосрочный кредит консервативное правительство получит. Рабочее же правительство встретит препятствия в получении кредитов в Америке и во Франции...»

Лейбористское правительство готово было принять почти полностью эту программу действий крупной буржуазии. Но когда выяснилось, что эти мероприятия вызовут огромное движение протеста, когда даже генсовет тред-юнионов, чтобы спасти свой авторитет в массах, вынужден был отмежеваться от этой программы, большинство лейбористов, воспользо-

вавшись тем, что финансовые магнаты не соглашались ни на какие маневры, поспешили уйти из правительства. Разумеется, что Сноуден и Томас были совершенно правы, указывая, что Гендерсон и ушедшие вместе с ним не имели никаких принципиальных разногласий с Макдональдом. Но правительство Рабочей партии, послушно действовавшее по указке крупного капитала, настолько разочаровало английский пролетариат, что уход от власти был для лейбористских лидеров единственной возможностью избежать политического банкротства партии.

Нет ничего удивительного в том, что консерваторы и либералы оставили премьером Макдональда и министром финансов Сноудена. «Социализм» Макдональда достаточно характеризуется его заявлением о том, что день получения личного письма от короля был для него счастливейшем днем в его жизни. «Партия, правительство которой примет подобные меры (экономии), будет навеки обречена сидеть на оппозиционных скамьях в Палате общин», писала английская печать. Совершенно естественно, что буржуазные партии предпочли и предпочитают, чтобы правительство банкиров было возглавлено испытанным лидером II интернационала.

Основной задачей вновь созданного «национального правительства» было спасение фунта. Совершенно правильно было указано недавно, что английское могущество опиралось на фунт стерлингов и военный флот. Англия—страна,

Буржуазная Рабочая партия. Торжественный выезд английского правительства. Макдональд правит, на запятках — Гендерсон

сильно потрясенная действием мирового экономического кризиса. Он бьет и по английской промышленности, по экспорту, по вложениям английского капитала, по ее банковской системе с ее долгосрочными и краткосрочными кредитами за-границей, по всей ее финансовой системе. Самый факт необходимости обратиться за помощью к американскому и французскому финансовому капиталу был уже крупнейшим поражением для британского империализма. Когда сейчас идут переговоры между Америкой и Францией, к которым непосредственно не привлекается Великобритания, это является только следствием того поражения, которое Сити потерпело летом этого года. Но английская финансовая олигархия, гласно признав свою неспособность самостоятельно, без помощи Нью-Йорка и Парижа, защищать фунт, рассчитывала, что «национальное правительство» сумеет все-таки удержать «золотой стандарт», что ценою известных «унижений» будет спасена все-таки финансовая цитадель британского империализма. «Национальное правительство» должно было сбалансировать бюджет за счет рабочего класса и спасти фунт стерлингов.

Составленный лейбористом Сноуденом бюджет «национального правительства» начинал с сокращения пособий по безработице на 25 млн. 800 тыс. ф. ст., сокращения периода выдачи пособий до 26 недель, сокращения жалованья гражданским чиновникам, чинам армии и флота (почти исключительно низшим), сокращения на 10 млн. ф. расходов по народному образованию, повышения налогов и т. д. Этими мерами «национальное правительство» собиралось спасти Англию.

Доклад комиссии Мэя, обследовавшей госбюджет, установил величину дефицита будущего года в 120 млн. ф. ст.—сумму, равную приблизительно 15% бюджета этого года. Финансовый кризис в Германии, проведение плана Гувера прибавили к расходным статьям 11 млн. ф. ст. И с этим совпала колоссальная утечка золота из Английского банка за границу, в особенности во Францию. Макдональд жаловался корреспонденту «Дейли Телеграф», что он «чувствует себя несчастным при виде вреда, который был нанесен нам за границей широким опубликованием доклада». Биржа—английская и заграничная—отозвалась немедленно. Парижский корреспондент «Таймса» сообщал 3 августа: «Здесь существует сильное убеждение, что затруднения на лондонском денежном рынке, хотя их непосредственной причиной было критическое положение Германии, никогда бы не достигли своих размеров, если бы доверие к этому рынку не было ослаблено уверенностью, что британское правительство не сбалансирует своего бюджета».

«Положение сделалось настолько серьезным, что в конце концов Великобритания была вынуждена пойти на унижение» («Дейли Экспресс», 17.VIII) и принять от поспешивших на помощь банков Франции и САСШ кредит в 50 млн. фунтов.

Положение временно было исправлено. При помощи полученных кредитов курс фунта несколько поднялся. Но это была чрезвычайно

кратковременная передышка. Доклад комиссии Мэя требовал установления бюджетного равновесия исключительно за счет снижения жизненного уровня рабочих масс. Главное сокращение расходов должно было состоять в снижении пособия безработным на 66,5 млн. ф. ст., уменьшении зарплаты учителям и некоторым категориям служащих.

II. К ИСТОРИИ УПАДКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Британский кризис, однако, менее всего мог быть изжит мерами «экономии» за счет пролетариата и восстановлением на бумаге бюджетного равновесия. Этот кризис имеет глубокие исторические основания. Мировой экономический кризис не вызвал, а только обострил, ускорил темп упадка английской империи.

В памфлете, изданном еще в первые годы войны, «Франкфуртер Цейтунг» так обрисовывала бывшее значение Англии как мирового экономического центра:

«Если перед войной бразильский экспортер продавал кофе импортеру в Гавр и Гамбург, то с ним расплачивались векселем на лондонский банк. Если аргентинская фирма должна была поставить кожу в Нью-Йорк, то североамериканский покупатель посылал своему южноамериканскому клиенту вексель, оплачиваемый в Лондоне. На этих примерах лучше всего показано значение Лондона как монополиста: Лондон финансировал мировую торговлю... Лондон имел не самую крупную, но самую интернациональную биржу мира. Быть может, в Нью-Йорке в последнее десятилетие делались время от времени более значительные обороты. Это случалось и в Берлине, но Берлин и Нью-Йорк были национальными рынками. Лондон был не только международным рынком ценных бумаг. Он был и центром, где скоплялись международные купцы. Европейский континент, Северная и Южная Америка, Южная Африка, Китай, Япония—стовсюду ежедневно по телеграфу направлялись заказы в Лондон. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в банковском квартале в Лондоне помещались филиалы крупных мировых банков. Они были посредниками для финансовых биржевых сношений со своими клиентами... Они были посредниками для торговли с их странами. Лондон был не только самой большой биржей ценных бумаг, но и самым большим аукционом в мире. Если немецкий кожевенный фабрикант нуждался в индийских кожах, то он отправлялся в Лондон, где они хранились на громадных складах. Так же поступали и торговцы чаем, металлом, каучуком, некоторыми текстильными изделиями. Коротко говоря, Лондон был важнейшим сырьевым рынком. Другие обращались в Лондон для покупки готовых изделий».

Экономический упадок Англии начинается уже с 90-х годов прошлого столетия. Другие капиталистические страны, в частности Германия и САСШ, начинают постепенно обгонять Великобританию. В области металлургии Англия бесповоротно утратила свое промышленное пер-

венство. Война и послевоенная эпоха ускорили процесс индустриализации ряда стран, в том числе некоторых английских доминионов. Рост протекционизма, установление высокого таможенного барьера очень сужают возможности для английского экспорта.

Одной из важнейших экспортных отраслей была углепромышленность. Но прогресс техники, применение нефти, электричества, водяной энергии нанесли удар монополии угля. Между тем Англия является обладательницей крупнейших угольных запасов и мировым поставщиком угля. Английская угольная промышленность стала в значительной мере нерентабельной и переживает тяжелый кризис.

Английская промышленность долгое время пользовалась монополией, что вызвало ее техническое загнивание. Рост финансового капитала, рост экспорта капитала, как это подчеркнул Ленин, действовали в том же направлении. Вот почему в борьбе за мировой рынок английская промышленность задолго до войны и после войны систематически терпела поражения. Сжатие экспорта приводило к сокращению и закрытию фабрик и заводов, к безработице, которая приняла в Англии хронический характер. После войны цифра безработных, достигнув миллиона, ни разу не снижалась. Число безработных сейчас, по данным официальной статистики (преуменьшенной и не учитывающей работающих только 1—2 дня в неделю), превышает три миллиона человек! Сокращаются, таким образом, не только экспортные возможности—падает и внутренняя торговля, сжимается покупательная способность населения.

Ввоз в Англию уже давно превышает вывоз. Свой баланс английский капитализм уравнивал благодаря доходам за пользование английским тоннажем от страховых операций и, главным образом, процентом по вложениям капиталов. Но при общем экономическом упадке Англия теряет способность занимать господствующее положение среди империалистических стран, вывозящих капиталы. Достаточно указать, что в 1913 г. 82% своих новых вложений Англия разместила за границей и в колониях и только 18% в самой Англии, в 1928 г. еще до наступления мирового кризиса она разместила только 26% вложений за границей.

В связи с растущей конкуренцией, таможенной политикой, высокими ценами изделий собственной промышленности (объясняющейся как высокими ценами стоимости производства, так и устарелостью и отсталостью английского оборудования), индустриальным развитием ряда стран, не только освободившихся от необходимости ввозить из Англии, но и сплошь и рядом выступивших как ее конкуренты, — экспорт Англии чрезвычайно снизился. Экспорт последнего десятилетия не составляет и 50—60% довоенного вывоза.

«Национальное правительство» задалось целью «восстановить могущество Британии». Последние годы англичане зарабатывали на краткосрочном кредите другим странам. Но уже теперь французская пресса справедливо, со своей точки зрения, вопит, что американское

и французское правительства не намерены предоставлять Лондону по низким процентам долгосрочные кредиты, поскольку англичане в порядке краткосрочных кредитов будут предоставлять эти суммы нуждающимся странам по высоким процентам.

Важнейшей угрозой для английского империализма является усиливающееся революционное движение колониальных народов, прежде всего Индии. Бесплодность последних лондонских конференций («круглого стола») наглядно выявляют все затруднения Великобритании.

В связи со всеми этими экономическими потрясениями Англия переживает кризис всей своей колониальной системы. В течение долгого периода времени Лондон был экономическим финансовым центром своей империи. Англия была сильнейшей морской державой и закрепляла бронированными судами свое колониальное могущество. Теперь после вынужденного согласия уравнить свой флот с американским Англия больше не «царица морей». Колонии и доминионы, выросшие экономически и политически, все больше и больше уходят из английского повиновения. Они тяготеют, как Канада, к иностранным кредитам, которых больше не могут получить в Англии. Экономическая зависимость доминионов в Англии уменьшается, в то время как метрополия попрежнему зависит от сырья, которым питается ее промышленность.

III. ЧТО ОБЕЩАЛО И ЧЕГО ДОБИЛОСЬ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»

«Национальное правительство» пришло к власти для защиты фунта; через месяц оно призналось в полном своем поражении. Затруднения Англии состоят не в бюджетном дефиците, они связаны с упадком английского капитализма, они усугубляются в связи с мировым кризисом. Поэтому поражение правительства было совершенно неизбежно.

Все усилия и все чрезвычайные мероприятия, на которые пошло новое правительство, оказались тщетными. Не помогли «призывы к нации», не подействовали иностранные кредиты. Несмотря на образование «национального правительства», гарантировавшего неуклонное проведение предначертаний крупного капитала, несмотря на «вещественные» доказательства «благоразумия» этого правительства, решительно приступившего в целях «экономии» к жестокому наступлению на трудящихся, несмотря, наконец, на все усилия финансового капитала создать атмосферу доверия в стране, золото и иностранная валюта продолжали уходить из Англии. Британские промышленники и банкиры вопили о «патриотическом» долге, о поддержке национальной промышленности и финансов и одновременно переводили свои ценности за границу. Вместо ожидаемого успокоения и притока средств обратно в Англию или, по крайней мере, прекращения утечки, золото при новом правительстве продолжало ускоренным темпом уплывать. Золотой запас английского банка таял с катастрофической быстротой. То же происходило с иностранными девидами, которые систематически переводили

Голодный поход безработных против „мер экономии“

лись английскими капиталистами в иностранные банки. Достаточно указать, что за последние два месяца из Англии ушло 200 млн. ф. ст. (2 млрд. р.) золота и иностранной валюты. Значение этой цифры видно из того, что весь золотой запас Английского банка в конце сентября равнялся 1 млн. 300 тыс. ф. Перед лицом этих фактов правительство, созданное за месяц перед тем с почти единственной целью оберечь фунт, принимает решение об уничтожении «золотого стандарта». 21 сентября национальное правительство принимает решение, которое запрещает свободный обмен золотом и прекращает сделки по золотому паритету. Одновременно правительство фактически запрещает перевод английскими поданными иностранной валюты за границу. Такие операции могут иметь место только по точно установленным коммерческим обязательствам. Сообщение об отказе «нацио-

нального правительства» от золотого стандарта фунта стерлингов вызвало неопишемую панику на всех биржах мира. Курс фунта и английских ценных бумаг начал резко снижаться. Новый порядок по сути своей означает публичное признание Англией своей неспособности поддерживать твердый курс фунта, сохранять его как международную расчетную единицу. Вся мировая буржуазия невероятно напугана развивающимися английскими событиями, ибо она понимает, что финансовая катастрофа в Англии при международном значении британских финансов, тесно переплетенных с финансовыми системами других стран, неизбежно повлечет дальнейшее углубление и расширение кризиса в других странах.

Восстание в английском военном флоте, стачки моряков потому и произвели такое огромное впечатление, что показали непроч-

Демонстрация лондонских почтовых чиновников под лозунгом повышения зарплаты

ность этой твердыни Англии. Англия так долго считалась «владычицей морей», английский военный флот за столетие добытой Англией морской гегемонии так долго считался совершенно недоступным для каких бы то ни было революционных влияний, что сообщение о бунте на судах подействовало прежде всего своей неожиданностью. Волнение на английских военных судах показало с полной наглядностью, как далеко зашел кризис английского капитализма, как глубоки корни недовольства в трудящихся массах.

«Национальному правительству» удалось, таким образом, за один месяц продемонстрировать, что ни английский фунт стерлингов, ни английский военный флот не являются неприступными твердынями.

Наконец новое правительство должно было добиться коалиции и единства хотя бы буржуазных политических партий. Однако никогда разброд в политических организациях Англии не был так велик, как сейчас. Показательнее всего для экономического упадка Англии то, что партия либералов, которая в прошлом, в период расцвета английского капитализма, была ведущей политической партией, сейчас фактически распалась (на выборах вместо единой партии выступают три организации—группа Саймона, ничем не отличающаяся от консерваторов, группа Самюэля, готовая соглашаться на ряд уступок протекционистам, и группа Ллойд-Джорджа, защищающая «свободную торговлю» и исконные позиции старого либерализма). Распад либерализма свидетельствует о глубине кризиса английского капитализма.

IV. ДВА ВЫХОДА

К моменту выхода нашего журнала результаты английских выборов будут уже известны. Сейчас очень трудно точно предсказать их исход. Совершенно очевидно, однако, что политика лейбористов в период их пребывания у власти чрезвычайно понизила их авторитет в массах и приведет к неизбежным потерям голосов. Выборы безусловно принесли Рабочей партии крупнейшее поражение. Несомненно, что руководить правительством будут консерваторы. Наступит момент, когда Англия решится помериться силами с наступающим американским империализмом. Неудивительно, что в Англии особенно популярно и широко пропагандировалась «мысль» об особых качествах, большой выучке и умении воевать английских военных моряков, благодаря которым несмотря на равенство флотов, финансовую силу Америки и пр., английский флот имеет все данные остаться победителем. Этой «патриотической» самоуверенности суждено теперь померкнуть после последнего движения протеста против снижения заработной платы в английском флоте. Невиданное в истории английского флота неподчинение военных моряков приказам офицеров наносит сильнейший удар престижу Англии и, несомненно, повлияет на подъем массового движения как в самой Англии, так и в угнетаемых ею колониях.

RALLY TO YOUR OWN CLASS CANDIDATE

J. T. Murphy

London, Mar. 29th
Manchester, Mar. 29th
Birmingham, Mar. 29th
Liverpool, Mar. 29th
Glasgow, Mar. 29th

Vote this:

MURPHY, J. T. X

PARLIAMENTARY ELECTION

Divided Mar. 29th, 1929

South Hackney Division

J. T. MURPHY
The
COMMUNIST
Candidate

Листовка английской компартии, призывающая голосовать за кандидата Мерфи на выборах в парламент 1929 г.

Приход консерваторов к власти означает разгул реакции, обострение классовой борьбы внутри страны, изменение экономической и внешней политики английского империализма. В поисках выхода из экономического тупика консервативная партия все чаще и все решительнее добивается отмены свободы торговли и введения протекционизма. Идея таможенно-экономического объединения всех частей британской империи становится все популярнее в кругах английской крупной промышленности и банков, выразителем интересов которых и является консервативная партия. В таможенной защите национальной промышленности, в создании таможенного союза Англии и ее колоний, устранении с рынков доминионов иностранной конкуренции, английский империализм видит перспективу выхода из кризиса. Однако очень сомнительно, удастся ли Англии увлечь свои становящиеся все более и более непокорными владения на мало для них выгодный путь таможенно-экономического объединения. Во всяком случае, отказ от вековой английской свободы торговли может дать реальные выгоды английской экономике только в случае распространения таможенного союза на основную массу британских владений. Уход того или иного доминиона из общей системы будет фактически выходом этой части из Британской империи.

Выгоды для ряда отраслей английской промышленности от введения протекционизма чрезвычайно сомнительны. Одна треть (31,3%) английского экспорта и 37,4% импорта направляется на европейский континент. Но установление таможенных барьеров должно привести к сокращению, а иногда и прекращению иностранного и в первую голову американского экспорта в английские владения. Уже теперь в ряде доминионов и колоний сумма стоимости ввезенных американских товаров превышает английскую. Никогда американский империализм добровольно не сдает завоеванных за счет Англии экономических позиций, ибо борьба за рынки, которую ведут капиталисты, является сейчас для них борьбой за существование. Отказ Великобритании от свободной торговли приведет, однако, с одной стороны, к резкому

Демонстрация лондонских рабочих. Полицейские пытаются арестовать знаменосца

сокращению английского экспорта, с другой стороны — к чрезвычайно обострению международных отношений. Политика консерваторов сделает близкой и реальной угрозой войны с Соединенными Штатами Америки. Некоторые английские империалистические политики, считая войну с Америкой неизбежной, предпочитают воевать раньше. Каждый новый год приносит новые потрясения Англии, — все больше ослабляется ее положение, все глубже становится кризис, все неизлечимее хронические болезни современной Британии. Эти империалистические группы считают совершенно необходимым военным путем спасти Англию от грядущего развала и предпочитают воевать скорее и не дожидаясь дальнейшего ослабления английского могущества.

Дальнейшее существование «национального правительства», несомненно, приблизит англо-американское столкновение».

Перед выборами, которые принесли лейбористам власть, престарелый теоретик Интернационала Карл Каутский напечатал торжественную статью, в которой он, между прочим, предсказывал:

«Весь вес государственной власти необъятной мировой империи Великобритании, служащей в настоящее время интересам крупных эксплуататоров, будет поставлен на службу интересам трудящихся классов не только проведением социальных реформ, но и поддержкой как демократических движений против фашизма и империализма во всем мире, так и движения в пользу мира. Вместо того, чтобы расточать экономические силы нации в бессмысленной скачке вооружений и тем усиливать военную опасность, рабочее правительство будет черпать в энергичном разоружении средства для широких социальных реформ и своим примером заставит и

все другие демократически управляемые народы поступить таким же образом; международная атмосфера, ныне насыщенная угрозой войны, будет становиться значительно более мирной».

Что осталось на деле от этих торжественных обещаний? За два года своей деятельности «рабочий кабинет» не провел ни одной социальной реформы, если не считать снижения окладов служащим, снижения пособий безработным, неизменной поддержки интересов крупных предпринимателей против интересов трудящихся. За все время своего существования рабочее правительство не предложило парламенту ни одной реформы, имеющей целью как-нибудь облегчить положение рабочих Англии. Вместо смягчения кризиса — его углубление, вместо снижения числа безработных — значительное их увеличение, вместо улучшения положения трудящихся — снижение зарплаты и снижение пособий. Вместо, наконец, налога на капитал — усиление и увеличение налогового ярма на рабочих и служащих. Таковы итоги двухлетнего пребывания у власти правительства виднейшей партии Интернационала. Даже орган австрийских социал-фашистов «Арбейтер Цейтунг» отметил в номере от 23 августа, что «Рабочее правительство не сумело облегчить английскому народу несомного им бремени, не сумело провести ни одной внутренней, политической, хозяйственной или социальной реформы, имеющей какое бы то ни было значение».

Лейбористские лидеры все свои надежды возлагали на забывчивость избирателей и на ненависть, которую вызовет у рабочих и служащих новое национальное правительство. «То, что описывается как итоги рабочего правительства, будет скоро забыто», заявил на днях бывший министр рабочего правительства лейборист Грехем.

Однако крах лейбористского правительства, итоги его двухлетнего существования, обстановка и условия, при которых пал кабинет, тактика лидеров Рабочей партии не могут не содействовать освобождению масс от влияния реформизма. В отношениях между классами в Англии наступил крупный перелом. Волнение во флоте и огромные демонстрации в Глазго и других промышленных центрах Англии ясно это показали. Таких выступлений рабочих масс, как в Глазго, улицы Англии почти что не видели со времен чартистского движения. Английское рабочее движение возвращается к своим старым революционным традициям.

Более чем когда бы то ни было велики задачи английской компартии. Она должна возглавить это нарастающее, небывалое по силе недовольство масс. Она должна показать массам единственный выход из экономического развала, который переживает современная Британия.

«Буржуазия будет искать выхода в войне», указывал в начале мирового кризиса т. Сталин. Совершенно очевидно, что возвращение консерваторов к власти чрезвычайно обострит империалистические противоречия. Несомненно, что влиятельнейшие консервативные лидеры не видят иного выхода, кроме войны.

«Рабочий класс будет искать выхода в революции». Со времени окончания мировой войны волна рабочего движения уже дважды поднималась чрезвычайно высоко: в 1921г. и в 1926г., когда разразилась всеобщая стачка. Оба раза движение было предано реформистами. Сейчас массовое движение подымается снова — оно втягивает широкие слои трудящихся (в этом отношении чрезвычайно показательное движение моряков). Если на этот раз руководство движением возьмет в свои руки компартия, английский пролетариат найдет свой выход из нынешнего глубочайшего кризиса Британии.

Лейбористы-парламентеры

У НАС, В СССР, РАСТУЩИЙ ПОДЪЕМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. У
НИХ, У КАПИТАЛИСТОВ, РАСТУЩИЙ КРИ-
ЗИС. Сталин

И. МИНЦ

ПЕРЕД НОВОЙ ВОЙНОЙ

I. КРИЗИС ИМПЕРИАЛИЗМА НА НОВОМ ЭТАПЕ

Мировой экономический кризис вступил в новый этап своего развития.

Акции, и без того неуклонно падавшие, разоряя тысячи более или менее крупных фабрикантов и миллионы мелких держателей займов, вдруг стремительно прыгнули вниз, увлекая за собой и крупнейшие предприятия: дрогнул до основания и рассыпался ряд колоссальных банков, из тех, которые втроем-вчетверем командуют целыми странами. Еще вчера с.-д. «лекари» империализма предсказывали ему скорое выздоровление именно потому, что мировой кризис слабо затрагивал кредитно-денежную систему, а сегодня кредитно-денежный кризис в ряде крупнейших стран стал фактом.

Как и обычно, где тонко — там и рвется: крахнул Кредитанштальтбанк в Австрии, которую держал на хлебах англо-французский капитал при условии отказа Австрии от союза с Германией. На помощь банку, кредитовавшему добрых три четверти всей австрийской промышленности, поспешили «высокие покровители», перебивая друг у друга право подачи, чтобы сохранить именно за собой привязанность приживалки. Едва, однако, заштопали первую крупную дыру в мировой денежной кредитной системе, как прорвало с несравненно большей силой в Германии: лопнул Данатбанк, связанный не только с германской промышленностью, но и уходящий корнями далеко в Англию и Америку. Воистину: голову вытащил — хвост увяз.

Пока пожарные мирового империализма возились вокруг Германского банка, споря об условиях помощи, пожар массовых банкротств перекинулся в Венгрию, Латвию, Чехо-Словакию, в скандинавские страны, где загорелся сам спичечный король — концерн Крюгера в Швеции. Кредитный кризис и обесценивание валюты охватили Центральную и Южную Америку, сопровождаясь целой серией политических переворотов.

А на всем этом фоне развернулся кризис английского фунта стерлингов, угрожая потянуть за собой и французский франк и даже американский доллар.

Под впечатлением нарастающего шума и грохота повсюду лопающихся банков импери-

листские лекари, позабыв свои недавние веселые предсказания, тянут теперь унылую ноту, очень напоминающую песню Беранже:

«Поперек и вдоль вселенной
Все идет как на авось —
Вкривь и вкось».

Все попытки приостановить буйный разлив банкротств, — а особенностью современного кредитного кризиса является то, что в прежних домонополистических кризисах капитализма гибли более слабые предприятия, очищая дорогу дальнейшей концентрации капитала, сейчас — в условиях монополистического капитализма на помощь крупным банкротам приходят другие монополисты — банки или государство, перекладывая тем самым издержки банкротства на плечи широких масс, — ничего не дали. В Германии попробовали спрятаться от банкротств: государство закрыло биржи на семь недель. Увы, результаты оказались те же, что и у страуса, спасавшегося от охотников тем, что спрятал голову под крыло: в день открытия биржи акции упали на 25—40%, принесся около 3 млрд. марок потери держателям в один день, и при этом 80% акций все же оказались не проданными, продолжая давить на рынок.

Кредитный кризис лишний раз продемонстрировал неравномерное развитие капитализма — этот основной закон империализма. Разразившийся с особой силой в одних странах, затронув только боком другие, кредитный кризис неодинаково отразился на учетной ставке. В Германии, Австрии, Венгрии нельзя достать свободных капиталов, так высоко поднята там процентная ставка (до 10% в германском рейхсбанке), а в Соединенных Штатах Северной Америки¹ и во Франции происходит накопление капитала. Во Франции, например, золотой запас за одну неделю с 24 по 31 июля вырос на 514 млн. фр., составляя всего 58,5 млрд. фр. Капиталы со всего мира стягиваются в такие центры, как Нью-Йорк и Париж. Прекратился вывоз капитала, и американские и французские банкиры соглашаются только на краткосрочные кредиты, неохотно и притом по очень высоким процентам предоставляя долгосрочные ссуды.

¹ Сейчас и отсюда началась утечка золота.

Денежно-кредитный кризис, разразившийся особенно бурно к концу второго года мирового кризиса, в свою очередь углубил промышленный кризис. Резко упали мировые цены на все продукты. Германская буржуазная газета «Frankfurter Zeitung» опубликовала 2 августа следующую сводку движения мировых цен в процентах (1913 г. принимается за 100%):

	Продукты сельского хозяйства	Колониальные товары	Гот. фабрикаты		Общий индекс
			Средства произв.	Легкая индустр.	
Август 1930 г.	116,6	110,7	137,7	158,2	124,7
Октябрь 1930 г.	109,3	108,0	137,0	154,4	120,2
Январь 1931 г.	106,7	101,7	134,2	147,1	115,2
29 июля 1931 г.	101,2	96,3	130,7	140,4	110,1

Из готовой продукции больше всего упали цены на продукты легкой индустрии. Это опять-таки выделяет еще одну особенность современного кризиса: наличие монополий задерживает падение цен, а это в свою очередь делает кризис более затяжным.

Еще резче упали цены на продукты с.-х. и колониальные товары, образовав широко расходящиеся ножницы между ценами на продукты с.-х. и ценами готовых фабрикатов. Эти ножницы говорят о нсвом обнищании широких масс крестьянства, и до того страдавших от давнего аграрного кризиса.

Пал и общий оборот мировой торговли. «Deutsche Allgemeine Zeitung» от 12 сентября приводит цифры, характеризующие объем мировой торговли (в млрд. марок):

В 1913 г. (3 квартала)	155
» 1929 г. »	247
» 1930 г. »	204
» 1931 г. »	160

Мировая торговля сократилась до довоенного уровня, продолжая идти по нисходящей кривой.

Ураган денежно-кредитного кризиса, бушующего сейчас и в мировом финансовом центре — Париже и во всей Франции, отнюдь, однако, не ослабил промышленного кризиса. Напротив, подталкиваемое денежно-кредитным кризисом, промышленное производство стремительно падает. Наличие колоссальных трестов в тяжелой промышленности позволило замедлить падение цен на продукты тяжелой промышленности, но этот же факт монополизации резко повышает издержки производства, ибо разросшийся до небывалых размеров производственный аппарат не дает возможности обновлять и расширять основной капитал, как это было при прежних кризисах. Огромным монополиям приходится тащить на себе тяжесть остальных обанкротившихся предприятий.

По основным империалистским странам падение промышленного производства характеризуется следующими данными в тоннах:

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ФРАНЦИЯ

	Сталь	Чугун	Сталь	Чугун
Июнь 1930...	2.922.220	2.639.537	753.000	841.000
За 7 мес. . .	26.500.839	12.568.593	—	—
Июнь 1931...	1.876.149	1.463.220	649.000	685.000
За 7 мес. . .	17.134.668	25.414.755	—	—

Еще показательнее картина в Англии и особенно Германии. Крупнейший английский финансовый орган «Economist» приводит данные производства для Англии, принимая индекс 1924 г. за 100.

	Май 1930 г.	Апрель 1931 г.	Май 1931 г.
Железо и сталь	123	78	82
Уголь	111	108	102

Тот же осведомленный орган сообщает, что за первую половину 1931 г. по сравнению с 1930 г. выплавка чугуна и стали снизилась в %

	Сталь	Чугун
В Англии	46,1	39,2
» Америке	39,2	35,8
» Германии	40,2	29,8
» Франции	13,8	13,4
» Бельгии	16,2	19,7
» Люксембурге	22,3	15,2

«У них и у нас», — едва ли ярче можно показать всю противоположность двух систем, чем в этом ряде простых цифр. «У них» — минус 40, промышленность упала на 40% в среднем, а «у нас» выпуск продукции по всей промышленности (кроме леса и торфа) дал в августе прирост в 33,3% по сравнению с августом 1930 г. Есть отчего буржуазии прийти в бешенство!

Непрерывное падение производства переплетается с все углубляющимся аграрным кризисом.

Достаточно привести один только пример, чтобы показать, до каких пределов доходит сейчас аграрный кризис, а это по признанию буржуазных авторитетов далеко еще не конец: дальнейшие месяцы принесут с собой еще большее углубление кризиса. Урожай хлопка в текущем году во всем мире вместе со старыми запасами составит в среднем более 39 млн. кип, а потребность всего мира в хлопке составляет только 20 млн. Для одних САСШ урожай с запасами равен 25 млн. кип, а потребность до 13 млн.

В результате — резкий скачок вниз цен на хлопок. В мае текущего года хлопок продавался за 19,4 цента за английский фунт¹, а в августе уже за 7 центов. При этом средняя себестоимость фунта — 11 центов. Американский фермер выкладывает по 4 цента из своего кармана на каждом фунте, — таков показатель аграрного кризиса.

Напуганные таким скачком цифр, руководители хлопкового хозяйства в Америке предложили всем производителям хлопка сжечь третью часть всего производства. Губернаторы тех штатов, где больше всего производится

¹ Английский фунт равен 453 граммам.

хлопка, побоялись выполнить эти сумасбродные предложения (хлопкопроизводители взяли бы за сружие), но губернаторы двух нефтяных районов показали, как можно провести в жизнь даже и такое решение: они ввели войска и с помощью оружия прекратили производство нефти. Американская буржуазия предлагает теперь применить эту меру ко всей промышленности.

Резкое падение производства во всех отраслях хозяйства нашло свое выражение в безработице.

Международное бюро труда при Лиге наций опубликовало свои цифры по безработице:

	1930 г.	1931 г.
	(В тыс. чел.)	
Германия	2.841	4.100
САСШ	—	6.300
Англия	1.737	2.507
Польша	240	330
Австрия	63	113
Бельгия	13	70
Финляндия	8	48
Франция	1	41
Новая Зеландия	—	37
Канада	—	14% всех чл. профсоюзов
Югославия	—	11
Голландия	—	128

Во главе бюро труда уже много лет стоит французский социал-фашист Альбер Тома. Империалистский лакей не за страх, а за совесть служит своим хозяевам и значительно сократил показатели кризиса. Но услужливый лакей на сей раз перестарался в деле сокращения цифр безработицы и оказался большим империалистом, чем сами хозяева. В августе инспекторы французского м-ва труда произвели обследование всех предприятий с числом рабочих свыше 100. Инспекторы в начале сентября опубликовали свой отчет, в котором сообщили, что число безработных с 6,4% на этих предприятиях в мае поднялись до 8,4% в июле, а процент частично безработных с 30,2% до 33,3%. Если принять эти расчеты для всех предприятий, то всего во Франции к 1 августа окажется 925 тысяч, а частично безработных — 3.652 тыс.

В Англии число безработных по официальным данным равно 2.714 тыс., тоже на 200 тыс. больше, чем показал социал-фашистский лакей.

Что касается САСШ, то число безработных давно перевалило за 10 млн. чел.

Более 20 млн. полностью безработных только в перечисленных выше странах — 20 млн., обреченных на голод и вымирание, — таков один из результатов мирового кризиса.

История не знает периода, в котором так наглядно проявлялось бы противоречие между общественным характером производства и частным присвоением: около 40 млн. безработных во всем мире, не считая их семей, медленно умирают от истощения и голода, а тут же рядом на складах гниют произведенные ими товары, выбрасываются в море тысячи мешков кофе, лучшая пшеница идет в топку паровозов, затапливаются шахты, забиваются нефтяные вышки.

Мировой кризис, представляющий собой проявление общего кризиса империализма, с

каждым днем становится все глубже и острее. С каждым поступательным его шагом все новые области втягиваются в кризис, открываются все новые противоречия. Растет безработица, нищета, голод, а рядом в стране, где свергнут империализм, развивается и ширится социалистическая стройка.

«Я признаю, — пишет один английский автор, уныло наблюдая быстро растущий кризис и углубляющееся противоречие двух систем, — что предсказания Маркса и Ленина относительно пути неизбежного развития современного западного общества реализуется с поразительной точностью... По-моему, мы должны признать, что добрая часть марксова анализа верна»¹.

Непрерывное увеличение безработицы, ведущее к сокращению потребления и уменьшению рождаемости, к вымиранию, стало экономической проблемой, которой занялись буржуазные ученые. В Америке вышел двухтомный труд в издании вашингтонского экономического института под названием «Баланс смертей и рождаемости», в котором собраны статистические материалы по вопросам народонаселения. Составитель этого труда известный статистик Кучинский открыто признал, что в капиталистическом мире прекратилось воспроизводство народонаселения. «Это означает вымирание», прямо заявляет исследователь.

В Риме 10 сентября закончился международный конгресс по проблемам населения, где делегаты Германии, Англии и Франции единодушно признали факт уменьшения рождаемости во всех капиталистических странах. Боясь сказать правду о причинах, вызвавших это вырождение, а сделать это было не трудно, ибо на конгрессе выступал советский делегат, нарисовавший и объяснивший картину непрерывного роста населения в СССР после свержения империализма², буржуазные теоретики придумали теорию, по которой это вырождение является «всеобщим явлением, присущим всем культурным народам». Теория, вдвойне выгодная империализму: СССР, где нет такого вырождения, исключается из числа культурных стран, а в капиталистическом мире вырождение дается за признак высокой культуры.

Выдать язву, разъедающую организм империализма, за целебное свойство, на это способен только тот взявшийся за проповедь герой, по поводу выступления которого французский сатирик пел:

«В прошлый вторник убежал
Сумасшедший из больницы;
Он проказами смущал
Уж не раз покой столицы.
А тут к судье вдруг в камеру проник,
Надел его симау и парик
И важно начал...»

¹«The contemporary Review», September 1931, London, стр. 280.

² Если принять двоекратный прирост за 100, то в 1927—29 гг. прирост населения в СССР был 130, в Италии — 78, в Германии — 50, в Англии — 41.

Впрочем, такую характеристику теоретикам империализма и их строю не так давно дали в империалистическом лагере. Наблюдая противоречие между голодом и нищетой широких масс и чудовищными запасами всяких товаров у капиталистов, один американский писатель написал целую поэму, в которой назвал свою страну «Crazyland» (сумасшедшая страна). Только в «Крэзиленд» можно видеть склады, ломящиеся от обилия запасов, а рядом умирающих с голоду людей, — к такому выводу пришел писатель, далеко не революционный, объездивший один из штатов Америки.

2. В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Автор «Крэзиленд» допустил политическую вольность с точки зрения интересов своего класса и вышел за границы капиталистического общества. Но те, кто является хозяевами «Крэзиленд», не могут спокойно ждать, пока «сумасшедшая страна» пойдет ко дну: они лихорадочно ищут выхода из кризиса.

Политики империализма и его генералы, теоретики и законники, все дружно заполняют страницы газет и журналов тягучими рассуждениями и предсказаниями перспектив кризиса. Самые эти гадания, обильно расточаемые представителями империализма, свидетельствуют о растерянности капиталистического мира, — недаром буржуазная пресса так часто скорбит о потере «кредита к самой капиталистической системе».

Среди этих пророчеств и гаданий самое большее внимание занимают вопросы планирования.

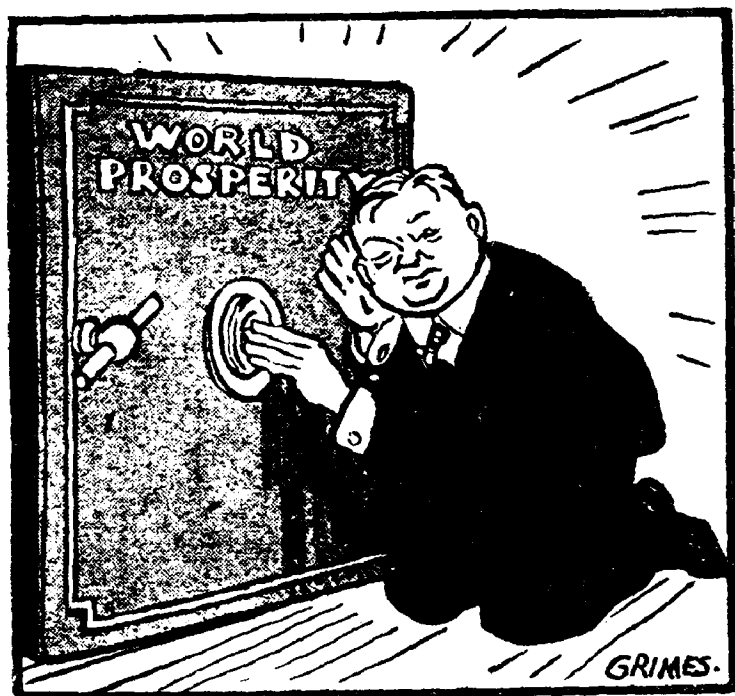
«Наиболее заметное явление в повороте общественного мнения за последний год, — пишет редактор одного английского журнала, специально посвященного вопросам планирования¹, — это внезапно распространившийся по всему миру интерес к широкому планированию. В СССР пятилетка владеет всем и вся: даже за границей далеко отбрасывается ее тень».

Три года назад, когда появилась пятилетка, капиталистический мир, переживавший, особенно в САСШ, период процветания, встретил ее смехом. У капиталистических юмористов не было лучшей темы для карикатур, как советская пятилетка. Журналы толстые и тонкие, консервативные и либеральные, газеты всех направлений издевались над «фантастическими планами» пятилетки. Даже «дружественно» настроенные литераторы, а такие все больше попадают среди интеллигенции по мере роста и углубления кризиса, недоуменно разводили руками, приводя поражающие цифры наших планов.

«1 октября 1928 г., — сознается сейчас один из недавних критиков, — появилась пятилетка на посмешище практиков всего мира. Сейчас по истечении более половины намеченного времени, когда многие показатели плана выполнены в четыре года вместо пяти, смеются уже с другой стороны»².

¹ «World Planning», supplement to the «Week-End Review», August 22, 1931, стр. 3.

² Stuart Chase, «Atlantic monthly», June 1931, стр. 781.

Гувер нашел ключ к процветанию мира. Этот ключ — мораторий.

Процветание давно сменилось кризисом, а в СССР «фантастические планы» пятилетки стали реальностью. Исчезли карикатуры, потух смех на страницах капиталистической прессы, а журналы и газеты заполнились статьями о советской пятилетке. Успехи пятилетки, бурный рост социалистической стройки, уничтожение безработицы на фоне глубочайшего кризиса империализма, только вступающего в свой наиболее острый период, приковал к себе внимание ищущих выхода империалистов. Везде и всюду заговорили о плане как единственном спасении.

В Англии лорд Мильчет заявил:

«Если мир хочет пожать плоды своей научной эпохи, то Британская империя, Европа и обе Америки должны организовать экономические объединения, во главе которых должны стоять люди, способные руководить экономическим развитием».

Лорд Мильчет — не легковесный журналист, удовлетворяющий преходящие и капризные вкусы своих читателей. Мильчет — крупный политический деятель, чье имя не раз попадалось среди империалистических руководителей мировой бойни 1914-18 гг. Его выступление говорило об идеях, получивших широкое распространение среди господствующих классов.

Выступление лорда не осталось изолированным. В той же Англии выступил виконт Д'Абернон, бывший английский посол в Париже.

«Я целиком согласен, — пишет он в том же английском журнале, посвященном вопросам планирования, — с вашими попытками добиться международной кооперации и соглашения в вопросах социального и экономического планирования».

Дальше Д'Абернон говорит об условиях успеха такого плана: стабилизация курса фунта стерлингов — вполне понятное условие для английского капитализма, чья валюта вот уже порядочное время катится под гору.

Но нас интересуют здесь не условия плана, а тот факт, что еще один видный деятель английского империализма выдвигает идею плана как единственное спасение от кризиса.

Вот один из директоров Английского банка Базиль Блэкет пишет статью о задачах финансовой политики в интернациональном планировании, статью, о которой так восторженно отозвался бывший посол. Подгоняемый, как и упомянутый поклонник плана, падающим фунтом стерлинга, директор банка только в плане видит спасение.

Обозревая возможные последствия плана, который, может быть, «ждет нас за углом»¹, директор крупнейшего мирового банка приходит в умиление. Никогда еще мир, по его мнению, не владел такой широчайшей технической возможностью удовлетворить все потребности человечества. Дело уже теперь не в том, чтобы произвести все нужные продукты («проблема, которая владела повседневными мыслями человека со дня его первого появления на земле»), все дело в том, чтобы организовать и распределить произведенное для удовлетворения существующих и возможных потребностей.

«Вот тут-то и лежит первая великая задача финансов плановой экономики XX в., — пишет директор. — Первой задачей финансов является снабдить плановое государство, национальное или международное, такой денежной системой, которая позволила бы плановикам планировать без опасности, что изменение цен может смести их планы, как замки из песка».

Вместе с английскими империалистами заговорили о планировании и американские.

¹ «World Planning», стр. 6.

Льюис Лорвин из вашингтонского экономического института написал статью¹, в которой доказывает, что политикой XIX в. была свободная игра сил *laissez faire, laissez passer*², а XX в. — план.

«Laissez faire XIX в., — пишет он, — было основано на метафизике предусмотрительного руководства естественных законов. Планирование XX в. покоится на растущем доверии в способность человека производить социальные и экономические изменения на основе научных изысканий и конструктивных представлений».

Вообще, последние 2-3 месяца в САСШ буквально нет ни одного журнала, где не было бы статьи о плане. Одно перечисление этих статей заняло бы добрую страницу. Большая часть их построена по обычной схеме — общие рассуждения, но есть и попытки более конкретно поставить вопрос. Из последних заслуживают внимания статьи Стюарта Чейза.

В статье «Десятилетка для Америки»³ Стюарт Чейз, сославшись на опыт русской пятилетки, пишет:

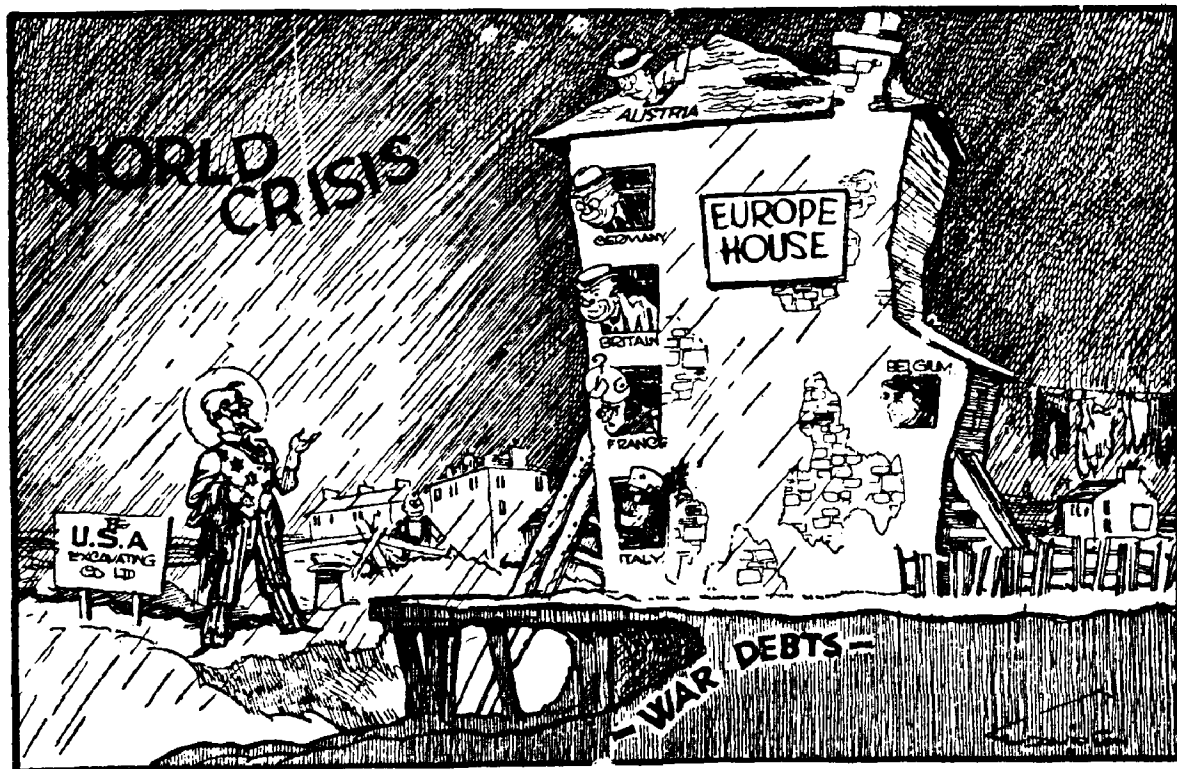
«Эти славяне думают, что они открыли национальное планирование, что без знания папы Маркса вдоль и поперек нельзя расположить производство у источников сырья».

А затем смело берется за план. «Во время войны, — рассуждает он, — у нас был Военно-промышленный совет, который заставил всю нацию работать на войну. Почему бы нам не организовать Мирно-промышленный со-

¹ «The meaning of planned Economy», там же, стр. 4.

² Предоставить вещам идти своим чередом.

³ «A ten years plan for America», Harpers Magazine. June 1931, стр. 1—10.

Америка: Отложим операцию на год! Иначе, того и гляди, этот старый дом — Европа — на нас обрушится

вет которому поручить планирование в стране. Перед таким советом стояли бы три проблемы: географическая, экономическая и политическая».

Новый плановик быстро разбивает САСШ на ряд географических районов, намечает те производства, которые должны быть централизованы и распределены по районам в первую очередь, и только застревает над вопросом политическим: кому подчинить Совет. Но и тут ловкий экспериментатор быстро находит выход: поставить его в такое же положение, как и Военно-промышленный совет... и десятилетка готова.

Что будет делать этот Совет, «ни один человек не знает до его завершения», сознается Чейз, но все же подсказывает две возможных задачи Совету: 1) национальный доход должен быть распределен более справедливо, но так, чтобы сохранить покупательную способность; 2) найти надо пути и средства, чтобы направить вложение новых капиталов не на перепроизводство товаров. Мирно-промышленный совет, по предположению Чейза, «в о з м о ж н о п о р е к о м е н д у е т» (только!) для этого постоянно повышающуюся зарплату и

«в качестве дополнительного предохранения—более твердый постоянный доход и наследственные пошлины в более высоких размерах; не для того, чтобы выгнать Младшего из его Рольс-Ройса¹, но держать его частный доход в границах и создать более массовую покупательную способность».

До чего доходит тонкость разработки плана! Чейз ловко построил огромный воздушный замок и даже наметил в нем комнаты для гостей.

Такая же утопия лежит и на плане... самого президента Гувера.

Не так давно Гувер произнес в Индианополисе речь, где наметил программу, с которой он будет выступать в новых президентских выборах в 1932 г. В этой речи президент говорил:

«У нас есть много граждан, настаивающих на создании «плана» будущего развития Соединенных Штатов. Они требуют создать его немедленно. Я предполагаю, что идея «плана» (Гувер пока ставит план в кавычки. *И. М.*) есть влияние лозунга пятилетки, с помощью которого Россия освобождает себя от десяти лет голода и несчастья»².

Охаяв таким образом идею «плана», как советское навождение, Гувер переходит к своему плану, но уже без кавычек.

«Я предлагаю вам американский план. Мы думаем позаботиться о 20 млн. нового населения в следующие двадцать лет. Наш план построить для них 4 млн. новых и лучших домов; тысячи новых и более красивых городских

построек; тысячи фабрик; увеличить пропускную способность наших дорог; добавить тысячи миль воздушных и водных путей; построить электростанций на 25 млн. лошадиных сил».

Гувер не забыл и церкви для этих миллионов людей.

«Мы не только думаем снабдить все новое поколение, но мы с помощью научных исследований и изобретений подыдем общий уровень жизни всего народа. Мы планируем обеспечение большего распространения богатств, уменьшение бедности и большое сокращение преступлений».

Но как? На это у Гувера тоже готов ответ, но отнюдь не столь «точный и детальный», как сам план.

«Этот план будет выполнен, если мы только дадим американскому народу удобный случай. Побудительные силы плана в характере и духе нашего народа».

И все.

На закате своих дней капитализм возвращается к утопическим идеям самого жалкого свойства, самым беспочвенным. Не случайно этими «планами» увлекаются сейчас именно буржуазные интеллигенты.

На заре капитализма группа передовых людей своего времени выступила с резкой критикой противоречий нарождающегося общества, выдвинув свои планы нового общества. Но утописты XIX в. смотрели вперед, впереди искали пути и средства уничтожения капиталистического общества. Они не сумели подняться над законами, управлявшими капиталистическим обществом, но зато поднялись над обществом, сумели дать яркую, смелую, живую и уничтожающую его критику.

Современные «утописты» только жалкая пародия на революционных мыслителей. Все эти «планоустрастители» тоже видят противоречия гниющего империализма, но ищут выхода позади, целиком оставаясь во власти законов империализма, на почве загнивающего капитализма.

Во всех «планах», которыми истекает сейчас буржуазная теория, тщательно подчеркивается, что основные законы империализма и особенно священный закон собственности должны быть сохранены. Всюду и везде выпячивается, что речь идет о национальном планировании, т. е. о сохранении теперешних государств, о планировании в рамках империализма.

Едва ли не лучшим доказательством этому явился амстердамский международный плановый съезд с 23 по 29 августа, на котором собралось до двухсот делегатов разных стран, в том числе и вышеупомянутый Льюис Лорвин, повторивший св и идеи.

На конгрессе столкнулось два мира: империалистские теоретики и советские представители. Советская делегация заставила идеологов империализма раскрыть свои карты, разоблачить себя, а главное, показал, что в основе всех этих докладов лежит социал-фашистская теория «организованного капитализма».

Империалистские политики знают, что склады полны товаров в то время, как миллионы людей гибнут от голода, но они знают также,

¹ Американские миллиардеры — все эти стальные и нефтяные короли—подражают старым королевским домам, давая своим старшим наследникам свои же имена, но с прибавлением цифры: Генри Форд I, Генри Форд II, или Младший. Рольс-Ройс—марка самого роскошного автомобиля.

² „Review of Reviews“, New-York, July 1931, стр. 41

70% каждого доллара налогов идет на войну

как в советской стране разрешили это противоречие,—и, увлекаясь и разливаясь на все лаги о планах, они спешат отгородиться от советских принципов, уменьшить, ослабить их влияние.

«Советский тип планирования экономики,— писал, например, Лорвин,— только один и притом далеко не лучший и не наиболее желательный. Мы можем найти в будущем такой общественный передовой тип планирования, который соединит в широкой степени принцип частной деятельности, волюнтаризма с общественным контролем и национальным руководством».

Еще резче выразил это один английский представитель буржуазной интеллигенции в статье «Возрождение или закат».

«Если мы признаем дефекты капитализма,—пишет этот автор¹,— то это отнюдь не означает, что мы хотим совсем приостановить частную, предприимчивость или поступить с мелкими собственниками так, как русские с кулаками. Я думаю, что средний путь может и не отменить совсем частной собственности (хотя ее некоторые формы возможно будут ограничены), но изменит ответственность и права, которыми владеют собственники. Если смотреть на собственность как на средство расширения благосостояния общества, а не для личного благополу-

¹ «The Contemporary Review», № 789, September 1931, стр. 232.

лучия, тогда сразу будет найден базис для перемирия между индивидуализмом и коммунизмом».

Взять кое-что из капитализма, прибавить к нему кое-какие элементы социализма—и готово новое общество!

Истинное значение всех этих «планов» и утопий становится понятным. Успехи пятилетки видны не только вверху, а и внизу: пролетариат и трудящиеся массы жадно следят за социалистической стройкой, вместе с нами гордятся нашими успехами, нашими радостями. Чем глубже мировой кризис, тем чаще миллионные массы обращаются к советскому примеру, накапливая силы и готовясь идти по пути пролетариата и трудящихся СССР.

Господствующие классы понимают объективный смысл этого интереса: планы всех и всяких десятилеток и двадцатилеток—это попытка перехватить левеющие массы, попытка вырвать у коммунистов или, по крайней мере, ослабить влияние лозунга пятилетки, переманить часть просыпающейся массы.

Разоблачить «плановые» увлечения империалистов значит помочь братским партиям расширить свое влияние в массах, шире расчистить дорогу к массам.

Истинный смысл своих «планов» выбалтывают и сами империалисты. Заканчивая свою другую статью—«Обуздать диких коней индустрии», в которой Стюарт Чейз набросал еще один план объединения семи северо-восточных штатов, автор уныло подводит итоги:

«Северо-восточный проект лишь мечта, а Россия не мечта. День за днем ее тень падает все резче и более дерзко на лицо мира».

Советский Союз—вот реальность, которая требует ответа.

3. РОСТ СОЦИАЛИЗМА И САСШ

Не так давно, на XVI съезде ВКП(б), подчеркивая, что империалисты с обострением капиталистических противоречий пытаются разрешить эти противоречия за счет СССР, «этой Страны советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии», т. Сталин говорил:

«Отсюда тенденции к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усилиться в связи с усиливающимся экономическим кризисом».

Последние несколько месяцев принесли особо резкое усиление этой тенденции.

Уже одно обилие разоружительных разговоров, пацифистских конференций и успокоительных выступлений напоминает период начала империалистской войны 1914—18 гг.: не будь угроза войны так сильна, ее не стали бы скрывать с такой тщательностью.

Кое-какие империалистские наблюдатели открыто сравнивают теперешнее положение с довоенным. Редактор влиятельного американского журнала «The Nation» в августовском номере пишет:

«Политические деятели Европы опять играют ее судьбой, как в 1914 г... Лидеры мира также

беспомощны отсрочить бедствие, как и правительства в 1914 г.»¹.

Вильям Симс, редактирующий иностранный отдел крупного американского газетного концерна,² раз за разом телеграфирует, что капиталистический мир сейчас ближе к мировой войне, чем он был в 1914 г. «В некотором отношении положение сейчас куда хуже, чем в 1914 г.», пишет Симс, поясняя, что в 1914 г. еще существовала возможность предотвратить войну, а «сейчас это невозможно».

Сентябрьские журналы Англии полны таких же замечаний. «Если дело будет продолжаться в том же духе», — жалуется «The Contemporary Review», — то Европа опять скоро будет втянута в мировую войну, которую никто не сумеет остансвить».

«Война есть продолжение политики, только иными средствами», — это старое положение неизбежности войны Клаузевица давно стало признанным.

Но Ленин неоднократно подчеркивал, особенно в инструкции нашей делегации на гаагскую конференцию, что как ни неизбежна война при капитализме, однако, разразиться она может совершенно неожиданно, как гром среди ясного неба. Вот почему Ленин требовал зорко следить за всеми малейшими проявлениями военной подготовки.

Коммунистическая печать до сих пор внимательно отмечала бурный рост военных пригтовлений во Франции, Англии, Японии, Италии, слабее останавливаясь на участке Соединенных Штатов Северной Америки.

Именно в этой области за последнее время произошли огромные сдвиги.

30 мая военный министр Америки произнес речь по радио:

«Армия сейчас лучше организована, снабжена, обучена, полна командного состава, чем раньше, — хвастал министр. — Мы неуклонно идем вперед в развитии механизации для боевых целей». Военный министр не говорил, для какой цели производится этот непрерывный рост и укрепление армии, хотя об этом легко догадаться, но его подчиненные с солдатской прямотой выболтали то, перед чем военный министр остановился в некотором смущении. Капитан Джордж Стил выступил в Париже в Американском клубе с обращением к членам клуба.

«Непохоже на то, чтобы наша страна воевала с кем-нибудь из наших соседей. Будущая война, как недавняя война, вероятно, будет заокеанской кампанией, требующей транспорта»¹.

Американская армия готовится для войны по ту сторону океана. С кем? Американская военщина и этот вопрос не оставила без ответа.

Генерал Люциус Гольбрук, командир I-ой дивизии регулярной армии, обращаясь с ответственной речью к старым служакам 78-ой дивизии, заявил:

«Надо хорошо запомнить, что политические руководители России объявили войну САСШ и сейчас открыто пропагандируют свержение правительства всюду и при всяком удобном случае. Россия явно готовится к войне со всем миром... Мы встретимся с новой расстановкой сил в новой войне. Мы забудем наших врагов в минувшей войне и будем приветствовать их как друзей... Те, кто в недавней войне были врагами, будут вместе с нами драться против общего врага за сохранение нашего правительства, наших домов, нашего очага и нашей религии»².

¹ «The Nation», № 3448, 5 August 1931, стр. 120.

² «Scripps-Howard papers».

¹ «United States Daily», May 2 1931.

² «New-York Times», July 26 1931.

Вместо угля
топят пшеницей

Гувер надувается, пытаясь разогнать облака, нависшие над Европой

Америка готовится к войне с Советским Союзом,—совершенно открыто признал один из руководителей армии.

Выступление генерала отнюдь не осталось незамеченным. В целом ряде газет появились статьи под сенсационным названием «Россия готовит войну!» Газеты перепечатавали выступление генерала и в свою очередь добавляли новые сведения о подобных же выступлениях.

Джерар, бывший посол в Германии (послы зашевелились—не случайный признак), сейчас председатель антисоветского «Комитета 100», составленного из виднейших политиков, банкиров и социал-фашистских предателей, выступил с речью по радио, в которой говорил:

«Россия угрожает войной всему остальному миру... Рано или поздно, но мы должны будем встретиться с этой русской ситуацией, и мы должны встретиться лицом к лицу»¹.

Американская коммунистическая газета «Daily Worker» приводит десятки таких заявлений, напечатанных в различных газетах за июль, август и сентябрь.

Бывший губернатор Бакстер, выступая на обеде предпринимателей в Портланде, заявил:

«Соединенные штаты сейчас находятся в войне с общественными, экономическими и политическими силами и теорией коммунистов, и исход борьбы все еще сомнителен».

Кризис революционизирует пролетарские массы и армию готовят для борьбы и вне и внутри—таков смысл боевых выступлений генералов и политиков американского империализма.

Как далеко зашли империалисты в своих выступлениях, можно судить по их отношению к американским инженерам в СССР. До сих пор их не только отпускали для участия в социали-

стической стройке, но и хвастали тем, что американцы смеются над боязнью Европы посылать техников в советскую страну. Сейчас отношение меняется. Тот же бывший губернатор называет их предателями, заявляя, что участие американских инструкторов в русской армии было бы меньшим злом, чем участие в советской стройке американских инженеров. «Обучать русских рабочих значит помогать нашему злейшему врагу», так закончил свою речь Бакстер.

И этот лозунг подхватывается американской прессой.

Орган текстильных магнатов пишет:

«Любой американец, который служил бы во время войны у центральных держав (Германия, Австрия), немедленно потерял бы, по крайней мере, американское гражданство. А ведь между Соединенными Штатами и Россией идет настоящая война»¹.

Никогда еще за все время существования советской власти не велась такая бешеная анти-советская кампания, как сейчас. Даже во время интервенции размах кампании был меньше. Изо дня в день ведется кампания с чисто американской грандиозностью. На страницах прессы, в кино, на митингах, по радио идет антисоветская травля, усиливаясь по мере роста и углубления кризиса.

Имеются факты прямого подстрекательства этой антисоветской кампании со стороны правительства.

«Сан-францисская ежедневная газета» от 13 августа опубликовала заявление Бенжамена Марша, секретаря правительственной приемной в Вашингтоне, заявление, повторенное им несколько раз в открытых докладах.

¹ Цитирую по «Daily Worker». August 14 1931.

¹ «New-York American», July 30 1931

«Президента Гувера я знаю очень хорошо, — говорил Марш. — Однажды в м-ве торговли я имел с ним интимную беседу. Зашел разговор о России. Гувер заметил: «Сказать вам правду, Марш? Цель моей жизни — разрушить Советскую Россию».

Я спросил: «Даже, если вы заставите голодать женщин и детей?»

Президент ответил: «Да!»¹.

Это заявление, напечатанное в таком видном органе, нигде не было опровергнуто. Но даже если бы Марш переборщил, то ряд других свидетельств доказывает, что президент Гувер мог сказать то, что ему приписывает Марш.

Уже в той речи, в которой Гувер осчастливил Америку своим двадцатилетним планом, президент заявил, что есть два пути выполнения его плана: один — путь сохранения старых американских индивидуальных методов накопления и хозяйничания, второй — путь насилия и революции.

Речь Гувера была программной — с лозунгами и предложениями, приведенными в этой речи (Гувер собирается вступить в новую кампанию по выборам президента). Национальный комитет Республиканской партии, лидером которой является Гувер, после речи Гувера разослал по областям инструктивное письмо, повторив вслед за своим лидером:

«Останемся ли мы при старой системе и сохраним Америку или... станем второй Россией? Вот где существо вопроса. Индивидуализм или коллективизм, капитализм или коммунизм, американизм или большевизм, республика или советы».

¹«San-Francisco Daily News»; приведено в «Daily Worker», August 19.

Марша можно опровергнуть, а выступление целой политической партии... пусть попробует сам лидер партии.

Антисоветская кампания, поощряемая правительством, — припомните, что американский министр торговли долго не хотел отгородиться от противосоветского выступления одного из своих чиновников, упорно отказываясь дать опровержения в прессе, — развивается, все расширяясь, как снежная лавина.

Появились на сцене «вестники интервенции», теоретически оправдывающие войну против социализма. Не говоря уже о Матью Уолл, вице-председателе Американской федерации труда (кстати, он же «по совместительству» является вице-председателем «Комитета 100»), гордость социал-фашистской партии Моррис Хилькуит объявил национализацию крупной промышленности в Советском Союзе «незаконной, неверной, насильственной» и на этом основании взял на себя защиту интересов русских нефтепромышленников, выступивших с иском против советской национализации в американском суде. А когда низы социал-фашистской партии, выведенные из себя этой выходкой, потребовали призвать его к порядку, председатель социал-фашистской партии Норман Томас взял под свою полную ответственность «адвоката» русских нефтяников, превратив тем самым выступление Хилькуита из личного в выступление всей партии. Социал-фашисты прикрывают подготовку новой интервенции, помогают и ускоряют ее наступление.

Не утопические «планы» десятилеток и двадцатилеток, а война и интервенция против СССР становятся реальным выходом из кризиса и революции, стучащейся в дверь.

(Продолжение следует)

Франция: Они все преследуют меня!

ОКТЯБРЬ В МОСКВЕ

(МАТЕРИАЛЫ МОСКОВСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
ОКТЯБРЬ — НОЯБРЬ 1917 г.)

Борьба за власть под руководством партии Ленина, начатая питерскими рабочими и солдатами 25 октября 1917 г., послужила боевым призывом для начала борьбы московского пролетариата за власть советов. Московский пролетариат, его вооруженные силы—Красная гвардия и солдатские массы московского гарнизона— по первому зову партии большевиков выступили на линии ожесточенной борьбы за осуществление задач пролетарской революции.

В течение трех дней вооруженной борьбы питерский пролетариат решил вопрос о власти, и изменники революции оказались не в состоянии оказать сколько-нибудь существенное сопротивление революционному натиску рабочих и крестьян. Несколько другой, более затяжной характер приняла борьба за власть в Москве. Московскому пролетариату пришлось в течение семи суток вести упорное сражение с врагом. Московская буржуазия и меньшевистско-эсеровское большинство Московской городской думы, Совета крестьянских депутатов и других организаций буржуазии, сумели более прочно организовать боевые силы контрреволюции (юнкеров и белую гвардию из московской буржуазии) и таким образом оказать вооруженное сопротивление московскому пролетариату. Расчеты контрреволюции, возглавляемой меньшевиками и эсерами, не увенчались успехом. Московский пролетариат, руководимый большевистской партией, кровью своих лучших товарищей заплатил за победу Октября.

Героизм и самопожертвование, проявленные московским пролетариатом в борьбе с врагами пролетарской революции в Октябрьские дни, служат лучшим примером того, как в наши дни нужно бороться за дело строительства социализма в СССР.

Публикуемые нами документы отражают эту силу и непоколебимую решимость московского пролетариата в борьбе за власть советов. Эти исторические документы позволяют нам понять ход вооруженной борьбы и обстановку первого периода закрепления диктатуры пролетариата. Публикуемые нами приказы Московского военно-революционного комитета являются первыми страницами истории победоносной пролетарской революции, в них отражена сила и мощь московского пролетариата, закрепление победы и первые шаги советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Публикуемая нами группа документов служит лишь незначительным дополнением к ранее опубликованному материалу о деятельности Московского военно-революционного комитета. Необходимо отметить, что значительная часть документов о деятельности ВРК до сих пор еще не выявлена. Работая над архивными материалами, мы убедились в том, что огромное количество этих ценнейших документов находится в неразобранном виде, разбросаны по самым разнообразным фондам Архива Октябрьской революции, и поэтому мы считали небесполезным опубликовать то немногое, что удалось собрать.

Публикуемые документы расположены в хронологическом порядке. Текст воспроизводится дословно, без исправления имеющихся в отдельных документах орфографических ошибок, ибо исправление последних могло бы изменить смысл документа. Основная масса документов публикуется впервые. И лишь несколько документов из числа нами помещаемых были опубликованы в некоторых изданиях в первые годы революции.

Публикуемые документы в подлинниках хранятся в Московском областном архивном бюро (фонд Моссовета за 1917 г.).

Г. Костомаров

НАЧАЛЬНИК
Московского артиллер.
склада

8 ноября 1917 г.

№ 79390

о чрезвычайных
происшествиях

Начальнику артилле-
рии Московского вс-
енного округа

РАПОРТ

Доношу о событиях, разыгравшихся в Кремле и арсенале с 26 октября по 3 ноября в моем присутствии.

26 октября утром в Кремль прибыл назначенный Военно-Революционным Комитетом комиссар Кремля Ярославский и комиссар арсенала по выдаче оружия прапорщик Берзин. Последний потребовал об отпуске из склада 1700 винтовок по наряду Революционного комитета. Так как оружие стало разбираться самовольно, то прибывшим вр. и. д. начальника склада полковником Лазаревым был собран комитет, в который приглашен прапорщик Берзин, предъявивший свой мандат. Было постановлено, что склад подчиняется распоряжениям Военно-Революционного Комитета, но чтобы каждое требование на оружие было засвидетельствовано прапорщиком Берзиным, который и расписывался в получении наряда оружия. Винтовки грузились на 3 грузовых автомобилях, но вывезены из Кремля не были и впоследствии поступили в распоряжение отряда юнкеров и бьющегося на вооружении белой гвардии, прибывшего ударного батальона и пр. Также были выданы винтовки одной роте (6-й) 56-го пех. полка, не имеющей оружия. Отпуск производился в порядке. Вечером было отпущено 12 пулеметов, пулеметные ленты и около 70.000 винтовочных патронов. День 27 октября прошел спокойно. В 7 час. веч. пропуск в Троицкие ворота был прекращен. Прочие ворота были заперты накануне. Ночью было несколько выстрелов. В 8 час. утра 28 октября Троицкие ворота были отперты прапорщиком Берзиным и впущены в Кремль юнкера. Прапорщик Берзин был избит и арестован. Тотчас же юнкера заняли Кремль, поставили у Троицких ворот 2 пулемета и броневой автомобиль и стали выгонять из казарм склада и 56-го пех. запасного полка солдат, понуждая прикладами и угрозами. Солдаты склада в числе 500 чел. были построены без оружия перед воротами арсенала. Несколько юнкеров делали расчет. В это

время раздалось откуда-то несколько выстрелов, затем юнкера открыли огонь из пулеметов и орудия от Троицких ворот. Выстроенные без оружия солдаты склада падали, как подкошенные, раздались крики и вопли, все бросилось обратно в ворота арсенала, но открыта была только узкая калитка, перед которой образовалась гора мертвых тел, раненых, потоптанных и здоровых, старающихся перелезть в калитку; минут через пять огонь прекратился.

Оставшиеся раненые стонали; лежали обезображенные трупы.

Отведя несколько раненых в помещенный во дворе лазарет, я вызвал медицинский персонал. Приемный покой был наполнен ранеными. Двое из них тут же скончались. Я отвел в лазарет Потешного дворца всех, кто мог сам двигаться, а прибывший автомобиль скорой помощи стал понемногу забирать тяжело раненых. Осмотрев убитых около ворот, я установил личность 12 солдат, двое остались не опознанными. В то же время юнкера стали вновь выгонять всех солдат из казарм, заставляя их держать руки вверх, и в таком виде отправляли во двор окружного суда. Солдаты были уверены, что их ведут опять на расстрел, но я их успокаивал. Я просил разрешения начальника отряда послать солдатам обед, но в этом было отказано. Вечером я просил отпустить солдат склада в казармы за моим ручательством, на что последовало разрешение. Я пошел в окружной суд, собрал своих солдат и объявил, что их отпускают под мое честное слово, что никто из них не выйдет из казарм и не возьмет оружия. Все обещали. Но едва солдаты подошли к воротам, а часть уже даже вошла, как их остановили по протесту юнкеров и повели в казарму 56-го полка. Следующие дни прошли в непрерывной перестрелке юнкеров с осаждающими Кремль солдатами и Красной гвардией, причем участвовали пулеметы и артиллерия. В Кремле орудия стояли около соборов и перемещались иногда к Троицким и Боровицким воротам. В зданиях склада устроен был продовольственный склад, к заведыванию которым были привлечены от склада все наличные чиновники: надв. советник Вершканский, чиновник

Фрейт Берг и Кириллов. Из них Вершанский и Кириллов посылались для реквизиции продуктов, подвергаясь обстрелу из винтовок и пулеметов. С 31 октября Кремль начала громить тяжелая артиллерия. Разрушены: часть Малого Николаевского дворца, Чудов монастырь; повреждены сильно стены храма 12 апостолов, поврежден Успенский собор, колокольня Ивана Великого. В Оружейную палату одна попала пуля. В казарму склада 2 ноября прибыла II школа прапорщиков в числе 200 чел., не пожелавшая участвовать в вооруженном столкновении, отдавшая в склад оружие. С наступлением темноты 2 ноября отряд юнкеров стал очищать Кремль. Часть арестованных в окружном суде наших солдат и солдат 56-го пех. полка были мною выведены из казармы склада. 3 ноября стрельба прекратилась, но неожиданным пушечным выстрелом пробита стена казарм склада и ранено 6 сдавшихся юнкеров I школы. Освобожденные из-под ареста и пришедшие из города солдаты склада понемногу возвращаются в склад, но правильное функционирование склада еще не скоро вос-

становится. Денежный ящик склада все время охранялся бессменным караулом Московской местной артиллерийской команды и ныне принят казначеем склада в моем присутствии в полной исправности. За время пребывания в Кремле юнкера все время вторгались в расположение склада, требовали выдачи револьверов, врывались в отдел оружия, где взломали все шкафы и двери, разобрали все дела и бумаги, вскрыли в управлении склада казенные письма, во дворе взламывались все ящики, растаскали кинжалы, несмотря на мои требования удалиться и угрозы о предании суду. С 3 ноября в Кремль вновь назначен комиссар от Воен.-Рев. Комитета и вновь производится выдача оружия Красной гвардии. Возвратившиеся арестованные солдаты склада заявляют, что юнкера при обыске отобрали у них кошельки с деньгами. Список убитых и раненых представляю. Возможно, что имеются потери из числа невозвратившихся, и неизвестно, где находятся.

Подлинный подписал генерал-майор
Кайгородов

ОТ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА МОСКОВСКИХ СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ ¹

Революционные рабочие и солдаты г. Петербурга во главе с Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов начали решительную борьбу с изменившим революции Временным Правительством. Долг московских солдат и рабочих поддержать петербургских товарищей в этой борьбе. Для руководства ею Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов избрал Военно-Революционный Комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей.

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ ОБЪЯВЛЯЕТ:

1) Весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-Революционного Комитета.

2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от военно-революционного комитета

¹ Этот документ, как и все остальные, взят нами из дела № 1 Военно-Революц. Комитета при Моск. Совете Раб. и Солдат. Депутатов за 1917 г.

или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат.

Военно-Революционный Комитет Московских Советов Рабочих и Солдатских Депутатов:

П Р И К А З
28/X—1917 В штаб «Красной Гвардии»

Военно-Революционный Комитет Советов Р. и С. Д. предлагает вам принять все меры к пополнению арсенала революционного штаба патронами для берданок и итальянских ружей и револьверами.

Член Военно-Революционного Комитета
(подпись)

За секретаря Г. У с и е в и ч

28/X—1917 г. В полковой комитет 1-го запасного телеграфно-прожекторного полка

Военно-Революционный Комитет Советов Р. и С. Д. настоящим просит немедленно доставить в Штаб Комитета имеющиеся у вас прожектора, с достаточным количеством прислуги при них.

Член Военно-Революционного Комитета
(подпись)

Секретарь (подпись)

ПРИКАЗ

Военно-Революционный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов предлагает Полковому Комитету 1-го телеграфно-пржекторского полка немедленно доставить в распоряжение Военно-Революционного Комитета все имеющиеся в части броневые автомобили, 4-берданочные патроны, 3-линейные винтовки и патроны к револьверу системы «Наган».

Член Военно-Революционного Комитета
А. Ломов
Секретарь

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ
РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Исполнительный Комитет

Москва, Тверская,
д. бывш. генерал-губернатора

Октября 30 дня 1917 г.
№ . . .

Военно-Революционный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов приказывает немедленно пустить электрический ток для освещения города.

Член Военно-Революционного Комитета
(подпись)
Секретарь (подпись)

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ
РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Исполнительный Комитет

Москва, Тверская,
д. бывш. генерал-губернатора

Октября 30 дня 1917 г.
№ . . .

Военно-Революционный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов предлагает вам выдать предъявителю сего снаряды и гранаты для 5-й батареи, грудью своей отстаивающей Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Член Военно-Революционного Комитета
(подпись)
Секретарь (подпись)

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ
РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Исполнительный Комитет

Москва, Тверская
д. бывш. генерал-губернатора

. дня 191... г.
№ . . .

Военно-Революционный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов ввиду необходимости немедленного прекращения всяких попыток к погромам постановил: всех погромщиков, пойманных на месте преступления, подвергать немедленно на месте преступления расстрелу.

Член ВРК Г. Мельничанский

Число в оригинале отсутствует.

ПРИКАЗ

Заводскому Комитету
О-ва Электрического
Освещения 1886 г.

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ
РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Исполнительный Комитет

Москва, Тверская,
д. бывш. генерал-губернаторов

Октября 31 дня 1917 г.
№ . . .

Военно-Революционный Комитет постановил 31 октября с. г.:

Не работают 31-го все те предприятия, которые не работали и 30-го, кроме трамвайных мастерских и отдела снабжения.

Все предприятия, связанные с продовольствием населения, работают усиленным темпом. Привести в готовность вагоны трамвая по линии Б и за чертой ее для обслуживания этими вагонами нужд каждого районного революционного штаба. Движение начинается по приказу местного революционного штаба. Проводится в жизнь постановление через посредство Союза Городских служащих.

Член Военно-Революционного Комитета
(подпись)
Секретарь (подпись)

ПРИКАЗ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО
КОМИТЕТА ОБ ОДЕРЖАНИИ ПОБЕДЫ
НАД БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ

От 2 Ноября 1917 года ¹

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТОВ
РАБОЧИХ и СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ

Ноября 2-го дня 1917 года
9 час. вечера

ПРИКАЗ

Всем войскам
Военно-Революционного
Комитета

Революционные войска победили. Юнкера и «белая гвардия» сдают оружие. Комитет Общественной безопасности распускается. Все

¹ На приказе подпись «Александра» и печать Московского Военно-Революционного Комитета.

силы буржуазии разбиты на голову и сдаются, приняв наши требования.

Вся власть—в руках Военно-Революционного Комитета.

Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве.

Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции.

Враг сдался.

Военно-Революционный Комитет приказывает прекратить всякия военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь).

С прекращением военных действий войска Советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией особой комиссии.

Войскам не расходиться до особого приказа Военно-Революционного Комитета.

Военно-Революционный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов

Члены Военно-Революционного Комитета

НАЧАЛЬНИКУ ОТРЯДА ПЕТРОГРАДСКОЙ КРАСНОЙ ГВАРДИИ, РАСПОЛОЖЕННОГО В АЛЕКСАНДРОВСКОМ УЧИЛИЩЕ

7/XI—1917

Военно-Революционный Комитет С. Р. и С. Д. г. Москвы выражает вашему отряду благодарность за оказанные услуги и предлагает вам, в виду прекращения военных действий в г. Москве, вывести отряд из Александровского училища и вернуть его в г. Петроград.

Член Военно-Революционного Комитета
А. Ломов

Секретарь (подпись)

В ХАМОВНИЧЕСКИЙ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

7/XI—1917

В Московский Военно-революционный комитет поступила жалоба румынского генерального консула на оскорбление, которому подвергся 30 октября поручик румынской армии Ангелеско (Остоженка, 35, кв. 12), у которого обыскивавшие его солдаты отобрали револьвер и винтовку румынского образца (Манлихер), а также 250 р. денег.

Московский В. Р. К. просит тщательно расследовать этот инцидент, компрометирующий честь революционной армии перед иностранцами, и принять меры к отысканию хотя бы винтовки и револьвера, составляющих казенное румынское имущество.

Комиссар по иностранным делам
Мих. Покровский.

ВЫПИСКА

из постановлений заседания Военно-Революционного Комитета С. Р. и С. Д. 6 ноября с. г.

7/XI—1917

По вопросу о посылке военной экспедиции в г. Калугу.

Признать принципиально необходимым послать военную экспедицию в г. Калугу для ликвидации концентрации контрреволюционных сил в городе.

Настоящее постановление довести до сведения начальника Петроградского Экспедиционного отряда подполковника Потапова.

Член Военно-Револ. К-та П. Мостов енко?]

КОМЕНДАНТУ КРЕМЛЯ г. Москвы.

7/XI—1917

ПРИКАЗ

Военно-Революционный Комитет С. Р. и С. Д. приказывает вам освободить с дворцовой гауптвахты 3-ю роту юнкеров, вместе с офицерами, отобрав оставшееся в их руках оружие и подписку в том, что отныне они не будут участвовать в борьбе с оружием в руках против установившегося строя под властью Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Член Военно-Революционного Комитета
А. Ломов

Секретарь Гус

Приказ 28
Военно-Революционный Комитет

*Всем членам Комитета и сотрудникам
Московского Комитета В. Р. и С. Д.,
Центрального Комитета В. Р. и С. Д.,
Свердловской Комиссии и всем
ее сотрудникам, Московскому
Военному Комитету и всем его
сотрудникам. Сообщить им
о принятии и выполнении
данного приказа с 10 часов утра
сегодня, 11го ноября. —*

Член В. Р. Комитета А. Ломов
А. Ломов
Секретарь А. Воинов

Военно-Революционный Комитет

ОКТАБРЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ РАБОЧИХ

В Октябрьских событиях в Петрограде, Москве, в провинции и на фронте участвовали сотни тысяч рабочих, солдат и крестьян. Непосредственные рассказы о событиях самих участников их представляют значительный интерес для историка, но особенно большое значение они имеют для широких кругов подрастающей молодежи. В этих воспоминаниях молодое поколение может почерпнуть не только много интересного, но и много поучительного для себя. Из них молодежь узнает о том, как старшее поколение готовилось к вооруженному восстанию, какой решительностью были воодушевлены красногвардейцы, даже не всегда достаточно владевшие оружием, как героически вели себя даже совсем юные подростки, без страха отправлявшиеся в стан врагов и сообщавшие красногвардейцам весьма ценные и важные сведения.

Рассказы участников показывают, какое огромное значение имели для развития и победы революции сплоченность и решимость пролетариата. Значительные кадры солдат, сконцентрированные в столичных городах, не проявили бы такой активности и героизма в вооруженном восстании, если бы все движение не возглавлялось вооруженными отрядами Красной гвардии пролетариата. Несмотря на лучшую военную подготовку и на превосходство сил солдаты часто проявляли склонность к выжиданию. Они преодолевали ее только под прямым воздействием примера и непосредственного толчка со стороны рабочих. Пушки и винтовки начинали стрелять только тогда, когда рабочими разрабатывалась вся стратегия и тактика предстоящего боя, когда красногвардейцы, выступая инициаторами, становились не только бок о бок, но во главе боевых отрядов ревкомов. Все воспоминания говорят о громадном и всеобщем подъеме среди рабочих в дни Октябрьского восстания. Даже на таких медленно изживавших мелкобуржуазные иллюзии предприятиях, как Трехгорная м-ра в Москве, масса рабочих в момент Октября почти целиком была захвачена энтузиазмом борьбы за власть.

В настоящем номере «Борьбы классов» мы даем отрывки из воспоминаний рабочих двух крупнейших предприятий в Москве: з-да «Серп и молот» (б. Гужона) и Трехгорной м-ры. Полные автобиографии, из которых взяты эти отрывки, хранятся в архиве секции истории

пролетариата и будут напечатаны в специальном сборнике, подготовляемом к пятнадцатилетнему юбилею Октябрьской революции.

По вполне понятным причинам в центре описания событий является Октябрь в Москве и в ее районах, в частности в Пресненском и в б. Рогожско-Симоновском. Воспоминания участников Октября дают нам очень живую картину подготовки и участия рабочих обоих предприятий в вооруженном восстании.

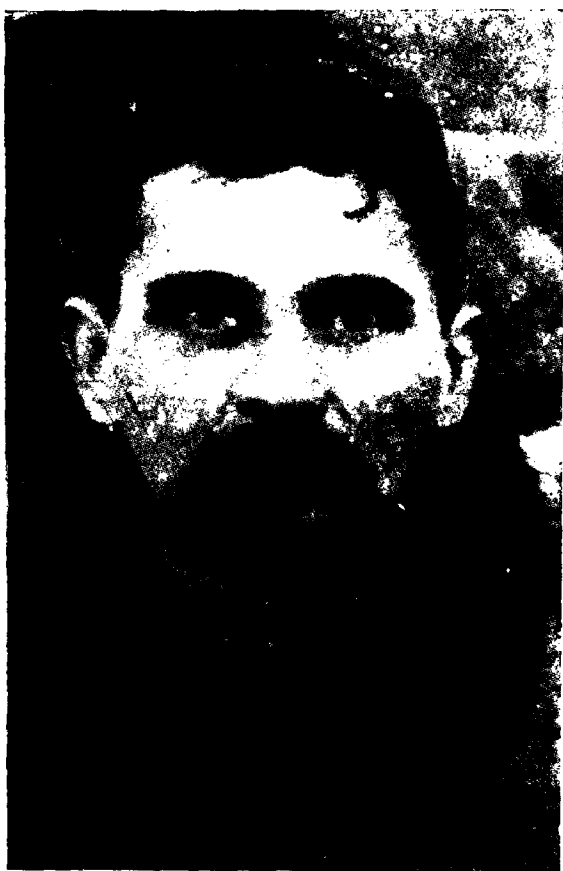
Почти все воспоминания рисуют, как растет и ширится активность масс, как передовые рабочие ведут и организуют солдат, как вожаки пролетариата — большевики подтягивают и вовлекают в движение даже самые отсталые массы. Воспоминания отражают героическую борьбу за власть советов в центре, в районах и на предприятиях. Красногвардейцы Пресни дрались у Никитских ворот, у Поварской и Кремля. Красногвардейцы з-да «Серп и молот» дрались в своем и других районах.

В этих трех отрывках изображены разнообразные типы рабочих — участников Октябрьских событий. С одной стороны, мы видим Васильева и Туманова, с другой стороны — Сизова. За каждым из них стоит особая группа, особая прослойка внутри самого пролетариата, отличающаяся от другой по уровню сознательности, по возрастному и другим признакам.

Туманов и Васильев участвуют в Октябрьских событиях как вожди, как организаторы массы в заводском и фабричном и даже районном масштабах. Они выполняют наиболее ответственные и серьезные задания штабов. Васильев с огромным риском доставляет для бойцов оружие. Туманов выступает в роли руководителя Октября на заводе, и организатора снабжения красногвардейцев продовольствием и т. д.

Совсем иным является Сизов. Это молодой (в то время) парень, имеющий значительный круг таких же, как он, боевых товарищей, еще недостаточно проварившихся в фабричном котле, еще значительно отстающих от авангарда в отношении сознательности. Еще не будучи убежденными большевиками, такие рабочие не отделяют себя от своего класса и с неосознанным энтузиазмом идут за большевистской партией и под ее лозунгами на борьбу за диктатуру.

О. Ч.

Е. Д. Туманов

ВОСПОМИНАНИЯ Е. Д. ТУМАНОВА ¹

В феврале 1917 года мы на заводе были в курсе всех дел, происходивших в Ленинграде. Как только узнали, что там произошло свержение самодержавия, мы сразу поняли, что это работа партии, дело рабочих, а не Государственной думы. Сообщениям, что революцию произвела дума, никто из рабочих нашего завода не верил. Я был очень рад, что царя, наконец, свалили.

Подготовка к выступлению у нас началась с вечера. Когда мы утром пришли в цеха, никто не раздевался, о работе никто и не думал. Собрались все к ремонтной мастерской. Говорили много.

— Необходимо надо идти на улицу. Сейчас некого бояться.

Я вместе со всеми пошел к Яузскому мосту. Шел в четвертом ряду. На мосту выстроились городские во главе с помощником пристава. Он, как сумасшедший, кричал:

— Вернитесь! Стрелять будем!

Тут же выстрелил. Попал в Астахова, нашего молодого товарища, который шел в первом ряду. Астахов был убит.

¹ Тсв. Туманов — руководитель борьбы за Октябрь на заводе «Серп и Молот».

Поднялось здесь нечто невообразимое.

Тут же двое наших подкатились к помощнику пристава, схватили его — и в Язу. Он исступленно только кричал:

— Братцы! Простите!

Убитого Астахова унесли на руках в больницу. В это время к нам подошли рабочие завода «Динамо». Они кричали нам:

— Не бойтесь, товарищи! Отобьемся! Часть городских разбежалась, часть мы разоружили.

Дальше двинулись мы все вместе. За отрядом городских стоял в конце моста отряд солдат. Держали винтовки на прицел. Прапорщик бесился.

— Ружья к ноге! — закричали из наших рядов.

Солдаты сразу присоединились к нам. Офицер убежал. Спрятался неподалеку в харчевне. Его оттуда вытащили и тоже бросили в Язу.

У Яузских ворот нам опять на пути застава — отряд солдат, но и они сразу присоединились к нам. То же было на Варварке. Мы пробирались к городской думе. Здесь были поставлены орудия. Драгуны и казаки готовы были выступить против революции, но и они скоро поддались.

Небольшая группа товарищей — Титов, Поляков Василий и я — пошли в Покровские казармы снимать солдат. Здесь пришлось нам сначала столкнуться с некоторыми настроениями против революции, но нам очень помог Бриллиантов — он был там на военной службе. Рассказал он о том, что произошло в Питере, обругал всех, кто верит неверным всяким слухам, — чувствовалось, что говорит сознательный рабочий.

В тот же вечер собрали рабочих нашего завода около лавки общества потребителей. Избрали заводский комитет. Во главе завкома избрали Пугачева, заместителем — Лебедева и, кажется, Кочергина, членами — шорника Степана, Степана Степановича, Арапова и много других.

Собрания у нас бывали часто. Первые были очень торжественные. Нравились они мне очень. Я их не пропускал.

6 марта мы объявили восьмичасовой рабочий день. Я в болтовом первый по-

перся к табели. Заведущий цехом Дервье ко мне:

— Все равно и теперь надо на оборону работать, еще больше бороться.

Но мы, как кончили восемь часов работы, все пошли с завода. Поденных рабочих в болтовом у нас было немного, тогда большинство работало на сдельщине.

После 6 марта почти ежедневно происходили митинги на Рогожском рынке, у Рогожской заставы. Здесь была сплошная лава рабочих-гужоновцев, с Перенуда, Нижегородских мастерских, Келлера и многих других. Выступали здесь больше эсеры, меньшевики, даже кадеты. Большевики здесь тогда редко говорили, выступали — Федоров (с завода Перенуд), Ведерников — раза два, Белобородов, Воронин Иван Михайлович, Иванов Сема из ремонтного да еще кое-кто.

Большевиков сначала встречали криками: «Долой, долой!» Тов. Ведерникову как-то и говорить не дали, как он против войны выступал. Семе Иванову удавалось иногда смягчить настроения.

В апреле митинги приняли здесь особую бурный характер. Стал чаще здесь и я выступать.

После одного из таких митингов подходит ко мне рабочий Федоров с Перенуда.

— Ты что же, — говорит мне, — большевистски выступаешь, а в партию не идешь?

Я тут же, 2 или 3 мая, вступил в партию. Заводская наша ячейка помещалась тогда против проходной, где теперь комендатура. Часто навещала нас тогда т. Землячка.

На второй же день пошли мы на районное собрание. Собрание было в школе на Пустой улице. Человек 30 было со всего района.

В мае подняли со всей остротой вопрос о необходимости и возможности борьбы с засилием эсеров, против зажима выступлений большевиков по всему району, особенно на митингах на Рогожском рынке.

На заводе я дал бой эсерам по выборам в районную и городскую думы. В мае мы такой успех получили, что в районную думу 35% голосов завербовали. Эсеры

в это время разъезжали на автомобилях, говорили много пышных слов, много агитаторов посылали, но их уже слушали много меньше. Зато наших — Ведерникова, Землячку слушали все с большим вниманием. Не помогали уже попытки эсеров сорвать их речи криками «долой!».

Мы уже и на других фабриках и заводах стали работать — ходили к агафоновской фабрике, к Гагенталю, Губкину-Кузнецову, агитировали на митингах рабочих, к большевикам привлекали.

На заводе эсеров было еще много — человек 180, меньшевиков было совсем немного, большевиков — человек 20. Часто у нас эсеры делали поборы в пользу своей партии. Проголосуют на общем собрании, а потом через контору деньги у рабочих выдирают. В исполнительный комитет совета тоже своих проводили.

Тов. Землячка как-то говорит мне:

— Нужно, чтобы на заводе чувствовалась большевистская рука. Пора, чтобы в заводском комитете мы по-настоящему заработали.

Тогда и в районном комитете партии мне дали установку — ударить по экономическим вопросам.

Эсеровский заводский комитет на этих вопросах у нас обанкротился. В июне по заводу среди рабочих упорно шел ропот, что комитет мало работает, что он не хлопотал, чтобы провести союзные ставки.

Начал я работу со своих гаечников в болтовом цеху. Занялся с утра. Собрал всех. Говорю о ставках:

— Наш заводский комитет ничего не делает. Тянут все дело эсеры. Они во всем и виноваты.

Собрали мы в тот же день общее собрание болтового цеха, провели решение добиваться новых союзных ставок и заключить договор согласно этих ставок.

Решили и по другим цехам провести. Для проведения решения выбрали меня и Кормилицына. Организовали мы это дело очень удачно по цехам. Потом, в тот же вечер собрали общезаводский митинг, опять говорили про ставки и работу нашего заводского комитета. Ра-

бочие на митинге очень роптали, что на нашем заводе хуже, чем на других заводах, что там уже по новым ставкам платили.

Здесь эсеры из заводского комитета стали выступать. Особенно старался Лебедев.

— Дело о ставках в конфликтной комиссии, — говорил Лебедев. — Арандаренко отказался платить, так как в заводууправлении денег нет.

Я здесь резко выступал, напрямик против них говорил:

— Сволочи! Ничего не делаете. Надо проверить и дела заводууправления и работу заводского комитета, — доказывал я.

Тут же выразили нам на общем собрании полное доверие. Выбрали единогласно от всего собрания меня и Кормилицына проверить все это дело.

Пошли мы с Кормилицыным в совет. Присоединился к нам и Арапов. Здесь нам сказали, что никакого движения нашему делу нет.

Мы вернулись на завод. Поговорили в цехах.

В тот же вечер собрание созвали. Рабочие требовали доклада Туманова. Сделал я доклад, рассказал про все, как и в совете эсеры связываются с бур-

жуазией и только о том и думают, как империалистическую войну довести до победного конца.

— Правильно! — кричали мне рабочие.

Единогласно постановили — дело передать в примирительную камеру, поручить гг. Туманову, Кормилицыну и Арапову.

На другой же день передали мы наше дело в примирительную камеру, — она на Ильинке помещалась, в здании биржи. Приходим. Здесь наполовину буржуазия засела — Бари, Бромлей и т. п. Сидели и спорили до рассвета. Арандаренко уперся на своем — нет денег.

Закончили дело в пользу Арандаренки, признали, что в заводууправлении денег для новых ставок действительно нет.

Эсеры наши, Кочергин, Скворцов и другие, здорово над нами посмеивались:

— Много сделали?

Нам в пору со зла плакать.

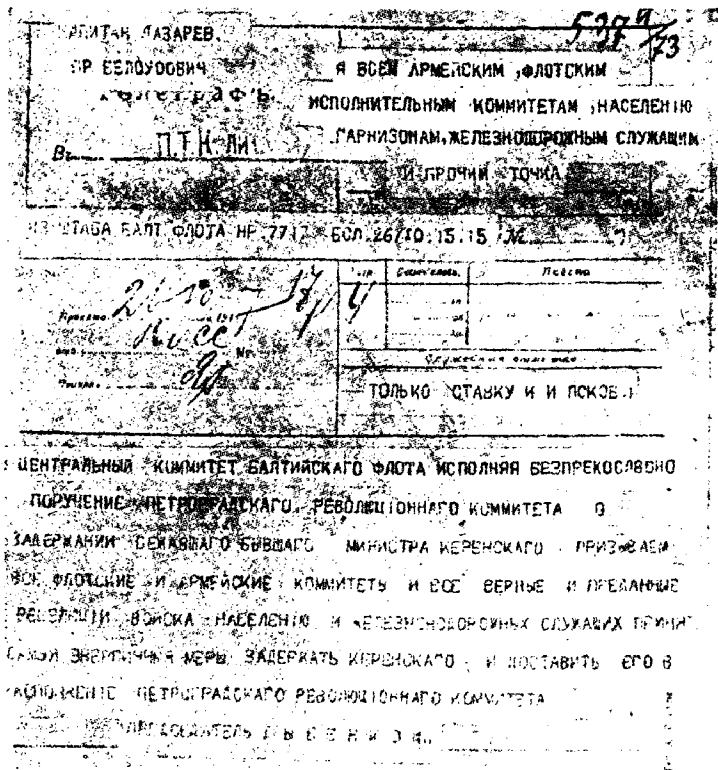
Вышли на бульвар, сели на лавочку, совсем приуныли. Подходит здесь к нам один партиец знакомый, рабочий с завода Бромлей, спрашивает, в чем дело, почему сидим такими тусклыми. Рассказали мы ему обо всем. Посоветовал он нам обратиться в заводское совещание.

Пришли мы на завод. Рассказали про дела.

— Валяйте дальше, — дружно все заявили.

Утром же пошли мы в заводское совещание, отыскивали здесь Шура и Вейцмана. Они нам указали, как надо написать заявление.

В заводском совещании собрания бывали по субботам. Дня через два пришли мы сюда вдвоем с Араповым. «Главари» нашего заводского комитета — Лебедев, Скворцов, Пугачев — отсутствовали. Ясно — ненавидели они это дело. Председательствовал на заводском совещании генерал Ваулин. Резались здорово на собрании. Шур держал нашу сторону. В конце концов совещание высказалось за секвестр завода, признало, что заводууправление безосновательно упорствует, и все дело решили передать правительству. От совещания выделили Вейцмана ехать в Ленинград. Мы на заводе обо всем

Телеграмма председателя ЦК Балтийского флота Дыбенко о задержании Керенского

Пикет красногвардейцев в октябре 1917 года

доложили. После наших докладов настроение рабочих явно повернулось в сторону большевиков. Решено было послать в Ленинград делегацию. Первого закричали: «Туманова!». Но я как раз в это время заболел, выбрали потом из завкома Лебедева, Арапова, Кормилицына.

В Ленинграде на особом совещании по обороне было решено завод секвестровать, назначить новое правление и выдать заводу субсидию в 5 миллионов рублей.

Уже после решения вопроса в заводском совещании нам стало легче работать. Мы уже могли говорить и доказывать, что только большевики могут довести дело до конца. Теперь уже на заводе рабочие и по всем делам экономического характера стали обращаться к нам. Все понимали, что дело было решено в пользу рабочих не благодаря эсерам, а благодаря большевикам.

Мы все это время борьбы держали постоянную связь с т. Ведерниковым, членом ИК Московского совета. Он был в курсе всех наших дел, всегда давал советы, где и как действовать. Ежедневно докладывали мы обо всем в райкоме т. Землячке, которая давала нам установки, руководила нашей борьбой. Тов. Землячка предложила нам в это время добиться перевыборов заводского комитета и требовать, чтобы в заводском ко-

митете было не три, а пять освобожденных. Мы и то и другое на заводе провели.

С июня—июля я был членом районного комитета партии, выполнял много поручений, часто бывал на других заводах—на Перенуде, Подобедове, Дангауэре, в Курских мастерских, выступал здесь по всем вопросам.

В августе наш завод бастовал. Накануне забастовки приезжали к нам большевики из центра. В августе—сентябре мы ввели у себя на заводе контроль над производством. Проверяли все дела, выявляли мастеров, которых подозревали,—многие из них срывали работу до самых Октябрьских дней: то труба лопнет, то еще что недосмотрят. В заводском комитете сами снимали мастеров.

Сильно выступал наш завод во время корниловского наступления. В это время мы—большевики—особо успешно работали. Я с Мальковым по заданию районного комитета партии организовали митинг. Приехал т. Ярославский. Ему особенно симпатизировали рабочие. Эсер Лебедев усиленно против митинга упорствовал, все кричал, что никакого митинга не надо.

Митинг мы устроили за материальным складом, на открытом воздухе, и здесь же в виде трибуночки что-то сделали. Выбрали в президиум тогда Малькова, меня и Арапова. Арапов хотя и эсером был,

но мы его часто за собой вели, разубеждали. Большевиков все слушали хорошо. Выступали и эсеры, но без всякого успеха.

Провели мы на этом собрании очень резкую большевистскую резолюцию с требованиями власти советам.

К Октябрьскому восстанию мы все готовились очень усиленно. Районный комитет давал указания всему району. Наша заводская ячейка все время работала по этим указаниям.

В середине октября я получил задание от районного комитета партии—провести общее собрание рабочих, вынести резолюцию о свержении Временного правительства, о передаче власти советам и об объявлении вооруженной борьбы. Наши рабочие единогласно вынесли предложенную мною резолюцию и поручили мне доложить обо всем в Московском совете. Я тут же уехал в совет. Это было, кажется, 18 октября. На заседании пленума совета председательствовал т. Смидович. Я выступил за передачу власти советам. Отсюда мы

Землячкой поехали опять в райком. С райкомом партии я теперь все время связь держал, получал здесь все инструкции и поручения.

В тот же день выступал я и в районном совете, требовал свержения власти буржуазии.

Участвовал я и в районном партийном собрании, обсуждали письмо Ленина, выступали здесь тт. Землячка, Ведерников и др. От районного собрания я был избран на московскую конференцию, принимал участие на этой конференции. Был здесь крупный разговор по поводу того, что Ногин и Рыков воздержались в ЦК при голосовании о взятии власти.

24 октября меня с т. Дмитриевым опять вызвали в райком. Здесь окончательно был поставлен вопрос относительно вооружения рабочих. Когда стали выявлять, сколько у нас оружия, оказалось, что в распоряжении районного комитета партии всего 18 винтовок и 2 ломаных нагана, автомобилей совсем не было. В первую очередь дано было мне поручение забрать автомобили у буржуазии в распоряжение районного совета. Мне был выдан мандат на право отбора автомобилей за подписью Прямикова. Я спро-

сил у Прямикова, куда мне ехать, где их добывать. Прямиков строго мне сказал:

— Тебе дан мандат. Изыскать, где хочешь.

Кроме того, мне предложили изготовить на нашем заводе порядочное количество ломов, пик, лопат.

Приехали с Дмитриевым на завод. Собрали всех кузнецов, молотобойцев, всю электричку.

— Перед нами стоит задача о взятии власти в свои руки. Без вооруженной борьбы не обойтись. Мы подошли к гражданской войне. Нам потребуется много оружия. Вы считаетесь мобилизованными.

— Кем? — спрашивают меня.

Я ответил:

— Говорю от имени районного совета.

Наработали тогда у нас много оружия. Работали все без передышки три дня и три ночи. Даже пищу на завод доставляли.

Рабочие спрашивают меня:

— А ты, Туманов, вооружен?

У меня еще оружия не было.

— Завтра будет,—говорю.

Тут же мне и Дмитриеву две хорошие пики закалили.

Мне нужно было добыть еще оружия, особенно затруднялся, как добыть автомобили. В первую очередь надо было все на заводе изыскать. Здесь была вооруженная военная охрана.

Я с Дмитриевым прежде всего разоружили стражников. Пошли к их начальнику. Показываю ему свой мандат. Он немедленно подчинился, выдал тут же три здоровых смит-вессона.

— Больше,—говорит,—нет.

Один себе я взял, другой—Дмитриеву, третий—Крысякову отдал.

Не верил я Манину, что больше оружия нет. Поручил я Крысякову, который очень активно в Октябрьские дни работал, поискать, проверить. Нашел он еще 6 револьверов. Я уже здесь ничего не боялся, действовал самостоятельно, спрашивать некогда было. Поутру за сокрытие оружия я арестовал Манина, начальником по внутренней охране завода назначил большевика, австрийского военнопленного т. Адольфа, а Манина препроводил в Рогожский военно-революционный комитет.

За один день 24 октября мне удалось доставить в распоряжение района 62 автомобиля.

Поутру 25 октября собрал я против воли Лебедева общее собрание рабочих. Лебедев стал было говорить мне:

— Я — председатель, ты — заместитель. Не имеешь права сам без меня созывать собрание.

Но я ответил:

— Я выполняю волю пославших меня.

Организовал я собрание. Выступил опять коротко:

— Товарищи, вы постановили взять власть в руки советов. Вы меня уполномочили передать вашу резолюцию Московскому совету, а также другим фабрикам и заводам. Совет рабочих депутатов постановил взять власть в свои руки советам. Пора это сделать. Но буржуазия даром власть не отдаст. Она откроет сильную борьбу с нами. Для того чтобы победить в этой борьбе, мы должны вооружиться. Потребуется много работы.

И тут же без прений постановили:

— Мы все целиком передаем в распоряжение Рогожского военно-революционного комитета и заводского штаба.

Этот штаб был организован на заводе в помощь районному военно-революционному комитету, постоянно давал комитету все сведения, выполнял его приказы и сам действовал на заводе как заводской военно-революционный комитет.

Начальником штаба завода был назначен я, помощником — Дмитриев, при завкоме все дела поручили Крысякову.

Заводская ячейка тоже провела общее собрание. В ячейке было теперь уже человек 75. Решено было все руководство твердо держать в своих руках.

Наступили напряженные дни. Я работал напролет девять суток. Девять ночей не спал, месяца два дома не ночевал, забегал только сменить белье иногда. На мне была сверх всяких обязанностей ответственность за хозяйственную часть. Пекари в нашей столовой работали день и ночь. Кормили мы весь район. Были даже опасения, чтобы какой-нибудь отравы не подбросили. Везде нужно было ставить своих людей. От завода почти до самой военной тюрьмы к кадетским

плацам наши рабочие вместе с другими рыли окопы.

Приходили по всем делам к нам в заводской штаб. Спросишь: «Ели?» — Ответят: «Нет». Поставишь ведро щей, поедят и пойдут. Щи мы доставали из столовой. Столовую в это время мы взяли целиком в свои руки. Учет всему, что выдавали, вел Крысяков. Без наших записок из столовой ничего не имели права выдавать — порядок был полный. Кормили мы человек до пятисот в день. Каждый красногвардеец получал у нас ежедневно белую булку, определенное количество хлеба и чаю сколько угодно, обедали только вечером.

Настроение у рабочих было сознательное. Часто приходили рабочие и просили: «Дай винтовку!». Во время боев столовая была битком набита большей частью нашими рабочими. Все считали себя мобилизованными, обязанными немедленно выполнять боевые приказы. Придешь, бывало, в столовую, скажешь: из района требуют 300—400 человек, столько-то мужчин, столько-то женщин, — сейчас же наперебой шли. Рабочие всегда были готовы к бою. Нужно было всех вооружить, а оружия не хватало.

Перед нами была еще одна серьезная задача — привлечь на свою сторону солдат, в первую очередь 85-й полк из соседних Астраханских казарм. Это дело было поручено райкомом мне, Малькову и др. Мы должны были также взять оттуда оружие для рабочих. Солдаты долго не решались, боялись офицерства. Были офицеры, которые накануне боев грозили расстрелом солдатам за желание поддержать большевиков. Мы выявили потом 8 таких офицеров и их арестовали. Помогло нам сильно и то, что многие солдаты, человек 30—40, из полка и до этого к нам часто на собрания ходили, и мы у них бывали, связь была уже налажена. В конце концов весь полк пошел за нами. Но в конце концов солдаты постановили: свергнуть Временное правительство, идти в бой за власть советов, передать все оружие в распоряжение Рогожского ревкома.

Нам удалось вооружить этим оружием человек 500, которые днем и ночью были в нашем распоряжении. Теперь и связь

живая была и опытные солдаты-боевики были у нас. Успех, ясно, был за нами.

В эти же два-три дня мы усиленно следили за движением юнкеров, кадетов, — наши отряды были в засаде около сахарного завода, по Садовой, выше к Курскому вокзалу, около Николо-Ямской (недоходя Яузы) и в других местах. Здесь нам удавалось иногда целыми автомобилями белогвардейцев захватывать. Непосредственно в распоряжении заводского штаба было постоянно человек полтора наших рабочих, не считая тех, кто был передан в распоряжение ревкома. Внутренняя охрана завода была теперь исключительно из наших. Надо было быть очень бдительными. Кадеты иногда зарывались. Как-то совсем близко к заводу подошли, некоторые даже в ящики забрались, что от интендантских складов около завода валялись, чуть меня не ухлопали. У меня мальчишки-«секретчики» были, сообщил через них куда следует. Задали мы жару кадетам, человек 18 уложили. По ночам мы поддерживали связь с районом еще и световыми электрическими сигналами.

Первый большой бой из пулеметов и винтовок был 27 октября утром. Юнкера были нами загнаны в кадетские корпуса. 28 октября дрались с перерывами. 29-го от винтовок и пулеметов перешли к оружейной борьбе. Мы в тот день утром с т. Дмитриевым обходили боевые места по заводу. Сначала снаряд ударил в старое железо. Когда мы подходили к мартеновскому цеху, другой снаряд, шагах в четырех от нас, прямо в трубу попал, в трубе и разорвался. Очень тревожен был для меня этот момент, никто меня не предупредил, что возможна оружейная стрельба, и я подумал, что кадеты совсем близко громят наш завод. Телефонная связь была прервана, связь с районом держали только через ребяташек. Через четверть часа и наши стали здорово бить.

Наши рабочие во многих местах в боях участвовали: брали Крутицкие казармы, Алексеевское военное училище, дрались на Варварке, занимали Кремль.

Нашими же отрядами были взяты Государственный банк, Волжско-Камский, Сибирский, они же дежурили на сторожевых постах. И в революционном ко-

митете и по партлинии отряды нашего завода пользовались доверием, считались одними из первых.

Не малую роль сыграла и заводская молодежь в Октябрьские дни. Но особой своей заводской организации у них не было. Уже после боев была организована комсомольская ячейка на заводе. Ячейка была хорошая. Редкий комсомолец не был членом Красной гвардии. Райком поручил мне руководить нашей комсомольской организацией, помочь ей в работе.

Во время боев не раз я подвергался опасностям, особенно во время обхода постов на заводе. Эти обходы я большей частью делал с т. Рыжовым.

Днем 28 октября за трубою кадетского корпуса мы заметили одного офицера, который смотрел в бинокль. Я с Рыжовым через конюшню поближе подобрался. Рыжов офицера из винтовки убил. На нас — из пулеметов. Мы — катком. Еле спаслись. Меня слегка поцарапало по пятке.

Другого офицера мы изловили с Рыжовым на улице при обходе завода. У забора, как раз против мартеновского цеха, попался он нам, пьяный был. У нас был карабин и смит-вессон. Мы к нему:

— Стой! Руки вверх!

Он на нас с браунингом. Выбил я у него браунинг. Как тогда же не уложил, не знаю. Тут поднял он руки. Обезоружили мы его — и в завком. Допросили. Оказался сыном какой-то домовладелицы из Новой деревни, должен был сознаться, что участвовал в белогвардейских отрядах, в вооруженной борьбе против нас. Стали дознаваться у него, сколько сил у белогвардейцев, как там все обстоит, он ни о чем нам не рассказывает. Тут все красногвардейцы стали кричать: «Даешь расстрел!».

По решению нашего заводского штаба его тут же расстреляли. Потом уж район санкционировал.

В заводууправлении у нас тоже открытые враги нашлись. Числа 27 или 28 октября при обходе завода стреляли по нас из конторы, проходили мы недалеко, около ворот, где будка сейчас. Устроен был нами повальный обыск — у дирек-

тора отобрали смит-вессон, у Зайцева— две винтовки. Больше оружия не нашли.

Большую борьбу пришлось нам провести в Октябрьские дни и после них с жульем. Как-то ночью, кажется, на 28 октября, приходит к нам старичок из ночной чайной и говорит:

— Очень много жулья у нас. Секретно, тайком говорят, что пойдут громить магазины в Рогожском районе.

Позвонил я Федорову в комиссариат. Прислал он отряд милиционеров, да я человек 80 дал. Дело было действительно серьезное. Воры приступом стали брать мануфактурный магазин Маркелова. Двух мы тут же ухлопали, остальные разбежались, десятка полтора потом еще поймали. Банды эти были быстро ликвидированы в Рогожском районе. После Октябрьских дней большая банда была в Тетеринском переулке, с ними справились с трудом. Однажды с 4 до 10 часов мы вели с ними настоящий бой. Крысяков бросил бомбу. Тут они сдались.

Эсеры заводские в Октябрьские дни не играли никакой роли в завкоме. С 28 октября я был здесь фактически председателем. Лебедев вначале вел себя непонятно, неопределенно. Тайком говорил по телефону с заводоуправлением. Слушали мы как-то его разговор с Вейцманом. Лебедев говорил Вейцману:

— Большевики глупо делают. Дело они провалят.

Мы решили обезоружить Лебедева. Представители нашей Красной гвардии — Егоров, Рыжов, Крысяков— требовали его ареста. Но он был избранным председателем. Ревком был против его ареста, и я поэтому не арестовал его. Отняли мы револьвер у него. Он подчинился и ушел и не появлялся почти до самых выборов. Другие эсеры отсутствовали. Арапов еще до боев был послан нами за топливом.

Бои закончились. Мы победили.

ВОСПОМИНАНИЯ КРАСНОГВАРДЕЙЦА Е. П. СИЗОВА

Во время свержения царя у нас на Трехгорной м-ре было хорошее настрое-

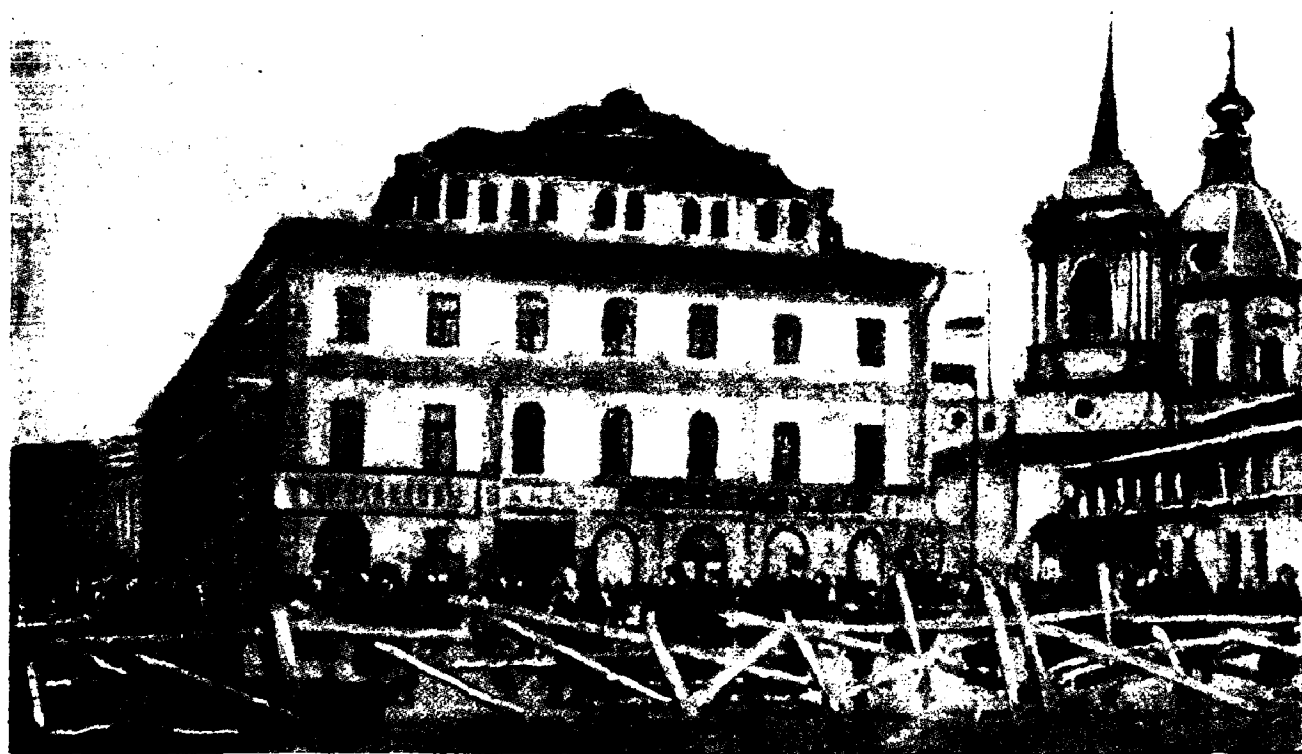
ние. Митинги устраивали на кухне. Какую-то старуху с цветочками к нам привозили. С автомобиля прямо в кресло пересадили. Седая. Брешко-Брешковской, кажется, называли. Я ее не слушал и внимания не обращал. Мы еще смеялись: я сказал, что какую-то богадельню к нам привезли, молодых хватит; боголюбская богородица какая-то!

Незадолго до Октябрьской революции я записался в отряд Волкова. Он собирал молодежь, чтобы разоружать юнкеров. После этого прошел я на фабрику. Иду. Сидят Волков, Меркулов. Спрашиваю: «Ну как, меня записали? Когда же выступать?»

Числа 25 октября мы на автомобиле-полугрузовике поехали к ходынским казармам: Юшка-матрос, Пышкин Андрюшка, Шмелев Васька, Мороз Гаврюшка; этот—старый солдат, но очень пронырливый, бил без промаха, как где ни приложится — ваших нет; был Щиграш и я. По пути наш автомобиль был освещен. Едем. Вдруг с бегов из пулемета юнкера на нас целить стали. Мы заволновались. Хотели бежать в дом; пуля не попадет, стена кирпичная, не пробьет. Мороз Гаврюшка нас удержал. Приехали. Прямо в казармы влетели. Нам нужно было вручить пакет. Стояла там I запасная артиллерийская бригада. Пока разыскивали, кому вручить пакет, спрашивали солдат: «Как тут у вас насчет винтовок?» — Они говорят: «Чего винтовок? Вот берите пушки, берите лошадей, все, что хочешь. Нам скорей домой нужно, скорее домой поехать». Но кое-кто из солдат решил поехать с нами на фабрику. Винтовки мы привезли. Каждый на ночь получил себе винтовку и по нескольку штук патронов. У меня был еще наган. Я его снял там в батарее.

Когда я пришел домой, то мать начала меня ругать: «Что тебе больше всех нужно?». И рабочие, которые в одной квартире с нами жили, тоже давай ругать: «Дурак, — говорят, — жизнь тебе, что ли, надоела; изо всех форточек пули летят». Я сказал, что это дело будет наше.

Утром за мной зашли Гаврюшка и Вильгельм (кличка). Малый был такой

Баррикады на Арбатской площади в Москве в Октябрьские дни

отчаянный, боевой, никогда ни над чем не задумывался.

Утром мы пришли в штаб. Волков и Малинин говорят нам: «Вы, огольцы, наверно, для мебели себе винтовки-то взяли? Надо на посты становиться, что-нибудь делать».

Мы пошли на Кудринку. Решили войти во 2-й Пресненский район (б. участок); там тоже был своего рода штаб. Смотрим — стоит очередь на запись на посты. 2-й Пресненский район уже два дня до нас, до 1-го Пресненского, участвовал в перестрелке, а мы все еще ждали какой-то бумажки, когда выступить.

Мороз Гаврюшка и говорит: «Пойдемте во 2-й Пресненский, там, наверное, не ждут бумажек». Записались. Тут же сделали разбивку, кто куда.

Мы четверо — Гаврюшка, Мороз, третьего не помню и я — пошли на Никитскую. Тут вечером завязался бой на Тверской. Один товарищ, фамилии не помню, говорит: «Потихоньку снимайтесь и идите на Поварскую». Тут же вечером влетели кое-какие ребята. Говорили, что юнкера в тыл к нам зашли. А мы и не знали, что это такое. Мы знали, что они с чердаков лупят по нас. Потом говорят: «Броневи́к идет». Я и понятия не имел, что это такое — броневи́к. Тут крик-

нули: «Ложись!». Я испугался. Сильно он (броневи́к) лупил по нас, еще пулемет с колокольни на никитской церкви чертил по нас. В Шелопутьевской стояла наша батарея. Привезли пушку на Кудринку. Пушка (трехдюймовая) била по Поварской, по Никитской и по Арбату. Там, на Арбате, юнкерская школа была.

С вечера, как стемнело, опять пошли на посты. Простояли мы часов до двух. Привезли юнкеров. Помню, спрашиваем их: «Небось из рабочих или крестьян?». Они нам отвечали, что они тут не при чем: служба. Тут из штаба говорят нам: «Довольно с юнкерами, нужно дело делать». И мы с Гаврюшкой отправились на посты по Никитской к Страстному бульвару.

Гаврюшка говорит: «Давай пойдем во 2-й Пресненский». Я еще сказал: «Ты, Гаврюшка, больше понимаешь, а я ни черта. Может, и будет в самом деле бой, тогда нам не пробраться». Пришли во 2-й Пресненский. Здесь нам встретился Тетюля Васька, Мишка Медведь, Киселев Ванюшка, — все из складальни. Спрашивают: «Вы откуда, братки?». Рассказываем, что батарею встретили. А они говорят: «И у нас здесь батарея, можно сказать, что мы ее сюда притащили, Привезли из 1-го Пресненского».

Вечером узнали, что юнкера в Кремле прижали 55-й и 56-й полки, что над этими полками они зверски измываются. Был слух, что они, солдаты, перешли на сторону большевиков и за это офицеры и юнкера над ними измываются. А хороших людей, наверно, уже всех уничтожили. Здесь нам ребята сказали несколько слов, чтобы освободить от юнкеров эти полки. «Вот, — сказал Волков, — с Сухаревки идет Сирота (командир дружины) на Кремль, они заняли банк, телеграф. И нам нужно, — говорил он, — не только Поварскую, Никитскую и Новинский бульвар охранять, а нужно вот что: двинуться ближе к Кремлю. Мы почти на одном месте стоим. Что же тут особенного?»

Мы, молодежь, несколько человек собрались, и Волков нас под руководством одного товарища двинул на Кремль. Но как только стали по нас палить, мы все к чорту рассыпались. Несколько человек, и я в том числе, добрались до «Метрополя». Хотели добраться до Кремля. От «Метрополя» мы вернулись назад. Стоят красногвардейцы, спрашивают: «Вы откуда? Может, кадеты?». Тут говорим: «Со всех сторон: с Трехгорки, с Тильманса, со Шмидта». «Ну, — говорят, — идите».

Пришли к себе, во 2-й Пресненский участок (участком еще его называли: раньше здесь участок был). В этот же день был очень сильный оружейный огонь. Лупили наши, била наша батарея. Если бы мы не проплутали, то, может быть, участвовали бы в наступлении на Кремль.

На ночь нас направили на посты. Ходили по Никитской, всю исходили, на Поварскую, по Садовой до Малой Бронной,

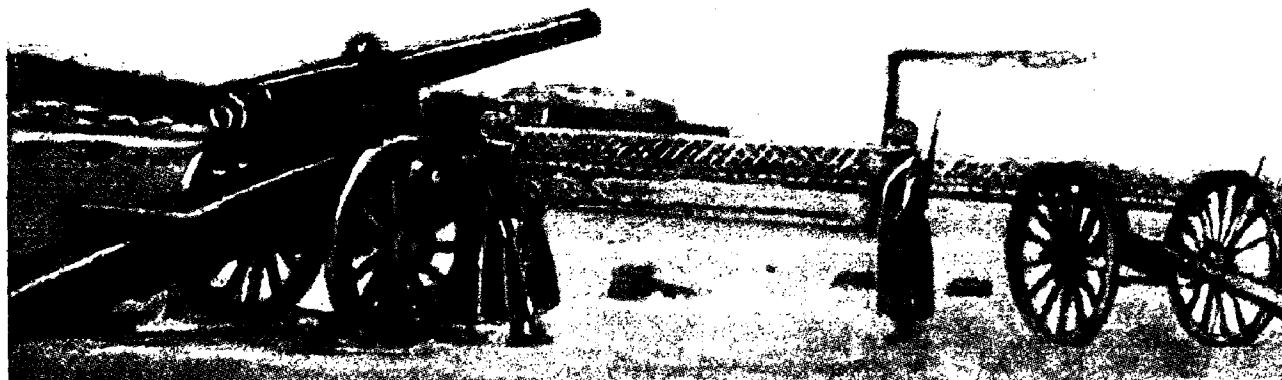
через Патриарший пруд, по Новинскому бульвару. Тут дом был — граф жил. Сейчас живут в этом доме рабочие, а раньше к нему и близко не подпускали нашего брата. В этом доме нас инструктировали: «Если увидите огонь в домах, то берите на прицел». Мы здесь ходили трое: Юрков (сын), Васька Тетюля (Пронин) и я. Около 12 час. приходит один товарищ: «Кончили. Юнкера сдаются».

Один товарищ привез депешу и говорит: «Юнкера сдались, перемирие. Наши на совесть дня два колотили. Будь кто хочешь — сдайся. Огонь по юнкерам был чертовский».

После этого у нас один всадник только выехал, его подстрелили из форточки. Пошли мы потом по домам, по чердакам, по гардеробам лазить, юнкеров искать. Найдем юнкера, в комиссариат ведем. Походил я здесь полдня с обыском и решил с ребятами пойти посмотреть Кремль. Сговорились несколько человек. Пошли прямо в ворота против Исторического музея. Интересно было посмотреть, что было с полками. Пошли из казармы в казармы; встречались солдаты и рассказывали, что им очень плохо было; рассказывали, как измывались над ними: шелухой от картошки кормили. Мы спрашивали солдат, много ли у вас здесь было юнкеров. Говорят, что до чорта их было.

В Кремле в это время был большой митинг. Там выступал Жаров, теперь заведующий Краснопресненским истпартом, и, мне помнится, Ярославский.

После мы двинулись к себе на Пресню. По пути заходили в дома, искали, не попадется ли кадет или полковник. Дорогой перед обыском уговаривались: «Ребята, при обыске ничего не брать, а то самих в расход выведут». Были случаи

Орудие, из которого производился обстрел Кремля

грабежей под предлогом обысков, таких ловили и расстреливали. Мы шли и заходили в тот дом, в какой придется. Шли под предлогом поисков таких-то.

Спустя недели полторы ребята говорят, что набирают добровольцев в I запасную батарею. Условия: 50 руб. жалованья, обмундирование и требуется из документов только один паспорт. «Поедемте», говорят ребята. Пришли. Приняли. Отдали паспорта. Пошли добровольцами: Вильгельм, я, Шурка Шведов (убили этого малого под Царицыном), Мишка Медведь (в старую армию добровольцем пошел и здесь добровольцем. Он такой летный был парень. Помер в 1920 г. Два ордена Красного знамени имел).

Потом пошли слухи о создании фронта. Какие-то, говорят, чехо-словаки появились, в котелках золото и серебро носят. Мы тут промеж себя поговорили и решили ехать на фронт. Здесь воевали, а что же там, не сумеем, что ли? Только бы отпустили. Ребята говорят: «Давайте напишем заявление». Командир дал разрешение, говорит: «Не возражаю, ребята. Можно: ехайте». Так именно и сказал.

Мы поехали, попали к Жлобе и дрались под его командой.

ВОСПОМИНАНИЯ О 1917 г. РАБОЧЕГО П. В. ВАСИЛЬЕВА

Весь 1917 г. работал на производстве на Трехгорной м-ре и одновременно был членом Московского совета. Я был выбран членом Московского совета с самого начала Февральских дней.

Как только произошла Февральская революция, мы все, рабочие, принимали участие в демонстрации. Потом приходим на фабрику после двух часов демонстрации, слышим разговор — по цехам идут выборы в члены Моссовета. Так как я работал в механическом цеху, то отправился избирать депутата в механический цех. Я немного запоздал к началу и когда пришел, то весь народ был в сборе. Собрание идет. Слышу говорят: «А, Васильев пришел». К моему приходу

выбрали уже одного—Шорнина, но когда я пришел—сказали: «Давайте лучше Васильева». Шорнин тоже сказал, что я позадористее, стали меня уговаривать, я согласился. После выборов я получил как рабочий делегат мандат за соответствующей подписью. Тогда я еще не был членом партии большевиков.

Вскоре после того как произошли выборы в Московский совет, мы все собрались на предварительное заседание для того чтобы итти на первое заседание пленума Московского совета. Собрались товарищи всех прилегающих заводов. Мы должны были выделить тех товарищей, которые останутся в районном совете, а остальных направить для работы в Моссовет. Меня отправили в Моссовет.

Первый пленум Моссовета происходил в бывшей городской думе.

Пришли мы на это заседание, как водится, с пением. От нашего района пришел Амосов с завода санитарной техники (он был эсер), от Трехгорной м-ры пришли Меркулов (большевик), Комонов, Гордеев и я. Как я уже говорил, я тогда был тоже беспартийный. На этом пленуме председателем Совета был избран Хинчук.

Первым вопросом повестки дня пленума стоял доклад о ходе революции и ее успехах. В то время еще не во всех городах тогдашней России победила революция. На пленуме зачитывали телеграммы о ходе революции, о переходе на нашу сторону войск, о революционном настроении масс и т. д. Затем были произведены выборы исполнительного комитета. Когда стали производиться выборы, старые члены различных партий начали беспартийных членов Совета обрабатывать и уговаривать голосовать каждый за свою партию. От партии большевиков, помню я, прошли тт. Ногин и Смидович. Остальных я не помню. За нас взялся Меркулов. Он нам советовал: «Голосуйте за таких-то и таких-то» и назвал нам видных лидеров большевиков. Наши голоса были отданы этим кандидатам, мы голосовали за них. Я очень охотно отдал свой голос за большевиков и вот почему. Меркулов был у нас большевик, а я еще бес-

партийный. В 1905 г. он участвовал в восстании вместе с большевиками. Я жил вместе с ним на одной квартире, держал с ним связь, до известной степени его влияние на мне сказывалось.

Вскоре после выборов на фабрике стали появляться революционеры всех партий: меньшевики, большевики и эсеры.

На одном из собраний, где выступали одновременно и большевики, и эсеры, и меньшевики, был поставлен вопрос о привлечении рабочих в партию. Помнится мне, что тогда все рабочие-большевики и сочувствующие большевикам собрались на маленькой кухне; это было постоянным местом заседаний большевиков. Эсеры же завладели большой кухней и там открыли запись в свою партию. Меньшевики тоже где-то устроились, но надо сказать, что они никогда, несмотря на все их усилия, не пользовались симпатиями рабочей массы.

Скоро после этого партии начали работу в спальнях. Большевики делали доклады о революции, о программе большевизма и стали привлекать рабочих в партию. В скором времени с нашей фабрики записалось в партию большевиков человек двадцать.

Районный партийный комитет (и в частности М. М. Костеловская) повели среди нас работу. С нас регулярно взимались членские взносы, давалась литература и т. д. Через некоторое время стал у нас появляться Аркадий Крумин. Он нам регулярно читал лекции. Эти лекции охотно посещались нами и всех нас интересовали. В этих лекциях ставились вопросы о том, что представляет собою та или иная партия, как вести работу и т. д.

Надо сказать, что к тому времени некоторые рабочие, особенно малосознательные женщины, совершенно не разбирались в партиях. Они не имели никакого представления о том, кто такие на самом деле большевики, меньшевики, эсеры и т. д. Некоторые считали даже, что большевики — это значит зажиточный класс людей. Помню, как и ко мне приходили некоторые женщины и говорили: «Как это тебе не стыдно, Василий Михайлович, записаться в та-

кую партию зажиточных?». Что же касается служащих, они всюду и везде кричали, что большевики — это шпионы, что Ленина привезли в запломбированном вагоне, что его никто не хотел пропускать, только Германия решилась это сделать для того, чтобы большевики здесь вели разлагающую кампанию против союзников.

Большинство наших рабочих-депутатов не уделяло много времени Московскому совету. Главное внимание рабочие уделяли тогда фабрике. По линии Московского совета у нас регулярно работал один только Меркулов, который информировал нас о работе Московского совета. Вообще с нами приходилось вести большую работу, потому что, надо в этом прямо признаться, тогда только что вступившие в партию большевики представляли для партии совершенно сырой материал. Правда, вскоре нам уже стали давать кое-какие задания. Так, например, помню, нам дали задание вести агитацию против войны. Это была наша главная работа. Мы постоянно, где только могли и как могли, агитировали против войны. Через некоторое время мы стали разбираться, что собою представляют партии и какие цели преследуют. С эсерами нам приходилось постоянно выдерживать большую борьбу. Эсеры играли, главным образом, на том, что большинство членов их партии — это старые рабочие, участвовавшие в революции 1905 г. На этом основании они заявляли нам, что эсеры истинные и большие революционеры, служащие интересам трудового народа, а что касается большевиков, то эсеры постоянно кричали, что большевики в революции 1905 г. никакой роли не играли. Нас они называли «мартовскими социалистами», кричали, что мы ничего не знаем и т. д. Меньшевики тогда, повторяю, никакой роли не играли несмотря на все их усилия.

Партийный комитет дал прямое задание — пользоваться всяким скоплением людей для агитации. И действительно, если мы видели, что собралось 10—15 чел., мы тут же подходили, некоторое время прислушивались к разговору, а потом вступали в спор. За Пресненской заста-

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
КОМИТЕТЪ
С Р И С Д
Особого воина.
Телефон

Москва, Февраль 8 1917

Центральному Военно-
Фабричному Комитету.

Иноварен, Военно-Фаб. Ком. Рогов-
ский! Района добродетель до Военно
авторитет и следующее.

И нам явилось предложение, с тем, чтобы
разговориться с оратором, в котором он
говорит, что

- 1) Везде или выразили из Центрального
комитета какие-то важные моменты.
- 2) Все комитеты и заводской комитет
или это говорились болельщиками, чтобы
придать им больше энергии.

Е. М. прот. Комитет. Февраль

вой постоянно собирался народ, и мы постоянно принимали участие в разговорах. Споры разгорались ожесточенные. Иногда дело чуть ли до драки не доходило. Сначала мы все в своем районе орудовали, а через некоторое время получили задание ходить в центр города. В те времена постоянно митинговали на Тверской, на Тверском бульваре и на Страстном бульваре. Там собиралась учащая молодежь, молодое офицерье, и там можно было наслушаться всевозможных разговоров.

Выступали там представители различных партий, одни вели агитацию за войну, другие против и т. д. После окончания работы вечером мы отправлялись в центр и там оставались до глубокой ночи. Видим — стоит кучка народа. Мы подходим. Раньше прислушиваемся, а потом постепенно начинаем принимать участие в разговоре. Иногда нас слушали охотно (если в этой толпе были наши сторонники), иногда поднимался ожесточенный спор и нас гнали. Но в общем слушали большевиков с интересом.

Интересным моментом был вопрос о восьмичасовом рабочем дне. Сразу после Февральской революции наша фабрика

перешла на восьмичасовой рабочий день. Но эсеры вскоре стали вести агитацию за переход на девятичасовой рабочий день. До пасхального перерыва фабрика работала восемь часов, а после пасхального перерыва вопрос о рабочем дне стал очень остро. К этому времени эсеровские фабрично-заводские комитеты повели усиленную кампанию за девятичасовой рабочий день. По этому поводу однажды было собрано собрание рабочих, где произошло что-то вроде митинга. Мы опоздали к началу: были на заседании партийного комитета на учебе; кажется, Крумин тогда выступал у нас. Подходим и видим, что ораторствует эсер Шамбуров. Он уговаривал рабочих перейти на девятичасовой рабочий день. Аргументировал он тяжелым положением страны, которая очень нуждается в изделиях. Фабрика наша работала, главным образом, на военное ведомство, изготовляла обмундирование защитного цвета и т. д. Оратор доказывал, что нам необходимо перейти на девятичасовой рабочий день для того, чтобы помочь государству, а кроме того за лишний один час будут платить; таким образом, рабочие и себе материальную выгоду получают и государству пользу принесут. Эти разговоры внесли некоторую сумятицу в рабочую среду. Некоторые уже поколебались и как будто были готовы к тому, чтобы согласиться на такое предложение. Тогда я взял слово, выступил и заявил: «Знаете, товарищи, если вы уже действительно хотите государству пользу принести, то работайте не 9, а 10—12 часов. В таком случае и для государства будет лучше и для себя больше получите. А кроме того вы еще одну пользу получите, что 10-11 часов к вам никак не прилипнет, а девятичасовой рабочий день скоро войдет в обычай и вы потом с ним бороться не сможете». Кроме того я рабочим заявил, что если они желают улучшить свое материальное положение, то одним часом работы этого они не добьются, а лучше пойти к хозяину с требованием повышения заработной платы. Рабочие, услышав мои речи, согласились со мной и подняли крик: «Не хотим работать девять часов, а хо-

тим восемь часов». Так девятичасовой рабочий день у нас и не прошел.

Вскоре после этого подошел ко мне тогдашний председатель фабкома Шамбуров и говорит: «Ах, Василий, Василий, ты же свой парень, зачем же ты против нас пошел. Ведь мы же тоже за восьмичасовой рабочий день». Я ему ответил, что если он за восьмичасовой день, то нечего рабочим предлагать девятичасовой. Словом, предложение о переходе на девятичасовой рабочий день провалилось. Мы продолжали работать восемь часов.

Настроение рабочих в начале революции было совершенно определенное. Они хотели улучшить свое экономическое положение. К этому они стремились всеми путями. Когда произошла революция, они все ожидали, что вот-вот наступит улучшение. Между тем революция произошла, а улучшения все не было. В сущности говоря, никаких изменений по сравнению с прошлым не было, за исключением сокращения рабочего времени. Страна страдала от войны, приходилось испытывать всякие затруднения с продовольствием. Мы стали вести агитацию в таком духе, что вот, мол, положение не улучшается и что партии, стоящие у власти (меньшевики и эсеры), не способны улучшить положение рабочих. Мы призывали рабочих к борьбе за улучшение их положения. Так прошло время до самого октября месяца. Тогда уже значительная часть рабочих была на нашей стороне. Но все-таки слишком большого увеличения рядов партии большевиков не было. В нашу партию вошла сравнительно небольшая кучка рабочих. К Октябрьской революции едва ли можно насчитать по нашей фабрике больше чем 60 чел. членов партии.

Я был членом Московского совета вплоть до самой Октябрьской революции. После последнего пленума Моссовета мы разошлись по районам, с тем чтобы приступить к вооруженному восстанию. Надо сказать, что за несколько времени до вооруженного восстания ставился вопрос о необходимости вооружения рабочих. Этот лозунг был выдвинут партией большевиков. Большевики и эсеры были против этого лозунга.

Они говорили, что надо вооружать фабкомы, а фабкомы были почти целиком эсеровские. Между тем рабочие стали скупать оружие. Солдаты с Ходынки стали продавать револьверы, а рабочие стали их приобретать. Я приобрел себе оружие таким же образом. Узнав об этом, эсеры стали призывать к тому, чтобы сдать оружие фабзавкому. Некоторые рабочие пошли на эту удочку и стали сдавать оружие фабрично-заводскому комитету. Помнится мне, что в наш фабзавком принесли таким образом штук 15—20 револьверов. Это было в августе месяце, уже после Государственного совещания. Эсеры орудовали через солдатскую массу, а главным образом, через георгиевских кавалеров. Надо сказать, что большое количество георгиевских кавалеров примыкало к партии эсеров. Эсеры этим пользовались, они приводили этих солдат на рабочие собрания и выпускали их с речами. Георгиевские кавалеры, примерно, так говорили, что вся армия состоит из рабочих и крестьян, вообще из народа. Таким образом, несколько миллионов человек рабочих и крестьян вооружены. Кому же еще, спрашивали они, доверить защиту революции, если не солдатам, которые с первого же дня революции перешли на сторону народа? А сейчас вы требуете, говорили они, еще для кого-то вооружения. Выходит, что вы не доверяете солдатам. Конечно, такими речами они многих рабочих убеждали. Тем не менее лозунг вооружения рабочих встречал сочувствие. Помнится мне, на одном из пленумов Московского совета этот вопрос был поставлен на обсуждение. Для того чтобы этот лозунг провалить, оборонцы устроили совместное заседание совета рабочих и солдатских депутатов. Пленум высказался против вооружения рабочих. Тогда наша партия выдвинула лозунг как можно более тесно связаться с солдатами, вести среди них агитацию, связаться поближе с советами солдатских депутатов. Как раз в конце сентября или в начале октября произошли переборы в советы солдатских депутатов. На этих собраниях большинство голосов получили солдатские депутаты, большевистски настроенные.

В Октябре 1917 г.

Худ. П. М. Шухмин

Вопрос о вооруженном восстании был решен на последнем пленуме Московского совета. В это время было слышно, что на фронте происходят солдатские восстания, а солдатские депутаты разгонялись начальством. Кроме того в Москву, в Бутырскую тюрьму прибыли знаменитые двинцы. Их там арестовали и привезли в московскую тюрьму. Большевики поставили вопрос об освобождении двинцев. Им было отказано. Все сознавали необходимость вооруженного восстания. Было вынесено положительное решение на объединенном заседании пленума рабочих и солдатских депутатов. На этом пленуме громадное большинство получили члены совета — большевики.

После пленума Московского совета мы получили указание разойтись по районам и приступить к организации боевых дружин. Мы разошлись организованно, прошли все демонстрацией до здания теперешнего Московского совета, где помещался исполнительный комитет, а затем разошлись по районам. От большевиков тут был Ногин, Покровский М. Н., Смидович и целый ряд других товарищей.

Когда мы пришли в район, мы стали подсчитывать наши силы. А надо сказать, что силами мы были далеко небогаты как количественно, так и в смысле вооружения. Мы сразу пошли в фабрично-заводской комитет Трехгорки и потребовали, чтобы он начал составлять дружины. Мы созвали заседание дружин. Первыми на заседание явились боевые дружины с завода б. Тильманса. Там были многочисленные боевые дружины, состоявшие из членов партии большевиков и молодежи.

Как происходило начало вооруженного восстания у нас на Пресне? Первым делом мы решили организовать штаб. Мы создали штаб и установили дежурства. В штаб вошли Гриша Беленький, Слесарев, Коган, Меркулов и Александров. Штаб находился вначале в Предтеченском, а потом в Б. Трехгорном пер. Но потом мы решили, что здесь штабу находиться опасно, и его перевели на завод б. Тильманса. Там штаб пробыл несколько дней. После того как штаб был организован, мы начали собирать свои силы. Мы решили сразу же захватить б. 14-е отд. милиции. Для этого мы для связи послали туда двух женщин. Мы нарочно послали женщин, потому что если бы пошли мужчины, то милиция просто бы их арестовала, а женщин она не арестовывала. После этого мы установили дежурство в фабкоме. Главным образом мы ходили по районам ночью. Мы отправились ночью на Ходынку и попросили дать нам оружие для стрельбы. Нам не хотели дать, мотивируя это тем, что наши дружинники обращаться с оружием не умеют, могут только напортить, испугаться и разбежаться. Главной ареной наших действий был Арбат и Никитская. Здание Московского совета было захвачено двинцами и рабочими дружинами. Нам было предложено связаться с Московским советом, а также с Хамовническим районом. Я был вызван для связи и на второй или на третий день отправился в Московский совет. Здесь я встретил Костеловскую и Муралова. Я их проинформировал о положении в нашем районе. Я рассказал, в каком состоянии нахо-

дится вербовка боевых дружин. Мне было предложено приступить к действиям. Мы вели наступление на юнкерское Александровское военное училище. Но у нас вербовка дружин происходила медленно. Для усиления нам выдвинули Меркулова, Рыкунова и Златоверова. Но вооружения у нас было очень мало. Мы без оружия ничего не могли сделать. Тогда мы решили опять обратиться за помощью к артиллеристам на Ходынке. Послали туда Меркулова и Слесарева. Они поехали на Ходынку и вели там переговоры. Но орудий нам не дали на том основании, что наши рабочие дружинники не умеют из них стрелять и для артиллерии нет прикрытия из пехоты. После этого решено было отправиться в хамовнический 53-й полк. Там нам прислали подмогу. 53-й полк выделил из своей среды нам роту. Меркулов привел эту роту к нам. Потом он отправился на Ходынку и сообщил там комитету, что пехотные солдаты пришли. Орудия дали. Комитет дал распоряжение выступить. Мы ударили, главным образом, по ул. Воровского (б. Поварская) и по Никитской. Это была главная арена нашего

действия. Там где-то засел юнкерский штаб. Нам обязательно нужно было выискать его местонахождение. Мы посылали на разведку ребят, так пареньков лет 12—14. Это народ по природе очень любопытный, везде беспрепятственно проходил и очень много нам помогал. Они пришли и заявили, что на Поварской в церкви Бориса и Глеба сидит много офицеров. Мы сообразили, что это и есть штаб, и ударили по нему как следует. Мы обстреляли эту церковь из пулемета, и юнкера покинули церковь. После этого сопротивление на Поварской прекратилось, юнкера отступили к юнкерскому училищу.

После этого мы перешли к наступлению на Никитские ворота. Одновременно мы шли к Московскому совету. Здесь вел дружину Златоверов. Мы одновременно наступали на Никитские ворота, Арбатскую пл. и шли к Моссовету.

Мое личное участие было такое. Я держал связь с Моссоветом и районным советом. Я снабжал оружием рабочие дружины.

Мы вели наступление совместно с Хамовническим районом. Юнкерское училище мы здорово обстреляли. Особого

Накануне Октября. Митинг у памятника Скобелева в Москве

сопротивления они под конец нам уже не оказывали. Под конец они договорились с нами сдаться, с тем чтобы мы их отпустили на свободу. Это была, несомненно, ошибка со стороны московской организации. Вскоре после сдачи часть юнкеров подалась на юг, уехала по Брянской, по теперешней Киево-Воронежской жел. дор. и участвовала позднее в боях против советских отрядов на Дону и Украине.

После того как мы забрали училище, наше дело как-будто на этом окончилось. К этому времени в нашем районе бои прекратились, как раз в это же время был сдан и Кремль.

Во время восстания было, конечно, очень много интересных моментов. Но тогда все наши мысли работали только в одном определенном направлении. Все, что было вокруг, мы не замечали, поэтому многое стерлось в памяти.

Баррикады

А. И. Кравченко

А. ПАНКРАТОВА

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЗАВОДОВ

Постановление ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. поставило изучение прошлого пролетариата СССР и его борьбы за социалистическую фабрику как одну из важных и актуальных задач, стоящих перед партийной и советской общественностью Советского Союза.

Уже четырнадцать лет рабочий класс СССР строит на протяжении одной шестой части земного шара социалистическое хозяйство и общество. Постройка гигантов социалистической индустрии вызывает небывалый рост пролетарских кадров. Сотни тысяч новых пролетариев вступают в ряды строителей социализма. От степени их сознательного и активного участия в строительстве в огромной степени зависят успехи социализма. Только тогда, когда миллионы строителей будут ясно и конкретно представлять себе задачи и цели своей напряженной героической борьбы и работы, когда они будут знать, каким длинным и трудным путем шел пролетариат от капиталистической каторги (какой была его фабрика) к социализму,— только тогда массы могут развернуть сознательную и творческую работу, инициативу и энтузиазм в своей работе и борьбе за социалистическую фабрику. Вот почему знание своего прошлого так необходимо пролетариату для строительства настоящего и будущего. «Для того чтобы понять, — писал М. Горький в своей статье «История фабрик и заводов»,—огромное значение своих завоеваний, своих хозяйственных успехов, рабочий класс должен знать и прошлое:

ту глубоко засоренную почву, на которой он начал строить свое новое государство».

И ЦК партии в своем постановлении об издании сборников по истории заводов—в соответствии с этой установкой—специально подчеркивает необходимость исторического подхода к изучению предприятий: «Сборники должны дать картину развития старых и возникновения новых заводов, их роль в экономике страны, положение рабочих до революции, формы и методы эксплуатации на старых заводах, борьбу рабочих с предпринимателями, бытовые условия, возникновение революционных организаций и роль каждого завода в революционном движении, роль завода и изменение отношений на заводе после революции, изменение типа рабочего, ударничество, соцсоревнование и подъем производства за последние годы». Это подчеркивание в решении ЦК необходимости и важности изучения истории фабрик и заводов и исторического пути рабочего класса должно поставить на новые рельсы и ту работу, которую уже около двух лет ведет по истории пролетариата и истории промышленных предприятий секция истории пролетариата при Институте истории Коммунистической академии.

Еще во время празднования своего шестидесятилетия М. Н. Покровский поставил перед историками-марксистами задачу изучения истории пролетариата СССР как задачу глубоко политическую и крайне актуальную. По инициативе

М. Н. Покровского в О-ве историков-марксистов и в Институте истории был создан организационный центр этой работы—секция истории пролетариата. За почти двухлетнее существование секция успела довольно широко развернуть свою работу, собрать выдержанные марксистские кадры, связаться непосредственно с предприятиями и организовать вокруг своей научной работы довольно большой рабочий актив. С помощью последнего было поставлено изучение истории в виде опыта пока только двух предприятий: Трехгорной м-ры и з-да «Серп и молот». Отдельные части этого исследования помещались в семи до сих пор вышедших сборниках «История пролетариата СССР». Обе монографии будут сданы в печать в конце настоящего года. По инициативе секции историческое изучение было расширено до рамок всестороннего изучения предприятия в прошлом и настоящем. С этой целью при Институте экономики была создана специальная комиссия по монографическому изучению промышленных предприятий, проведшая уже значительную работу по изучению состава рабочих (путем специальной переписи), техники, экономики, труда и быта рабочих этих двух предприятий. Секцией и монографической комиссией были разработаны общие и рабочие программы, а также методология и методика изучения отдельного предприятия.

Вся эта работа велась до сих пор довольно лабораторно и сравнительно медленными темпами. Постановление ЦК ставит Коммунистическую академию и ее отдельные научные организации перед новой организацией, новыми масштабами и иными темпами работы. Но опыт до сих пор проделанной работы должен быть учтен. Должны быть пересмотрены, обсуждены и опубликованы отдельные программы, рабочие инструкции по собиранию материалов, по работе над источ-

никами, должны быть—на основе опыта—разработаны основные методологические и методические указания и т. п. Научные организации Комакадемии, в первую очередь, должны помочь созданной ЦК комиссии и тем многочисленным активистам рабочим-добровольцам, которые, несомненно, откликнутся на постановление ЦК.

Дело изучения истории предприятий—весьма большое и сложное дело. Техника работы над заводскими архивами довольно трудна. Архивы, кроме того, находятся в крайне запущенном состоянии, а подчас и совершенно отсутствуют. Архивные источники порой приходится заменять или дополнять строго проверенными и научно-разработанными плановыми опросами. В секции уже имеются подготовленные специальной анкетно-биографической комиссией вопросники, анкеты и инструкции по опросу старых рабочих. Редакция «Борьбы классов» считает поэтому необходимым открыть специальный отдел «История фабрик и заводов», в котором будут помещаться как статьи, очерки и части монографий по истории предприятий, так и программы и руководящие статьи по вопросам методологии и методики работы над историей фабрик и заводов. В этом же отделе мы откроем «страничку консультации» для рабочего-исследователя, в которой будем давать ответы по существу вопросов и сомнений, возникающих в процессе работы.

В № 3-4 мы дали историю з-да АМО, написанную рабочим т. Шихеевым, в настоящем номере мы помещаем историю з-да «Серп и молот». На очереди Трехгорная м-ра, Путиловский и Сормовский з-ды. Секция просит товарищей, работающих по истории фабрик и заводов, связаться с секцией и редакцией «Борьбы классов» и присылать свои материалы и исследования для помещения в нашем журнале.

РАБОЧИЕ СОЗДАЛИ ЗАВОД, ОНИ ЖЕ И ДОЛЖНЫ НАПИСАТЬ ИСТОРИЮ ЕГО СОЗДАНИЯ,—ИСТОРИЮ СВОЕЙ РАБОТЫ.

М. Горький

В. МЕЛЛЕР

ИЗ ИСТОРИИ ЗАВОДА „СЕРП И МОЛОТ“

ОТ ПОДПОЛЬНЫХ КРУЖКОВ К БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ¹

Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится, как Иван Непомнящий, к истории своего движения.
(Л е н и н. т. XVII, стр. 354)

Завод «Серп и молот» — один из передовых гигантов социалистической стройки. Борьба за пятилетку в четыре года, напряженные большевистские темпы, бьющая ключем общественно-политическая жизнь объединяют весь четырнадцатитысячный коллектив з-да в стальную бригаду. Своей ударной работой под руководством коммунистической партии з-д «Серп и молот» дает резкий отпор всем нытикам и маловерам и строит новую социалистическую экономику, выкорчевывая последние остатки наследия прошлого.

История роста з-да, борьбы за большевистское влияние на з-де представляют исключительный интерес. Там, где около пятидесяти лет назад при царизме царил беспощадная эксплуатация капиталиста, где сначала черносотенцы, а потом эсеры свили себе, казалось, прочное гнездо, шло неустанное перевоспитание, та вывэрка в котле революции, которая дала нам тысячи ударников, тысячи стойких борцов, твердо проводящих генеральную линию партии.

Завод «Серп и молот» был основан в восьмидесятых годах XIX столетия. Основатель з-да, французский капиталист Юлий Петрович Гужон, начал работу с небольшого прокатного отделения, которое было открыто в 1883 г. на окраине Москвы у Рогожской заставы. В годы войны основной капитал акционерного т-ва завода был равен уже 6 млн. р., 15 губерний московского промышленного района на 85% снабжались металлом з-да Гужона. Главная заправка т-ва — Гужон, имевший к 1890 г. около 60% всех паев, во время войны

загребал баснословные барыши. За годы войны выручка с пуда выпущенного товара была увеличена сравнительно с 1913 г. на 48%. Владельцы же предприятия жаловались правительству на «непомерные требования рабочих» и на отсутствие прибыли, хотя из этой прибыли директора в 1916 г. получали ежегодные премии сверх годового оклада в сумме 317.414 р. Сами владельцы предприятия имели 15,03% чистой прибыли на вложенный ими в дело капитал в 6.879.986 р. 57 к.

Гужон был одним из сильных представителей капитала, с которым рабочим пришлось вести длительную и упорную борьбу. Тонкий политик, хитрый капиталист, гордившийся своим французским происхождением и называвший себя «гражданином свободной республики», Гужон сумел опереться на наиболее отсталые слои рабочих. Создавая себе кадры преданных сторонников, он умел во-время подкупить, приласкать, пригрозить; он заполнил целые цеха своими ставленниками и любимцами, охранниками и шпионами, которые поддерживали авторитет хозяина-благодетеля, выдавали наиболее передовых рабочих, гнали с з-да «крамольников», расправлялись кулаками, дубинами, камнями и ломом с забастовщиками.

Чтобы попасть на з-д, нужно было иметь протекцию родственника, земляка, приятеля, который мог бы порекомендовать мастеру хорошего, работающего, благонамеренного рабочего. Завод заполнялся крестьянами одних и тех же деревень, волостей, губерний — Смоленской, Тульской, Рязанской, Нижегородской, Московской.

К двадцатипятилетней годовщине декабрьского вооруженного восстания участники баррикад 1905 г., проработавшие на з-де по 25 и более лет, говорили в своем обращении к молодежи:

¹ Этот очерк представляет сокращенную главу научно-популярной монографии о заводе «Серп и Молот», подготовленной и печати комиссией по монограф. изучению промышленных предприятий при Институте экономики и секцией истории пролетариата Института истории Комкадемии.

Дом Молодцова, где рабочие завода собирались во время декабрьской забастовки 1905 г.

«В дореволюционное время мы жили и работали в невозможных условиях: взятки, могарычи и «вспрыски» при найме на з-д; унижения и оскорбления при выучке и получении квалификации; туманы, подзатыльники и площадная ругань за малейшую оплошность во время самой работы; бесконечные штрафы и вычеты; 10—12-часовой рабочий день и чрезвычайно низкая заработная плата; обшеты и обвешивание рабочих; постоянный шпионаж охранки — таковы были условия нашего каторжного подневольного труда». Приходилось рабочим нередко выслуживаться у начальства: и дров наколоть, и ванну истопить, и продсвольствие на дачу отвезти и т. д. Такие рабочие были на хорошем счету у хозяина и могли надеяться на дальнейшее продвижение, увеличение заработка, лучшее обучение и получение более высокой квалификации.

Работали на з-де больше вручную. «Основная масса рабочих, — писала большевистская газета 1905 г., «Вперед», — были неквалифицированные, необученные рабочие, сплошь и рядом не порвавшие связи с землей». До 1897 г. на заводе Гужона работали по 12 часов, в 1897 г. — по 11, в 1905 г. — по 10¹/₂; в ряде цехов приблизительно одна треть рабочих з-да работала по 12 часов вплоть до 1917 г. Черноработчие в 1887—95 гг. получали от 50 до 70 к. в день, работали без отпусков по 345 дней в год, выгоняли не более 20 р. в месяц, женщины и подростки за тот же труд получали еще меньше. Немногим больше получали рабочие и накануне 1917 г. Один из отсталых, полуграмотных рабочих, жалуюсь 24 марта 1916 г. председателю военнопросмышленного комитета Черногородцеву на получаемую им низкую зарплату, штрафы и вычеты, пишет, что готсь скорее итти на позиции, чем влачить жалкое, полуголодное существование на заводе. Такие заявления не являлись единичными.

Только небольшая часть квалифицированных рабочих получала больше чернорабочих раза в три-четыре. Повышения оплаты приходилось добиваться бесконечными унижениями, просьбами, месячными хождениями в контору, и в результате в лучшем случае прибавляли

10—20 к. в день. Рабочим в обязательном порядке приходилось работать сверхурочно. Штрафы и вычеты росли с каждым годом. Рабочие постоянно подвергались опасности увечий. Никакой спецодежды не выдавалось. Вентиляции не было (об охране труда рабочих Гужон думал меньше всего).

Внимательно относился Гужон только к высококвалифицированным рабочим и мастерам. Квалифицированных рабочих не хватало, их приходилось выписывать даже из Франции и Англии, затрачивать десятки тысяч рублей на одну перевозку их в Россию, не говоря уже о значительно более высокой их заработной плате: иностранцы получали по 200—240 р. в месяц, русские при той же квалификации — 60—80, самое большее 100 р. И Гужон старался подготовить с в о и кадры, которые были и дешевле, и постояннее, и надежнее. Он открывал специальные школы при з-де, в которых, по отчетам правления, «сбращалось особое внимание на укрепление в детях религиозного и нравственного чувства и добрых навыков любви и преданности государю и стечеству»... При школе были открыты курсы для взрослых рабочих, где прививались те же верноподданнические чувства. Но ни дальновидная политика Гужона, ни «верные» рабочие не спасли Гужона от нарастающего революционного движения.

В девяностых годах начинаются первые забастовки на з-де, но они были чрезвычайно непродолжительны и охватывали только отдельные цеха. Можно только отметить две экономические забастовки: в 1894 г. в болтовом и в 1897 г. в гвоздильном отделении.

В это время отдельные сознательные рабочие начали входить в подпольные с.-д. кружки. Здесь высквывались первые революционеры, которые в 1905 г. свели за собой весь з-д.

В 1895 г. заводские революционеры уже разбрасывали листовки близ з-да. В 1896 г. охранники з-да донесли, что по з-ду были расклеены «воззвательные письма» к рабочим. В 1897 г. с.-д. Московский рабочий союз выпустил специальное воззвание «Рабочим з-да Гужона» с призывом: «Все за каждого и каждый за всех». В 1898 г. по з-ду были разбросаны листовки, выпущенные к 1 мая комитетом РСДРП. Революционные прокламации читались, обсуждались; сплывались вокруг бсевых лозунгов хотя и немногочисленные, но наиболее сознательные передовые слои рабочих.

В 1898 г. московский сбер-полицмейстер Трепов, желая вырвать сружие из рук революционеров, попытался проникнуть в массы рабочих. Агенты охранника Зубатова начали бывать и на з-де Гужона. Они завербовали себе здесь ряд сторонников и устраивали собрания и чтения для рабочих. Рабочие Гужона, хотя и ненадолго, поддались этой провокационной политике.

С 1903 г. кружки и подпольные массовки привлекали все большее количество и рабочих Гужона. Рабочие быстро освободились от кратковременного дурмана зубатовщины. Нсвым этапом по пути политического и классового про-

буждения рабочих Гужона были петербургские события 9 января.

Питерские газеты, сообщавшие о расстреле безоружных рабочих, шедших к царю, раскупались здесь нарасхват. Ропот, брань, возмущение были так велики, что даже черносотенцы прикусили язык на з-де. Волнение перекидывалось из цеха в цех. Рабочие с пением «Вы жертвою пали» оставили днем 12 января работу и вышли на улицу.

Забастовка прошла исключительно организованно. Рабочие, по донесениям охранки, держали себя спокойно, ничем «не нарушая общего порядка». Первый раз за двадцать с лишним лет завод бастовал целиком. В записке, предъявленной администрации завода, рабочие открыто заявляли: «Мы, рабочие всего з-да, решили примкнуть к забастовавшим рабочим других з-дов, чтобы выразить о б щ и й протест против существующих порядков». Рабочие предъявляли теперь уже не только экономические, но и политические требования; эти требования были составлены под непосредственным влиянием большевистской агитации и пропаганды.

Гужон в первый момент растерялся. С нервной поспешностью он сообщил своим заказчикам, что «т-во слагает с себя ответственность за срочное исполнение заказов». Вместе с тем он заигрывал с рабочими, много говорил о «чести и достоинстве заводского населения», обещал отменить обыски, сделать все возможное для удовлетворения отдельных требований рабочих и т. п. Однако на деле все основные требования: 8-часовой рабочий день, отмена сверхурочных, повышение заработной платы, увольнение ряда ненавистных мастеров и другие под разными предлогами были отклонены. 15 января Гужон вывесил объявление, что з-д закрывается «на неопределенное время», рабочим предлагалось получить расчет: объявлялся локаут. Это в первые дни не сломило воли рабочих. Рабочие з-да Гужон бастовали

дружно вместе со всем московским пролетариатом. Среди 43 тыс. забастовщиков московских фабрик и з-дов рабочие Гужона занимали в январские дни 1905 г. первое место: из 2.200 рабочих з-да ни один не работал.

Через несколько дней в Москве начался временный спад движения. Рабочие начали возвращаться к станкам. Локаут, угроза безработицы, отсутствие денежных средств, страх голода заставили рабочих прекратить забастовку. 17 января стали на работу и рабочие з-да Гужона.

Далеко не все было спокойно на з-де и после 17 января. В феврале собирались сходки рабочих, на которых говорили, что не надо отвлекаться «от важных политических дел, что для свободы необходима забастовка». Газета «Вперед» в феврале 1905 г. сообщала, что комиссия рабочих, избранная для переговоров с администрацией з-да, постановила, чтобы «деньги, насильственно удерживаемые с рабочих на «Красный крест» в размере 1 к. с заработанного рубля, отныне поступали в пользу петербургских товарищей, пострадавших во время бойни 9—10 января», о чем и было заявлено заводской администрации. Та же газета сообщала, что восстановлены были связи з-да с местным с.-д. комитетом. Администрация явно боялась подготовки вооруженной борьбы, тщетно разыскивала подпольщиков, вожakov, революционеров.

Атмосфера на з-де накалялась. Гужон стал опять либеральничать. В октябре депутаты рабочих не только признавались администрацией; депутаты, по заявлению правления з-да, «пытались не вести переговоры, а прямо диктовать свои условия». Ни один рабочий по вновь разработанному «Положению», предъявленному администрации з-да, не мог быть уволен с з-да «без согласия комиссии»; без ее же согласия не могли производиться сверхурочные работы, установились товарищеские суды и т. д.

Рабочие завода «Серп и молот» — участники Октябрьской революции

Стройка завода в 1926 г.

В октябре Гужон стал необыкновенно щедр на обещания; он заверял рабочих, что обиды будут прекращены, что расценки будут увеличены и требования рабочих будут рассмотрены. Рабочие несколько успокоились. В решительные октябрьские дни, во время всеобщей забастовки, Гужон принял решительные меры, чтобы сорвать забастовку у себя на заводе. Он вызвал усиленные наряды полиции, рабочие наиболее беспокойных цехов были попросту заперты, тянульщики, верные в то время Гужону, камнями прогоняли приходивших снимать с работы, завод в октябре не бастовал. Об этом и до сих пор со стыдом вспоминают старики — участники баррикадных боев. Но этот отлив революционной волны был временный, рабочие, по их словам, скоро «смыли с себя позорное пятно». На заводе была организована боевая дружина. Добывали револьверы, готовились к вооруженному восстанию. 3 и 4 ноября рабочие вывезли на тачках наиболее ненавистных инженеров и мастеров: Виноградсва, Антаева, Плаксина и др. Гужон, по словам большевистской газеты того времени «Новая жизнь», «рассердился и хотел объявить рабочим расчет, но рабочие... сами объявили забастовку». Борьба рабочих Гужона достигла наиболее высокой волны только в середине ноября.

12 ноября организованно началась всеобщая забастовка. Завод Гужона был в первых рядах революционного пролетариата всего Рогожского района. Гужонцы возводили баррикады, разоружали городских, офицеров, останавливали и разоружали военные эшелоны, вызванные для подавления восстания. Весь район

был в руках восставших, повсюду были расставлены пикеты дружинников. «Не менее трех рот с орудиями», «Необходимо овладеть станцией Москва-тсварная с помощью войск», «Станция может вновь очутиться в руках революционных банд», — требовал в панике начальник московского жандармского управления. Полиция поспрашалась. Дружинники вступили в бой с полицейским стряпцом, убили пристава, заставили убраться драгун. Во главе дружины был боевой большевик — рабочий з-да т. Трешалсв. Он вдохновлял, организовывал, восружал, отдавал четкие распоряжения. Дружинники пытались пробраться к центру восстания — Красной Пресне. Небольшими группами посылали туда восруженных рабочих. Но до Пресни рабочих Гужона не пустили.

Завод бастовал почти два месяца: с 12 ноября 1905 г. до 9 января 1906 г. Стойко держались рабочие и представляли, как писало в своем отчете правление, требования «скорее политического, чем экономического характера». Гужон уволил всех рабочих, закрыл потребительскую лавку при заводе, решил взять гелдсман и измсрсман. Но забастовщики открыли столсвую у Прелсманной заставы, кормили голодающих, выдавали муку, собирали пожертвования, получили от Московского комитета большевиков полторы тысячи рублей, большую часть рабочих, связанных с деревней, разослали по домам.

10 декабря Гужон решил уступками и пощадками прекратить забастовку. Обещая, что «все законные и справедливые требования «бывших рабочих» будут немедленно удовлетворены», что «с возобновлением работ на заводе будут пересмотрены правила о рабочем представительстве» и т. п., Гужон одновременно сообщил охранке фамилии и адреса наиболее видных вожаков движения.

После кровавой расправы на Пресне и подавления восруженного восстания прекратилась забастовка и на заводе Гужона.

1906 г. на заводе был ознаменован усиленной деятельностью большевиков, усиленной работой подпольного комитета, забастовками и отчаянными попытками снова организовать вооруженное восстание.

Появились новые организаторы на заводе: тт. Ногин, Землячка, Марта и др. Интенсивно работали большевистские кружки. Приходилось вести борьбу с некоторым увлечением отдельных рабочих эсерами-террористами.

Большевики часто собирали массовки у Ключиков, на Трубе и в Лефортовске, созывали заводские и районные конференции. 1 мая устроили маевку. Бастовал почти весь завод. В ответ на предложение лефортовского комитета партии народной свободы (кадетов) поддержать Государственную думу рабочие з-да 24 мая заявили, что «Думу народ поддерживает, когда она вступит в открытую борьбу с самодержавным правительством, присоединяясь к революционному народу для защиты его требований».

В конце июля подпольный комитет з-да был во главе подготавливавшегося вооруженного

восстания. Завод опять бастовал в ответ на расстрел восставших свеаборгцев.

Гужон угрожал, убеждал, писал даже письма-воззвания к рабочим. «Политические забастовки совершенно бессмысленны и не достигают цели, так как последствия их совершенно минуют правительство, против которого политические забастовки якобы направляются», писал он в своем обращении и возмущался тем, что рабочие во время забастовки «вернулись на з-д с оружием в руках, самовольно выпустили пары из котлов». Говоря об убытках от забастовок для з-да и для рабочих, он призывал рабочих: «Вы должны мне сами указать тех лиц, которые совершили это незаконное деяние... Этого требует солидарность наших интересов». Обращение кончалось угрозами. Гужон писал: «Заводчику остается принимать только карательные меры против бессмысленных политических забастовок и самому остановить все производство, уволить всех рабочих, вызвавших или сочувствовавших политическим забастовкам». Особенно возмущался Гужон «каким-то тайным, называющим себя «Гужонским заводским комитетом». Здесь не было границ его беспомощной злобе: «Чтобы на з-де была дисциплина, должна быть только одна единая власть: власть правления, представителя хозяев предприятия, акционеров т-ва. Никакого негласного или гласного заводского к-та с.д. рабочей партии быть не может и не должно быть».

«Правлением будут приняты все меры, чтобы всеми средствами парализовать этот комитет, не исключая даже остановки з-да и роспуска всех рабочих». И вместе с тем Гужон не мог не признать, что подпольный завком, большевистская партия имеют исключительный

авторитет на з-де, являются силой и властью, с которой нельзя не считаться.

Свою способность вести и руководить массами заводский комитет доказал своей борьбой за лавку общества потребителей. Эта лавка в дореволюционные времена была для администрации одним из способов закабаления масс. Во главе правления и ревизионной комиссии были представители администрации завода. Лавка отпускала в кредит больше товаров рабочим, которые были на хорошем счету у администрации, разрешала покупать сверх всяких норм товары отъявленным пьяницам, которые тут же спускали их за полцены и становились все более зависимыми от заводоуправления и т. д. В конце 1906 г. заводский комитет провел большую кампанию за создание нового рабочего правления и за новые порядки. Вскоре он фактически взял в свои руки всю лавку. Только усиленная деятельность Гужона, бесконечная травля рабочего кооператива, денежные затруднения, использование черной сотни и царского суда дали возможность администрации через год снова забрать лавку в свои руки.

В годы реакции на з-де революционная работа свернулась. Но и в эти годы на з-де связь с большевистской организацией не порывалась, усиленно шла работа в нелегальных профессиональных союзах и т. д.

При первом же подъеме рабочего движения развернулось движение и на з-де Гужона. В ответ на ленский расстрел поднялся весь з-д. Всеобщая однодневная забастовка протеста прошла организованно. Рабочие по гудку кончили всю работу, демонстративно вышли с з-да, пели похоронный марш. На другой день з-д организованно приступил к работе.

Ремонтный цех

Гужон определил убытки от этой однодневной забастовки для всех фабрикантов и заводчиков Московской губернии в сумме 67.000 р. Указывая, что нельзя допускать безнаказанности всеобщих забастовок, он предлагал членам о-ва заводчиков и фабрикантов: «Всех рабочих, не вышедших 1 сего мая на работу или прекративших таксую, подвергнуть штрафу», но «... особых объявлений об оштрафовании не вывешивать». Однако угрозы уже не действовали. Стачки продолжались. Работа партийных и профессиональных организаций, общий подъем революционного движения поднимали и спланивали весь рабочий класс на борьбу против царизма и буржуазии.

На з-де Гужона забастовки не прекращались. 17 июля 1912 г. забастовали все рабочие сталелитейного цеха. В цеху по требованию рабочих в июне были введены три смены по восьми часов. Гужон на 8-часовой рабочий день должен был согласиться, но платил рабочим две трети их дневного заработка, из расчета 12-часового рабочего дня. Рабочие потребовали уплаты заработка в таком размере, какой причитался бы им, если бы работа производилась в две смены, т. е. увеличения заработка на 30—40%. Переговоры ни к чему не привели. 24 июля Гужон рассчитал всех рабочих цеха, а 30 июля объявил о приеме новых рабочих на старых условиях, на двухсменную работу, т. е. опять ввел 12-часовой рабочий день.

В конце 1913 г. московское о-во заводчиков и фабрикантов считает необходимым принять более решительные меры к борьбе против нарастающего движения, заявляют о необходимости организовать всероссийский союз промышленников, основной целью которого должно быть страхование хозяев от стачек.

На з-де Гужона в июне 1914 г. возникла новая напряженная забастовка, длившаяся более месяца. Рабочие требовали повышения расценок, улучшения условий работы, 8-часового рабочего дня и т. д. По з-ду разбрасывались и расклеивались прокламации с боевыми политическими лозунгами. Гужон мобилизовал сторожей, усилил шпионаж. В удовлетворении требований отказал. Но организованный стачечный комитет не допустил срыва забастовки. Объявления Гужона срывались особыми дозорными рабочими. Переговоры ни к чему не приводили. Только к 12 июля 1914 г. подкупы, задабривания, обещания Гужона, общая усталость рабочих и особенно аресты руководителей забастовки привели к победе Гужона. 15 июля эта грандиозная забастовка была ликвидирована администрацией.

Началась война. Мобилизация вырвала с з-да свыше 20% рабочих: из 3.239 осталось 2.594. Революционные настроения временно спали. Струмом пополнял Гужон свой з-д новыми рабочими. Но это были недостаточно или совсем неквалифицированные рабочие. Приходилось нанимать большое количество женщин, процент которых на з-де теперь увеличился. В начале 1914 г. женщин было 6,4%, в начале 1916—9,7%, к началу 1917 г.—13,4%, к концу 1917 г.—14,7%. Наиболее работоспособные были взяты на войну. За тот же промежуток

времени количество рабочих в возрасте от 20 до 39 лет уменьшилось на 12,3%. Завод, реконструированный в 1912 г., перешел на работу на оборону. Акционеры имели полную возможность наживать колоссальные барыши. В 1913-14 гг. з-д дал продукции на 12.932.960 р. Вопрос о рабочей квалифицированной силе стал со всей остротой.

25 июня 1915 г. на торжественном банкете, где собрались крупнейшие промышленники Москвы, Гужон заявлял: «По вопросу о рабочих я скажу, что это самый первый вопрос: их необходимо изъять из армии. Если не будет решено возвращение с фронта рабочих, то нам не стоит покупать станки и централизоваться, ничего не выйдет из наших усилий». Заводчики своего добились. Отсрочки военнообязанным были предоставлены з-дам, работающим «на оборону».

Заводчики получили возможность крепко держать в своих руках рабочих, отсылали на империалистическую бойню всех неугодных им людей, не давали возможности рассчитанным поступать на другие з-ды. Фамилии «неблагонадежных» рабочих в виде черных списков рассылались всем членам о-ва заводчиков и фабрикантов. Их, конечно, никуда не брали.

Гужон вел наступательную политику, рассчитывая бастующих и удерживая у себя удостоверения рабочих об отсрочках по воинской повинности, ссылаясь на несуществующие распоряжения генерала Мрозовского. Расчет на з-де Гужона, по словам даже одного из членов военно-промышленного комитета, «приобретает характер кары за выставленные требования о повышении заработной платы». Увольняемым заявляли, что им разрешено будет «остаться на работах, но на старых условиях», «если они дадут подписку о том, что они не обращались в военно-промышленный комитет», не говоря уже о других организациях. Жизнь дорожала. Прибавки на дороговизну, установленные на з-де Гужона, напоминали подачки: от 16 до 20 р. в месяц при зарплате, который даже в предвоенные годы не раз поднимал рабочих завода на забастовки.

И все-таки забастовки продолжались (правда, на з-де Гужона исключительно экономические), охватывая довольно значительную часть рабочих: в августе 1915 г. из 2.700 рабочих на з-де Гужона бастует 7 дней 650 рабочих. В декабре 1915 г. «бастовали 1½ дня 498 рабочих, требуя увеличения заработной платы в пределах от 10 до 30%».

В 1916 г. на з-де Гужона стачки принимают более длительный и напряженный характер. В мае 1916 г. забастовали 760 рабочих, требуя увеличения заработной платы от 50 до 200%. Забастовка длится почти месяц. 26 сентября 1916 г. уже 1.000 бастующих рабочих требовали увеличения заработка.

Рабочие массы быстро революционизировались. Московская охранка напряженно следила за рабочими районами, в частности, за Рогожским, за местами, где собирались рабочие з-да Гужона. Калитниковское кладбище. Рогожское кладбище, Дангауэровская слободка, Анненгофская роща считались охран-

кой опасными пунктами скопления и собраний распропагандированных рабочих.

Но на з-де Гужона большевиков в это время были единицы, большевистская организация была сильно обескровлена арестами, ссылками, разгромами. Достаточно указать, что во всем Рогожском районе в первые месяцы революции было не более сотни большевиков, на з-де Гужона немного более десятка. Вот почему в начале 1917 г. во всем Рогожском районе могли господствовать эсеры и объединенцы, которые считали этот район своей вотчиной. Они находили себе кадры сочувствующих на з-де Гужона, где состав рабочих сильно пополнился в годы войны за счет новых, только что пришедших из деревни. Наконец нельзя забывать и того, что наиболее революционные рабочие в годы войны увольнялись с з-да.

В дни Февральской революции рабочие з-да Гужона вышли на улицу одними из первых. На другой день после полученных сообщений о революции в Питере была организована на з-де всеобщая забастовка. В демонстрации 28 февраля участвовали все рабочие з-да. Три тысячи гужоновцев направились к центру. По дороге разоружали городовых. У Яузских ворот выстрелом был убит помощником пристава вождем рабочей молодежи Иларион Астахов. Пристав был обезоружен рабочими и брошен в Яузу. Отряд полиции был смят, городовые частью разбежались, частью были разоружены и арестованы.

Завод не работал несколько дней. Шли митинги, собрания, выборы в заводской комитет и совет. Администрация не показывалась, сидела по кабинетам, выжидала. На канаве собирались рабочие для избрания завкома. Эсеры уже не могли провести только своих. С

первых же дней пришлось ввести в завком нескольких большевиков, но эсеры задавали тон всей работе первого завкома, они же провели своих кандидатов в районный и московский советы.

Гужоновская администрация в первые дни революции дала решительный отпор требованиям рабочих, которые добивались, немедленного введения 8-часового рабочего дня, отмены сверхурочных работ, ареста провокаторов и т. д. Эсеровские вожди в завкоме оказались между молотом и наковальней. Масса ждала реальных и быстрых результатов, а эсеры-завкомовцы, придя в кабинет правления, говорили языком просьб и пожеланий, трогательно поздравляли начальство с праздником «свободы», убеждали, что завкому нужна кснната для работы, предлагали, по воспоминаниям Лебедева, «признать» рабочую организацию. Администрация сразу убедилась, что можно выставить и свои требования: «Мы не знаем, кем вы выбраны», «Соберите общее собрание, будут на нем и наши представители» и т. д. Не решаясь действовать по-революционному, завком созвал вторичное общее собрание. Выбрали в основном тех же, но рабочие з-да не могли и не хотели ждать и вводили 8-часовой рабочий день явочным порядком с первого дня начала работы, приблизительно 6 марта. Но Гужон решил бороться, доказывая «неправильность введения 8-часового рабочего дня явочным порядком» и не признавая права совета распоряжаться на предприятиях.

23 марта от имени правления з-да рабочих объявлялось что: «Правление т-ва Московского металлического завода протестует против введения во всех производствах 8-часового рабочего дня, огульно осуществленного рабочими, не считаясь с условиями времени».

Болтовой цех на заводе «Серп и молот»

Рис. М. Добраковского

Литье чугуна

Но 8-часовой рабочий день стал фактом, и Гужон в объявлении от 23 марта заявлял: «Подчиняясь производимому насилью и считая себя обязанным в настоящее время работать, если к тому имеется какая-либо возможность, правление теперь же организует на з-де 8-часовой рабочий день в тех отделах, которые еще работают, а по получении топлива сделает это и в тех, которые теперь остановлены вследствие истощения его запаса и невозможности его получить».

Но уже на следующий день обещания были забыты. Гужон сделал попытку закрыть завод. За подписью Флейснера по заводу были расклеены новые объявления, что «работы на заводе прекращаются сегодня, 24 марта, а возобновляются 10 апреля».

Гужон делал такие же попытки закрыть з-д и в следующие месяцы. 6 апреля 1917 г. правление з-да посылает министрам и Особому совещанию по топливу телеграмму с указанием, что нет топлива, что «продолжать платить пособия рабочим неработающих цехов з-д не будет в состоянии», и предупреждает, что правление «будет вынуждено закрыть з-д».

26 мая 1917 г. правление объявило рабочим, что «вынуждено закрыть з-д впредь до улажения... конфликта» между рабочими и служащими «ввиду объявления служащими з-да о прекращении работ». Рабочие настаивали в это время на удалении зав. фасонолитейного отделения инж. Матиса и нач. болтового отделения И. И. Дервье. Переговоры с правлением велись через заводский комитет. Правление затягивало ответ на требования рабочих, предлагало рабо-

чим о своих «претензиях» доводить предварительно до сведения директора, разбирать вопрос в примирительной камере, угрожало, что в случае возможности «насилия по отношению к служащим правление не видит возможности продолжения работ з-да, ибо оно не считает себя вправе подвергать служащих оскорблениям» и т. д. и т. п. Заводское совещание и совет рабочих депутатов решили впредь до рассмотрения конфликта временно устранить обоих инженеров с з-да, но служащие объявили забастовку протеста. Правление решило использовать эту забастовку и закрыть з-д. Оно даже отдало распоряжение прекратить подачу электрического тока по заводу.

Но времена были уже не те. Рабочие з-да сильно выросли за эти несколько месяцев и закрыть з-д не допустили. Эсеровскому комитету волей-неволей пришлось взять управление з-дом в свои руки. На собрании комитета было признано, что основательных причин к закрытию з-да нет, что топлива и сырья на з-де вполне достаточно. И завод целый день работал без служащих и работал, по воспоминаниям рабочих, неплохо. Забастовка служащих проводилась организованным еще в февральские дни особым комитетом служащих.

«Страшновато было за ответственность за з-д, за ответственность не по силам»,—пишет один из рабочих-эсеров того времени Лебедев. За помощью и советом обращались завкомовцы сначала в районный, а потом и в Московский совет. Но и здесь, и там их встретили одинаково. И в районном, и в Московском совете соглашательские вожди с возмущением спрашивали: «Как вы осмелились это сделать, как вы до этого допустили?». И как провинившиеся школьники, лидеры эсеровского завкома принавались: «Не от нас ведь это зависит».

В Московском совете прекрасно учитывали накаленность настроения на з-де. Здесь нужны были не обещания, а решительные действия, чтобы служащие начали работать. От Московского совета поехал Рыков. Он сразу отбил у служащих всякое желание продолжать забастовку, пригрозив от имени совета самыми решительными мерами воздействия. Служащие на другой день приступили к работе.

Наконец последняя попытка закрыть з-д была сделана Гужоном в конце июня. Но эта попытка дорого ему обошлась.

В июне члены правления и директора з-да заявили официально правительству, председателю Заводского совещания по московскому району и уполномоченному по распределению металлов: «Завод приведен в полную дезорганизацию, у з-да в настоящее время нет наличных кассовых средств для дальнейшего ведения дела» и т. д. Правление предлагало «передать з-д в правительственное управление», а рабочих предупреждало, что если правительство не возьмет з-д в казенное управление, он будет закрыт с 1 июля. Это «предупреждение» рабочим было сделано 22 июня. Прошло пять дней. Правительство ничего не предпринимало. 27 июня по з-ду были вывешены уже новые объявления о закрытии з-да с 1 июля.

Закрывался з-д, имеющий исключительное значение для всего промышленного района. Остановка з-да угрожала прекращением работы на з-дах Бари, Динамо, Бромлея и др. Но рабочие и на этот раз не дали Гужону закрыть з-д. Была избрана делегация от рабочих и Московского совета, которая еще после первого предупреждения Гужона выехала в Питер. И здесь они добились своего. Через несколько дней т. Смидович на заседании ИК Московского совета сообщил, что «телефонограммой м-ва труда закрытие завода запрещено и правление смещено».

Заволновались даже соглашательские советы. Экономический отдел ИК Петроградского совета и делегация отдела снабжения Московского совета совместно с представителями з-да Гужона не могли не признать в те же дни,

что «заводоуправление Гужона явно дезорганизует производство, сознательно ведет к остановке предприятия, ссылаясь на отсутствие оборотных средств», и предлагало «срочно дать Московскому заводскому совещанию право учредить управление на з-де Гужона и снабдить совещание оборотными средствами в размере 5 млн. р.».

В день опубликования этого постановления, 29 июня, Ленин написал статью «Кризис надвигается, разруха растет». «Откуда и как возьмутся деньги, — писал Ленин. — Не ясно ли, что «требовать» по 5 млн. на з-д легко, но надо же понять, что на все з-ды потребуется много больше? Не ясно ли, что без той меры, которую мы с начала апреля требуем и проповедуем, без слияния всех банков в один и без контроля над ним, без отмены

Ремонтный цех

Рис. М. Добрановского

Рис. М. Добраковского

коммерческой тайны денег достать нельзя. Не пора ли понять все же, гг., что партии эсеров и меньшевиков, как партии, ответят перед народом за катастрофу?»

1 июля рабочим было объявлено, что на з-де назначается новое правительственное правление в составе Ясинского, Вейцмана и Коликова. При этом давались обещания, что «з-д будет работать без остановки», рабочие призывались к усиленной и продуктивной работе «на оборону, на пользу стране» и т. п.

Эсеры к этому времени уже теряли свое, бывшее влияние на з-де. Они не могли возглавить массы в их борьбе ни за политические, ни за экономические требования. Массовые сдвиги начались еще с апрельских дней, когда Временное правительство официально заявило что будет продолжать войну до победного конца. В ответ на апрельскую ноту общее собрание рабочих 23 апреля потребовало у правительства опубликования тайных договоров с союзниками, заключения мира без

аннексий и контрибуций и издания декрета о 8-часовом рабочем дне. В июльские дни, когда соглашатели развили бешеную травлю против большевиков, расстреляли на улицах Питера с благословения меньшевистско-эсеровского совета мирную демонстрацию, — рабочие з-да Гужона не только вынесли, по предложению рабочего-большевика т. Малькова, резолюцию протеста и не только бастовали два дня, но по призыву Московского комитета партии большевиков вышли одними из первых на демонстрацию. Это были дни, когда экономические и политические требования московских металлистов вылились в единое мощное движение.

В августе, когда в Москве собиралось Государственное совещание, была объявлена всеобщая забастовка. Рабочие з-да Гужона вместе со всем московским пролетариатом активно участвовали в этой однодневной забастовке протеста. В ответ на контрреволюционное выступление ген. Корнилова рабочие з-да Гужона, несмотря на отчаянное сопротивление эсеров, опять выносят резкую большевистскую резолюцию. 12 сентября они внесли в общемосковский стачечный фонд металлистов собранные на заводе 18.237 р. 30 к. Этот фонд имел большое значение во время предоктябрьских массовых забастовок и в самые Октябрьские дни.

Теперь изменилось и соотношение сил в самом заводском комитете. В июле завком был переизбран. Здесь теперь стали заправлять такие общепризнанные вожди Октября на з-де, как большевик Туманов и др. В августе большевики избираются от з-да в совет.

Октябрь надвигался по всей стране. На з-де это чувствовалось в каждом цехе. Организовалась, вооружалась и готовилась к боям Красная гвардия, на содержание которой рабочие отчисляли специальные средства. Напряженно работал завком, который фактически устанавливал контроль над производством. Под руководством большевиков шла ожесточенная борьба за минимум, за новые тарифные ставки. В отдельных цехах все чаще обострялись отношения с администрацией, по цехам вспыхивали отдельные забастовки. Повсюду шли митинги, собрания, все чаще выступали большевики, выносились резолюции за вооруженное восстание, за власть советов.

Во главе Красной гвардии на з-де были рабочие Туманов, Петров, Дмитриев и др. Штабом революции на з-де был завком. В октябре дни и ночи работали партийцы в завкоме. По-большевистски готовились к восстанию.

Рогожский и Симонский районные советы во время восстания действовали совместно. В стратегическом отношении оба эти района имели большое значение. В Симонке находились пороховые склады, где хранилось до 200 млн. патронов. Только через Рогожский район и революционные и белогвардейские части могли доставлять в свои штабы боевые припасы. Здесь же, по пути, на Симонке

были Крутицкие казармы, где засели юнкера. Их нужно было выбить в первую очередь.

В ночь на 28 октября (10 ноября) Московский ВРК призывал рабочих и солдат организовать митинги по районам и переходить в наступление под руководством районных штабов. Рябцев в эту ночь захватил Кремль, разоружил и расстрелял 56-й полк в Кремле. Перевес был в эту ночь в Москве на стороне буржуазии: она располагала и лучшим вооружением, и лучшими боевыми силами, и опытным командным составом, прапорщиками, юнкерами.

С каждым днем, с каждым часом росло количество рабочих, солдат, отдающих себя в полное распоряжение военно-революционного комитета. Остро стоял вопрос об оружии, грузовиках, автомобилях, захвате опорных пунктов, ликвидации белогвардейских гнезд. И в центре, и в районах шла напряженная борьба.

В Рогожско-Симоновском районе районный комитет партии мобилизовал все силы, все средства на борьбу за власть советов.

Весь Рогожско-Симоновский район представлял военный лагерь. Активный участник боев в районе Листов в своих воспоминаниях пишет: «Работа по охране центра и района лихорадочно закипела. Быстро рыли окопы, проволочные заграждения покрыли все переулки, ведущие к центру».

29—31 октября—дни ожесточеннейших боев в Москве и в Рогожско-Симоновском районе. 29 октября (11 ноября) красногвардейцы и революционные солдаты района захватили симоновские пороховые склады. 31 октября

(13 ноября) после обстрела тяжелой артиллерии сдались Крутицкие казармы. Теперь свободно могли подвозиться патроны и снаряды с захваченных симоновских пороховых складов. В эти же дни было взято и Алексеевское юнкерское училище. Главнейшие пункты были завоеваны.

В этих боях активнейшее участие принимали красногвардейцы эда Гужона, которые сражались не только в своем районе. Эти стрелы участвовали в боях на Варварке. «Рота гужоновца Петрова,—пишут участники Октября,—билась в Охотном ряду, на Тверской и под Кремлем».

Под твердым руководством партии большевиков во главе с т. Лениным революция победила в Питере, Москве и в ряде других городов. Вся власть в руках советов. Организован Совет народных комиссаров. Большевистские декреты о земле, мире, свободе, рабочем контроле, национализации банков разрубали гордые узлы, укрепляли власть советов, власть рабоче-крестьянского правительства.

На очереди стояли огромнейшие задачи социалистического строительства и напряженная борьба с контрреволюционными бандами, откатившимися на окраины — на Дон, за Волгу, на север, юг и восток.

Завод «Серп и молот», бывший крепостью революции в Октябрьские дни, не утратил своего положения боевого большевистского аванпоста ни в годы гражданской войны, ни на фронте социалистического строительства.

ТЕПЕРЬ НАСТАЛО ВРЕМЯ, КОГДА ВЫ, ТОВАРИЩИ, СОЗДАВАЯ НОВУЮ ИСТОРИЮ, САМИ ДОЛЖНЫ ПИСАТЬ ЕЕ СИЛОЙ ТОЙ ЖЕ РУКИ И ТОГО РАЗУМА, КОТОРЫЕ ПОСТАВИЛИ ВАС ХОЗЯЕВАМИ ОГРОМНОЙ И БОГАТЕЙШЕЙ СТРАНЫ.

М. Горький

Ф. НОТОВИЧ

НОВАЯ СТАТЬЯ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

Печатаемая ниже впервые на русском языке недавно найденная и до сих пор известная лишь очень ограниченному кругу лиц статья Фридриха Энгельса «The Workingmen of Europe in 1877г.» имеет не только большой исторический интерес, но она сохранила и по сей день актуальную политическую злободневность. Многие из затрагиваемых в ней Энгельсом проблем, как увидит читатель, и по нынешний день представляют собою основные проблемы международного рабочего движения. Вокруг них ведутся и сейчас бои между коммунистами и с.-д., между борцами за линию Коминтерна и правыми и левыми уклонистами. Взять хотя бы вопрос о фракционности в партии пролетариата, вопрос о единстве партии. И Энгельс и Ленин придавали ему, как известно, первостепенное значение. Именно поэтому для Энгельса имеет большее значение, например, тот факт, что в 1877г. была преодолена «маленькая, но деятельная секта», угрожающая единству рабочего движения. Напомним теперь ту политическую оценку, какую давал Маркс деятельности сект в рабочем движении и, в частности, «маленькой, но деятельной секте» бакунистов в I-м Интернационале. В письме к т. Ф. Больте от 23 ноября 1871г. Маркс писал: ¹ «Развитие социалистического сектантства и истинного рабочего движения стоят друг к другу в обратном отношении. Секты имеют свое (историческое) право на существование лишь до тех пор, пока рабочий класс не созрел для самостоятельного исторического движения; с наступлением же этого момента сектантство в сущности становится реакционным. И в истории Интернационала повторился тот общеизвестный факт, что отживающее стремится обновиться и удержать свою позицию во вновь нарождающихся формах. История Интернационала — это непрерывная борьба Генерального совета с дилетантскими опытами и сектами, стремившимся занять в рядах самого Интернационала позицию против истинного рабочего движения.

¹ Эти, как и другие, цитаты из писем Маркса и Энгельса взяты из книги: «Маркс и Энгельс—письма» (под ред. Адоратского, «Московский рабочий», 1923 г.).

Борьба эта велась на съездах, а еще в большей степени в частных совещаниях Генерального совета с отдельными секциями». Второй вопрос, на котором останавливается Энгельс, это вопрос о значении парламентских выборов в Германии. Этот вопрос Энгельс рассматривает с точки зрения развертывания перед пролетариатом революционных перспектив. Значение успеха германской с.-д. на выборах в рейхстаге в 1877г. для Энгельса состоит, конечно, не в количестве приобретенных мандатов, а в том, что выборы «дали германской рабочей партии возможность сосчитать свои боевые силы». Участие рабочего класса в политической борьбе, вопреки учению той же «маленькой, но деятельной секты», которая звала не к борьбе за уничтожение капитализма, а все свое внимание уделяла «великому действию» против государства — вот самое для него важное.

Такие вопросы, как отношение организованного пролетариата к государству, его участие или воздержание от политической борьбы имели тогда, так же, как и сейчас, злободневный характер и занимали все лучшие умы в рабочем движении.

Огромное значение имеет то место, где Энгельс дает характеристику исторической роли французских рабочих, роли французского пролетариата во всей истории Франции, начиная с Великой революции 1789 г. Нельзя, кстати сказать, не отметить полного единства, полной общности взглядов Энгельса и Ленина на этот вопрос. Ленин, которому не было известно это место, писал когда-то, что «беспартийные», неорганизованные в класс рабочие 1789 и 48 гг. были передовыми борцами французской и немецкой революций¹, что французский пролетариат своей борьбой «переделал, перевоспитал, переобучил, переродил французскую буржуазию, сделав ее республиканской. Характеристики оценки роли французского рабочего класса в истории Франции, целиком совпадающие с многочисленными высказываниями Ленина, а также исторические предвидения, высказанные

¹ Ленин, собр. соч., т. XVI, стр. 186.

в этой статье Энгельсом, вполне оправданы историей. Отметим хотя бы, например, перемену после 1870 г. в политическом настроении масс французского крестьянства, которое ствернулось от бонапартизма и «сделалось республиканским».

«Эта перемена, по оценке Энгельса, имеет величайшую важность. Она не только означает, что всякая монархическая реставрация во Франции стныне безнадежна. Она означает также приближение союза между городскими рабочими и крестьянством деревни». Всем ныне известно, что после политического кризиса в конце 70-х годов прошлого века, вызванного борьбой между монархической и республиканской фракциями в лагере французской буржуазии, монархическая реставрация была окончательно похоронена, хотя рецидивы в виде «буланжизма» повторялись еще некоторое время. Третья империя укрепилась не в последнем счете благодаря позиции французской деревни. Всем нам это теперь ясно, но Энгельс уже тогда на основе только наметившихся сдвигов предвидел и безошибочно наметил дальнейший процесс исторического развития Франции.

Чрезвычайный интерес представляют также высказывания Энгельса по вопросам внешней политики царизма. Их интерес состоит, в частности, в том, что Энгельс, применяя марксистский метод анализа текущих политических событий, сумел предсказать будущее.

«Для русского правительства оставался только один путь спасения, путь, который соблазняет все правительства, столкнувшиеся с непосредственным сопротивлением народа: внешняя война». К такому выводу приходит Энгельс после тщательного анализа русской действительности после 1861 г. Это стало вполне установленным лишь долгое время спустя, когда стали известными факты и документы, не известные тогда Энгельсу. Объявляя войну Турции ради «свобождения славянских братьев», Александр II 24 апреля 1877 г. в выпущенном манифесте объявлял всему миру и своим подданным «о намерении действовать независимо от других держав, когда мы сочтем это необходимым и когда честь России этого потребует». А между тем когда русский Мальбрук только в поход еще собирался, были заключены с Австро-Венгрией соглашения в Вейхштадте (1876 г.) и 15 января в Будапеште, согласно которым: 1) в результате войны с Турцией не должно быть создано большое славянское государство и 2) за нейтралитет Австро-Венгрия получала право на приобретение Бесснии и Герцоговины. Русский царь выдал головой «наследственному» врагу славянства тех самых славян, ради которых он начал войну.

Таким образом, будущие «приобретения» царизма были вполне определены еще до войны, и если правительство Александра II все-таки решилось на войну, то только потому, что этого требовала внутренняя политика. Ни одно из указанных нами соглашений не могло быть известно Энгельсу в 1878 г.

Небезынтересно будет привести мнение Маркса о политических последствиях русско-турецкой войны и значении военного поражения

царизма для международной революции, высказанное им в то же время. В письме к Зорге от 27 сентября 1847 г. Маркс писал:

«Кризис (на Ближнем Востоке) является новым поворотным пунктом в истории Европы. Что касается России, состояние которой я изучил по русским оригинальным источникам, неофициальным и официальным (последние доступны только немногим лицам и были доставлены мне моими друзьями в Петербурге), то она давно находится накануне переворота: все необходимые для этого элементы созрели. Молодцы турки на годы ускорили взрыв ударами, нанесенными не только русской армии и русским финансам, но и командовавшей ей армией династии (царю, наследнику и шести другим Романовым). Переворот начнется *secundum artem* (по правилам искусства) игрой в конституцию, *et il y aura un beau tapage* (и будет хорошенькая потасовка). Если судьба не будет к нам особенно немилостива, мы еще доживем до этого торжества. Глупости, которые проделывают русские студенты, являются только симптомом, но сами по себе не имеют никакого значения. Но это хороший симптом. Все слои русского общества находятся экономически, морально и интеллектуально в состоянии полного разложения.

Революция на этот раз начнется на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции.

Господин Бисмарк был рад ударам турок, но он не хотел, чтобы дело зашло слишком далеко. Слишком ослабленная Россия не могла бы, как во время франко-прусской войны, держать в узде Австрию. А если и в России дело дойдет до революции, то где же будет последняя династия для династии Гогенцоллернов?»

Статья Энгельса под общим названием «Европейские рабочие в 1877 г.» была напечатана отдельными корреспонденциями в американском еженедельнике «Labor Standard» в марте 1878 г. Этот журнал издавался приблизительно в 1876—1881 г. (точно не установлено) деятелем ирландского рабочего движения Мак-Доннелем. Последний был в хороших отношениях с Марксом и Энгельсом и в конце 1871 г. или в начале 1872 г. эмигрировал в САСШ, снабженный рекомендательным письмом Энгельса к Зорге, жившему тогда в Нью-Йорке. «Labor Standard» сохранился в единственном только экземпляре и хранится в нью-йоркской публичной библиотеке. Этот экземпляр недавно найден биографом Энгельса Густавом Маейером, статья Энгельса сфотографирована, переведена на немецкий язык, снабжена предисловием и напечатана в августовском номере социал-фашистского «Gesellschaft» за 1931 г.

У нас есть ценное свидетельство относительно влияния этой статьи на тех, которые ее читали в то время. М. Беер в своей «Истории социализма в Англии» пишет об одном из деятелей Британской социалистической федерации: «Джемс Макдональд, портной по профессии, был секретарем лондонского союза портных и лондонской федерации тред-юнионов; стал социалистом, прочитав статью Энгельса в «Labor Standard».

ЕВРОПЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ В 1877 г.

Воскресенье, 3 марта 1878 г.

Истекший год был богат событиями и достижениями для рабочего класса Европы. Почти во всех странах имеется большой прогресс в деле организации и расширения рабочей партии. Единство, которому некоторое время угрожала маленькая, но деятельная секта, можно считать восстановленным. Рабочее движение все более выдвигается на первый план всей текущей политики, и, что является верным признаком близящейся победы, какое бы течение ни принимали политические события, так или иначе они идут на пользу этому движению.

Уже самое начало 1877 г. было освящено одной из крупнейших побед, которые когда-либо одерживались рабочими. На 10 января пришлось выборы в немецкий парламент (рейхстаг), повторяющиеся уже три года на основе всеобщего избирательного права, выборы, которые уже с 1867 г. дают немецкой рабочей партии возможность подсчитать свои силы и церемониальным маршем пропустить перед миром свои прекрасно организованные и постоянно растущие батальоны. В 1874 г. кандидаты рабочей партии получили 400.000 голосов, в 1877 г.—больше 600.000. Десять рабочих депутатов были избраны 10 января, а следующие двадцать четыре шли на перебаллотировке, имевшей место через две недели. Фактически избранными из этих двадцати четырех оказались только немногие, потому что все остальные партии объединились против них. Но остается фактом большого значения, что во всех больших городах и промышленных центрах империи рабочее движение сделало гигантский шаг вперед, и на следующих выборах в 1880 г. во всех этих избирательных округах обеспечена его полная победа. Берлин, Дрезден, объединенные саксонские промышленные округа и Золинген уже завоеваны. В Гамбурге, в Бреславле, Нюрнберге, Лейпциге, Брауншвейге, Шлезвиг-Голштинии, в промыш-

ленных округах Вестфалии и Нижне Рейнской области понадобится тесный союз всех других партий, чтобы побить рабочих кандидатов простым большинством голосов. Немецкая с.-д. проявила себя как сила, притом как сила быстро растущая, с которой скоро должны будут считаться все другие силы страны—и правящие и оппозиционные. Впечатление от этих выборов получилось потрясающее. Буржуазия впала в настоящую панику, тем более, что ее пресса постоянно представляла дело так, будто с.-д. находится на пути к полной потере своего значения. Рабочий класс, гордый своей победой, продолжает борьбу с новыми силами и на всех возможных полях сражения, а рабочие других стран, как мы ниже увидим, не только празднуют победу немецких товарищей как собственный триумф, но получают в нем толчок к новым усилиям, чтобы не отстать в соревновании за освобождение труда.

Быстрые успехи рабочей партии в Германии были достигнуты не без жертв со стороны ее активных участников. На них обрушивались судебные преследования, штрафы и тюремные заключения; им давно уже пришлось решиться на то, чтобы большую часть своей жизни провести в тюрьме. По большей части эти приговоры выносятся, правда, на короткие сроки, от пары недель до трех месяцев, однако и долгосрочные приговоры совсем не являются редкостью. Так, чтобы уберечь важный горнозаводской и промышленный район Саарбрюкена от заражения с.-д. ядом, недавно два агитатора были осуждены на два с половиной года за то, что осмелились переступить эту запретную черту. Эластические законы империи представляют массу возможностей для подобных мероприятий, а если законы эти все же оказываются недостаточными, судьи по большей части оказываются готовы растянуть их еще до степени, необходимой для осуждения.

Большим преимуществом немецкого движения является тот факт, что профессиональная организация работает в нем рука об руку с организацией политической. Непосредственные выгоды, обеспечиваемые союзами, втягивают многих в политическое движение, между тем как общность политического действия объединяет разрозненные профессиональные союзы и доставляет им взаимную поддержку.

Успех, достигнутый нашими немецкими товарищами на выборах в рейхстаг, побудил их искать счастья и на других выборных участках. В результате им посчастливилось провести рабочих на выборах в два ландтага мелких государств империи, а также проникнуть в изрядное количество муниципалитетов (Stadtparlamenten); так, в саксонских промышленных районах многие города оказались под руководством с.-д. управы. Поскольку избирательное право при этих выборах ограничено, рассчитывать на большие результаты и не приходилось; к тому же все-таки каждое завоеванное там место помогает убедить правительства и буржуазию, что в будущем им придется считаться с рабочими.

Но наилучшим доказательством быстрого прогресса классово-сознательной организации рабочих является растущее число ее периодических органов печати. И здесь нам предстоит перешагнуть границы бисмарковской «империи», потому что влияние немецкой с.-д. и ее деятельность отнюдь не ограничиваются этими пределами. На 31 декабря 1877 г. на немецком языке издавалось не меньше 75 газет, обслуживающих рабочую партию. Из них в германской империи — 62 (в том числе 15 органов соответствующего числа профсоюзов), в Швейцарии — 3, в Австрии — 3, в Венгрии — 1 и в Америке — 6, итого — 75: больше, чем количество рабочих газет на всех других языках вместе.

После сражения под Седаном в сентябре 1870 г. правление немецкой рабочей партии объявило своим избирателям, что в результате войны центр тяжести европейского рабочего движения оказался перенесенным с Франции на Германию и что тем самым на долю не-

мецких рабочих выпадает более высокая задача и новая ответственность, требующие от них новых усилий. Истекший 1877 г. доказал правильность этой оценки и одновременно показал, что немецкий пролетариат не способен к той задаче временного руководства, которая на него возложена. Какие бы ошибки ни совершались отдельными вождями, а ошибки эти многочисленны и разнообразны, сами массы решительно, без колебаний и по правильной линии движутся вперед. Их выдержка, их организованность и дисциплина образуют примечательную противоположность той слабости, нерешительности, лакейству и трусости, которые так характерны для всех буржуазных движений в Германии. И в то время как немецкая буржуазия закончила свою карьеру тем, что погрязла в совершенно византийском поклонении «Вильгельму-победоносному» и, связав себя по рукам и по ногам, выдала себя на милость самодура вроде Бисмарка, — рабочий класс движется от победы к победе, подгоняемый и укрепляемый как раз теми мероприятиями, которые придумываются правительствами и буржуазией для его угнетения.

10 марта.

Как ни велико было впечатление от выборов в самой Германии, много больше оно было за границей. И прежде всего оно привело к восстановлению в европейском рабочем движении той гармонии, которая в течение последних шести лет была разрушена притязаниями маленькой, но крайне деятельной секты.

Те из наших читателей, которые следили за историей Международного товарищества рабочих, вспомнят, что непосредственно вслед за падением Парижской Коммуны в недрах великой рабочей организации возникли разногласия, которые на гаагском конгрессе в 1872 г. привели к открытому расколу, а затем к распаду. Причиной разногласий был один русский — Бакунин со своим окружением. Не брезгуя никакими средствами, явными и тайными, они стремились к господству в организации, в которой являлись лишь ничтожным меньшинством. Основным в их воззрениях бы-

ло противодействие какой бы то ни было политической борьбе рабочего класса; в этом они заходили так далеко, что даже участие в каких-нибудь выборах представлялось им изменой интересам пролетариата. Они не желали допустить никаких средств действия, кроме прямой насильственной революции. Из Швейцарии, где первоначально обосновались эти «анархисты», как они сами себя называли, они проникли в Италию и Испанию, где на некоторое время действительно овладели рабочим движением. Внутри Интернационала они получали некоторую поддержку со стороны бельгийцев, которые также высказались, хоть и по совсем другим основаниям, за воздержание от политической борьбы. После раскола они сохраняли видимость организации и устраивали конгрессы, на которых дюжины две одних и тех же людей, претендовавших на представительство рабочего класса всей Европы, проповедывали от его имени анархистские догмы. Однако уже немецкие выборы 1874 г. и крупные выгоды, полученные немецким движением от участия девяти наиболее деятельных его представителей в парламенте, заронили элементы сомнений среди анархистов. В Испании политические события задавили их движение, так что оно исчезло, не оставив почти никаких следов. В Швейцарии партия, стоявшая за политическую деятельность и работавшая рука об руку с немцами, с каждым днем становилась все сильнее и скоро оказалась в отношении к немногим тамошним анархистам, как 300 : 1. В Италии после ребяческой попытки «социальной революции» (в Болонье в 1874 г.), в которой анархисты не проявили себя с выгодной стороны ни по части разума ни по части мужества, настоящий рабочий элемент начал подумывать о разумных средствах деятельности. В Бельгии вследствие политики воздержания вожаков, которые оставили рабочий класс безо всякого поля деятельности, движение дошло до мертвой точки. Фактически в то время как политическая деятельность немцев вела от успеха к успеху, рабочий класс тех стран, где лозунгом дня было воздержание от политики, терпел поражение

за поражением и получил отвращение к движению столь бесплодному по своим результатам; его организации пропадали в забвении, печатные органы исчезали один за другим. Сознательная часть этих рабочих не могла не испытать сильного влияния этого контраста. В Италии, как и в Бельгии, вспыхнуло возмущение против «анархического» и абстенционистского учения¹. Рабочие стали задаваться вопросом, зачем надо в угоду тупому догматизму отказываться как раз от того метода деятельности, который проявил себя как наиболее действенный.

Таково было положение вещей, когда великая избирательная победа немцев положила конец всем сомнениям и перевесила все колебания. Какое бы то ни было сопротивление стало невозможным против столь упрямого факта. Италия и Бельгия высказались за политическую деятельность. Остатки итальянских «абстенционистов», подхлестываемые отчаянием, попытались произвести еще одно восстание неподалеку от Неаполя; человек тридцать анархистов провозгласили «социальную революцию», но были скорехонько упрятаны полицией в узилище. Так анархистская организация, претендовавшая на руководство рабочим движением от одного конца Европы до другого, была снова сведена к своему первоначальному ядру; в Швейцарской Юре осталось около 200 человек, которые из своего горного уединения продолжают протестовать против победоносной ереси остального света и попрежнему провозглашают истинное правоверие, изложенное ныне умершим царем — Бакуниным. И когда в сентябре прошлого года в Генте, в Бельгии, собрался всемирный социалистический конгресс, конгресс, который они сами созвали, они образовали там незначительное меньшинство, противостоявшее делегатам, объединенным и воодушевленным успехами организаций европейского рабочего класса. Конгресс, энергично отвергнув их смехотворные учения и претенциозные требования, констатировал, что он отверг лишь маленькую секту и под ко-

¹ Т. е. учения сторонников воздержания от политической борьбы. *Ред.*

нец проявил по отношению к ним великодушную терпимость.

Так после четырехлетней внутренней распри было восстановлено полное единство действий европейского рабочего класса, и политика, которую защищало большинство последних конгрессов Интернационала, получила полное подтверждение на фактах. Итак, теперь снова достигнута почва, на которой рабочие различных европейских стран снова смогут вместе двинуться вперед, оказывая друг другу ту взаимную поддержку, которая составляет основную силу движения. Международное товарищество рабочих стало невозможным...¹, которые запрещали рабочим этих стран вступать в какой бы то ни было из подобных интернациональных союзов. Правительства спокойно могли бы избавиться от этих забот. Рабочее движение выросло не только из необходимости, но и формальной возможности создания каких-нибудь союзов такого рода. Но эта великая пролетарская организация не только полностью осуществила свою задачу, она сама продолжает жить более крепкая, чем когда бы то ни было, в разросшемся и окрепшем союзе единства и солидарности, в общности действий и политики. Эта общность ныне одушевляет рабочий класс всей Европы и является его специфической великой силой. Теперь имеется масса различных воззрений среди рабочих разных стран и даже внутри каждой отдельной страны, но больше нет сект, нет притязаний на догматическую ортодоксию и доктринерское главенство, а есть общий план действий, план, первоначально набросанный Интернационалом, но теперь нашедший общее признание, потому что он повсюду, сознательно или нет, выростал из борьбы, из нужд движения.

17 марта.

В предшествующей статье мы уже коснулись интереснейших тем, связанных с историей рабочего движения в Италии, Испании, Швейцарии и Бельгии. Остается еще тема, требующая освещения.

В Испании между 1868 г. и 1872 г.,

¹ Здесь из немецкого текста выпали одна или две строчки.

когда Интернационал насчитывал более 30.000 платящих взносы членов, движение быстро расширилось. Но там это было скорее видимостью, чем действительностью, больше результатом временного возбуждения, действием непрочного политического положения страны, чем действительным духовным прогрессом. Испанская секция Интернационала, впутавшаяся в кантоналистское (федеративно-республиканское) восстание, была задавлена вместе с ним. Некоторое время она еще продолжала существовать в образе тайного общества, ядро которого, несомненно, имеется еще и сейчас. Поскольку, однако, это общество ни в чем не проявило признаков жизни, кроме посылки трех делегатов на гентский конгресс, мы вынуждены заключить, что эти три делегата примерно так же представляют испанский рабочий класс, как некогда трое портных с Тулей-Стрита представляли английский народ. И если вдруг политическое потрясение вновь даст испанским рабочим возможность активно выступить, можно с полной уверенностью предсказать, что новый подъем осуществится не из-за этих анархистских болтунов, а благодаря маленькой кучке сознательных и энергичных рабочих, которые в 1872 г. оставались верны Интернационалу и которые предпочли выждать, вместо того чтобы участвовать в махинациях тайного общества.

В Португалии движение всегда оставалось свободным от «анархической» заразы и развивалось таким же сознательным путем, как и в большинстве стран. Португальские рабочие имеют много секций Интернационала и профессиональных союзов. В январе 1877 г. они провели весьма успешно конгресс и стали издавать превосходный еженедельник «Протест». Все-таки они также были связаны неблагоприятным законодательством, ограничивающим свободу печати, союзов и собраний. Несмотря на это они продолжают борьбу и недавно провели в Опорто новый конгресс, давший им возможность показать миру, что португальский рабочий класс занимает подобающее ему место в великой всемирной борьбе за освобождение труда.

Рабочие И т а л и и также сильно стеснены в своей деятельности буржуазным классовым законодательством. Ряд исключительных законов, которые были введены под предлогом борьбы с разбойничеством и с широко разросшимися тайными разбойническими организациями, дают в руки правительства власть чудовищного произвола, и правительство старательно применяет ее к рабочим союзам. Выдающиеся члены этих союзов подлежат, подобно разбойникам, полицейскому надзору и высылке без суда. Тем не менее, движение прогрессирует, и лучшим показателем его жизненности является тот факт, что центр его переносится из преподобных и полумертвых городов Романьи в живые промышленные и торговые города Севера. Эта перемена обеспечивает перевес настоящему рабочему элементу над толпой «анархических» попутчиков буржуазного происхождения, которые прежде составляли руководство. Сколько ни разгоняются и ни распускаются правительством рабочие клубы и профсоюзы, они снова возникают под новыми названиями. Пролетарская печать несмотря на то, что ее органы недолговечны из-за преследований, штрафов и арестов издателей, после каждого очередного удара возникает снова и вопреки всем препятствиям насчитывает все больше относительно длительно существующих газет. Некоторые из них, как и большинство кратковременных газет, исповедуют еще «анархическое» учение, но эта фракция отказалась от всякой претензии на руководство движением и умирает мало-помалу, как и буржуазно-республиканская партия Маццини. И каждый дюйм почвы, потерянный обеими этими фракциями, означает, что такая же часть почвы завоевана настоящим и сознательным движением рабочего класса.

В Б е л г и и также центр тяжести деятельности рабочего класса переместился и сама эта деятельность испытала вследствие этого серьезные превращения. До 1875 г. центр лежал в той части страны, где говорят по-французски (включая сюда полуфранцузский и полуфламандский Брюссель). В течение этого периода движение находилось под сильным влия-

нием учения Прудона, которое тоже предписывало воздержание от вмешательства в политику, особенно от участия в выборах. Таким образом, там имелись еще только стачки, которые, как правило, подавлялись кровавым вмешательством военной силы, да собрания, на которых постоянно повторялся старый набор фраз. Для рабочего народа это было очень печально, и движение постепенно замирало. Но с 1875 г. в борьбу вступили индустриальные города фламандской части страны, вступили с более деятельным и, как скоро должно было обнаружиться, с новым духом. В Бельгии не имеется вообще никаких фабричных законов, которые ограничивали бы рабочее время женщин или детей; и первым требованием рабочих избирателей Гента и его окрестностей было требование об охране их жен и детей, которые должны были отбывать свою барщину на прядильных фабриках по пятнадцати часов в сутки и больше. Оппозиция прудонистских доктринеров, которые не придавали значения подобным мелочам и занимались возвышенным революционаризмом, не подействовала и была постепенно сломлена. Требование законодательной охраны детского труда на фабриках стало пунктом программы бельгийского рабочего класса, и этим был устранен волшебник, который до сих пор держал в опале политическую деятельность. Пример немцев довершил дело. И теперь бельгийские рабочие, как и рабочие Германии, Швейцарии, Дании, Португалии, Венгрии Австрии и части Италии, организуются в самостоятельную политическую партию, которая отличается от всех других политических партий, всем им противостоит и ставит своей целью завоевание освобождения любым политическим действием, какое только требуется положением.

Большая часть рабочих Ш в е й ц а р и и — в том числе ее немецкой части — объединилась несколько лет назад в «рабочую конфедерацию», которая насчитывала к концу 1876 г. около 500.000 членов, платящих взносы. Рядом с ней имеется еще одна организация «грютлианцев», образованная первоначально буржуазными радикалами для распростра-

нения радикализма среди рабочих и крестьян; но постепенно в это широко разветвленное объединение проникли с.-д. идеи, и в конце концов они им полностью овладели. В 1877 г. оба эти общества заключили союз, означающий почти их слияние, с целью организации швейцарской рабочей партии и затем так энергично двинулись вперед, что при общенародном голосовании провели новый швейцарский фабричный закон, который является наиболее благоприятным для рабочего класса из всех существующих. Теперь они готовятся организовать бдительный надзор, чтобы обеспечить его точное проведение против явно выраженного сопротивления фабрикантов. «Анархисты» со своей превыспренно-революционной точки зрения являются, конечно, решительными противниками всей этой деятельности и объявляют ее прямой изменой тому, что они называют «революцией». Однако, поскольку их осталось от силы человек двести, они представляют и здесь, как и везде, генеральный штаб офицеров без армии.

Программа швейцарской рабочей партии почти совпадает с немецкой, собственно, должна будет совпадать, потому что она переняла некоторые ее неясные и путанные положения. Но голые формулировки программы имеют небольшое значение, поскольку дух, овладевший движением, правилен.

Д а т с к и е рабочие вступили в борьбу в 1870 г. и вначале сделали большие успехи. Заключив союз с партией мелко-собственнических крестьян, среди которых они успешно распространяли свои взгляды, они добились столь значительного влияния, что в парламенте ряд лет большинство оставалось за «объединенной левой», ядро которой составляла крестьянская партия. Но в этом быстром росте движения было больше видимости, чем действительности. Однажды было обнаружено, что двое лидеров исчезли, растратив деньги, собранные среди рабочих на партийные цели. Вызванный этим скандал был настолько силен, что датское движение до сих пор еще не исцелилось от последовавшего вслед затем упадка духа. Тем не менее, хотя датская рабочая партия действует теперь сдержаннее, чем

раньше, есть все-таки много оснований для уверенности, что она ныне заменит потерянное ею поверхностное и мнимое господство над массами более реальным и длительным влиянием.

В Австрии и Венгрии рабочему классу приходится бороться с большими трудностями. Политическая свобода в части, касающейся печати, собраний и союзов, сведена здесь к самому низкому уровню, какой только соединим с мнимоконституционной монархией. Свод законов, отличающийся неслыханной растяжимостью, позволяет правительству достигать осуждений даже в случаях самого мирного выражения пожеланий и интересов рабочего класса. И все-таки движение и здесь, как и везде, неудержимо развивается. Основные центры его находятся в индустриальных округах Богемии, в Вене и Будапеште. Выходят рабочие газеты на немецком, чешском и венгерском языках. Из Венгрии движение распространилось на С е р б и ю; там до войны выходил еженедельник на сербском языке, прихлопнутый сразу после начала войны.

Таким образом, повсюду в Европе, куда ни кинуть взгляд, классовое движение рабочих не только успешно, но и быстро развивается и, что еще более важно, повсюду в одном и том же направлении. Восстановлено полное единомыслие, а с ним тем или другим образом восстанавливается и постоянное регулярное общение между рабочими разных стран. Люди, которые в 1864 г. основали Международное товарищество рабочих, которые высоко держали его знамя во время войны, сначала против внешних, потом против внутренних врагов, вплоть до того момента, когда политическая необходимость еще в большей степени, чем внутренние раздоры, привела к распаду и к видимому отступлению, — эти люди могут теперь с гордостью воскликнуть: «Интернационал выполнил свое дело: он полностью достиг своей великой цели — объединения пролетариата всего мира на борьбу со своими угнетателями!».

24 марта.

Наши читатели заметили, что в трех предшествующих статьях была едва упо-

мянута одна из важнейших стран, именно Франция. Основания для этого были следующие. В странах, которыми мы занимались до сих пор, движение рабочего класса, хоть и является движением по существу политическим, не полностью сплетено еще, однако, с общей или, так сказать, официальной политикой. Рабочий класс Германии, Италии, Бельгии и т. д. — это еще не политическая сила в государстве. Политической силой он станет только в будущем, и если в какой-нибудь из этих стран официальным партиям—консерваторам, либералам или радикалам—приходится с ним считаться, то только потому, что быстрый подъем его движения делает очевидным эту перспективу: очень скоро пролетарская партия станет достаточно сильной для того, чтобы ее влияние стало чувствоваться. Но во Франции дело обстоит иначе. Парижские рабочие, поддержанные рабочими больших провинциальных городов, постоянно со времен Великой революции были силой в государстве. В течение уже, примерно, девяноста лет они образуют боевую армию прогресса. При каждом крупном кризисе французской истории они выходили на улицу, вооружались чем могли, воздвигали баррикады и вступали в бой. И их победа или поражение на долгие годы решали последующую судьбу Франции. От 1789 до 1830 гг. буржуазные революции побеждали руками рабочих. И в 1848 г. именно рабочие завоевали республику. Заблуждаясь, они поверили, что эта республика означает освобождение труда, и потерпели жестокое разочарование в июньском разгроме того же года; они на баррикадах сопротивлялись в 1851 г. государственному перевороту Луи-Наполеона и снова были сломлены; они вывели вон в сентябре 1870 г. выдохшуюся империю, к которой буржуазные радикалы еще в марте 1871 г. боялись прикасаться. Попытка Тьера отнять у них оружие, которым они защищали Париж от иностранного нашествия, принудила их к революции Коммуны и к длительной борьбе, кончившейся их кровавым истреблением.

Рабочий класс, который в продолжение почти целого столетия не только

играл решающую роль во всех исторических кризисах своей страны, но одновременно являлся постоянным авангардом европейской революции, такой рабочий класс не может вести относительно изолированной жизни, какая еще составляет круг деятельности рабочих других стран. Такой рабочий класс, как французский, крепко связан своей предшествующей историей. История связывает его с общим политическим развитием страны не менее неразрывными узами, чем доказанная решительность его боевого духа. Таким образом, невозможно бросить взгляд ни на какое выступление французского рабочего класса, не касаясь в то же время общей французской политики.

Вел ли французский рабочий класс собственную борьбу или же борьбу либеральной, радикальной или республиканской буржуазии, за всяким понесенным им поражением до сих пор всегда следовала политическая реакция, которая бывала столь же свирепа, сколь и продолжительна. Так, к поражениям июня 1848 г. и декабря 1851 г. примыкали восемнадцать лет бонапартистской империи, в течение которых печать была задушена, право союзов и собраний подавлено и, таким образом, у рабочего класса похищены все средства взаимосвязи и организации. Необходимым результатом этого было то, что при победе революции в сентябре 1870 г. рабочие не могли посадить на общественные должности никого, кроме тех буржуазных радикалов, которые при Империи образовывали официальную парламентскую оппозицию и которые теперь, само собой разумеется, предали и рабочих, и страну. После подавления Коммуны, боевая мощь рабочего класса была ослаблена на долгие годы. Он мог бороться теперь за непосредственную цель: избежать нового столь же длительного господства угнетения, чтобы не оказаться принужденным снова бороться не за свое прямое освобождение, а за такой строй, который давал бы ему возможность подготовиться к борьбе за полное раскрепощение.

Теперь во Франции имеется четыре большие партии: три монархические —

легитимисты, орлеанисты и бонапартисты, каждая со своим особым претендентом на корону, — и республиканская. Какой бы из трех претендентов теперь ни достиг трона, он во всяком случае нашел бы поддержку только незначительного меньшинства в народе и, следовательно, мог бы положиться только на насилие. Поэтому необходимым сопутствующим явлением всякой монархической реставрации было бы господство силы, подавление всех публичных свобод и личных прав, чего рабочий класс должен стараться избежать. С другой стороны, сохранение существующего республиканского правления оставляет рабочему классу по крайней мере надежду добиться такой степени личной и общественной свободы, которая позволила бы ему создать рабочую печать, вести агитацию на собраниях и основать какую-нибудь организацию вроде независимой политической партии. Таким образом, сохранение республики избавило бы рабочий класс от необходимости давать особый бой для обеспечения возможностей будущего реванша.

Таким образом, новым доказательством высокой инстинктивной политической сознательности французского рабочего класса является тот факт, что 16 мая, как только заговор трех монархических партий объявил республике войну, рабочие, как один человек, признали сохранение республики своей важнейшей непосредственной задачей. Несомненно, они при этом были только хвостом буржуазных республиканцев и радикалов; но чем еще, кроме хвоста радикально-буржуазной партии, может быть рабочий класс, не располагающий ни печатью, ни правом собраний, ни клубами или политическими союзами? Что может он делать для завоевания своей политической самостоятельности, как не поддерживать единственную политическую партию, которая вынуждена гарантировать для всего народа, и значит также для рабочих, такие свободы, которые позволяли бы им иметь независимую организацию? Некоторые утверждали, будто на последних выборах рабочие должны были выставить своих собственных кандидатов. Но даже в тех местно-

стях, в которых они могли бы сделать это с надеждой на успех, — где имеются рабочие кандидаты, достаточно известные их собственному классу, чтобы найти необходимую поддержку? Зачем же со времени Коммуны правительство так старалось арестовывать под предлогом участия в этом восстании всякого рабочего, который приобретал известность благодаря только хотя бы частной агитации в своем собственном районе Парижа?

Победа республиканцев на последних ноябрьских выборах была знаменательна. Еще знаменательнее были победы, которые последовали затем на департаментских, муниципальных и дополнительных выборах. Монархические заговоры, пожалуй, не дали бы провести все это, но их руки были парализованы недвусмысленным поведением армии. Дело не только в том, что имеется множество республиканских офицеров, особенно среди младшего состава; гораздо важнее было то, что солдатская масса отказывалась выступать против республики. Это было первым результатом войсковой реорганизации, которая устранила платных заместителей и превратила войско в действительное представительство молодых людей из всех классов. Так заговор провалился сам собой, без применения к нему силы со стороны. Это также оказывается в интересах рабочего класса. Слишком еще слабый после кровопускания 1871 г., он не может стремиться к тому, чтобы снова расточать свои главные боевые силы в боях за других или впутываться в целый ряд стычек раньше, чем он не восстановил полностью своей мощи.

Но эта республиканская победа имеет еще и другое значение. Она показывает, что с 1870 г. сельское население сделало большой шаг вперед. До сих пор каждая победа, которой достигал рабочий класс в Париже, быстро сводилась на нет из-за реакционного духа мелкого крестьянства, составляющего главную массу французского населения. С начала нынешнего столетия французское крестьянство стало бонапартистским. Вторая республика, в феврале 1848 г. установленная парижскими рабочими, была кассирована шестью миллионами кре-

стьянских голосов, которые получил Луи-Наполеон в декабре того же года. Но прусское нашествие 1870 г. поколебало веру крестьянства в империю, а последние ноябрьские выборы показали, что масса сельского населения стала республиканской. Это является переменной величайшего значения. Это означает не только то, что отныне всякая монархическая реставрация во Франции становится немислимой. Это означает также приближение союза между городскими рабочими и крестьянством в деревне. Крестьянские мелкие собственники, созданные Великой революцией, являются земельными собственниками только по названию. Их дворы заложены ростовщикам, их урожай уходит на оплату податей и налогов: нотариус, стряпчий, судебный пристав, аукционный чиновник вечной угрозой стоит перед его дверьми. Их положение точно так же плохо, как положение рабочих, и почти так же необеспечено. И если теперь эти крестьяне обращаются от бонапартизма к республике, то этим они показывают, что улучшения своего положения они больше не ожидают от тех чудес империи, которые Луи-Наполеон им вечно обещал и никогда не исполнял. Вера Тьера в мистическую целительную власть, которой якобы обладает крестьянский император, жестоко потрясена Второй империей. Волшебника не оказалось. Французское крестьянство решительно стало достаточно сознательным, чтобы понять действительные основания своей нужды и практические меры к ее устранению. А раз только оно начало мыслить, скоро оно должно будет обнаружить, что единственным для него средством спасения является союз с тем единственным классом, который не заинтересован в его нынешнем печальном положении. Это и есть городской рабочий класс. Таким образом, как бы презренно ни было современное республиканское правление Франции, окончательное укрепление республики дает рабочим по крайней мере почву, на которой они могут организоваться в независимую политическую партию и приготовиться к будущим боям — не за чужие интересы, а за свои собственные. Это к тому же почва, на

которой они объединяются с доселе враждебной им массой крестьянства, так что будущие победы станут не кратковременным триумфом Парижа над Францией, но окончательным триумфом всех угнетенных классов Франции, руководимых рабочими Парижа и больших провинциальных городов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Остается рассмотреть еще одну важную европейскую страну,—Р о с с и ю. Не то чтобы в России имелось стоящее упоминания рабочее движение. Однако внутренние и внешние условия, в которых находится Россия, являются условиями совсем особого рода и чреватые они результатами величайшего значения по отношению к будущему не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы.

В 1861 г. правительство Александра II провело освобождение крепостных и превратило огромное большинство русского народа из крепостных, привязанных к своему куску земли и обязанных к принудительной работе на землевладельца, в свободных крестьян-собственников. Эта реформа, необходимость которой была ясна уже с давних пор, была проведена таким образом, что при этом ни бывшие землевладельцы, ни бывшие крепостные не оказались в выигрыше. Крестьянские общества получили земельные наделы, которые впоследствии должны стать их собственностью, а помещики должны получить вознаграждение за землю, уступленную крестьянам, и в некоторой мере за право на рабочую силу крестьян, которыми они владели до сих пор. Поскольку же крестьяне явно не имели денег на оплату землевладельцев, вмешалось государство. Часть этого выкупа была получена путем передачи помещикам части той земли, которую крестьяне до тех пор считали своею; остаток должен быть оплачен в виде официальных долговых обязательств, по которым ссужает государство и которые должны быть оплачены крестьянами в рассрочку ежегодными платежами. Большинство помещиков распродало эти долговые обязательства и растратило деньги; они, таким образом, не только стали беднее,

чем были раньше, но не могут теперь найти и сельскохозяйственных рабочих для возделывания своих участков, потому что крестьяне теперь отказываются работать на них, оставляя собственные поля невозделанными. Что касается крестьян, то мало того, что их земельные наделы уменьшились по сравнению с прошлым, — притом очень часто уменьшились настолько значительно, что в русских условиях они становятся недостаточны для пропитания семьи, — в большинстве случаев оставленные им наделы брались из наихудших участков земли, из болотистых или других негодных к обработке местностей, в то время как хорошие земли, ранее принадлежавшие крестьянам и улучшенные их трудом, отдавались помещикам. В этих условиях и положение крестьян теперь значительно ухудшилось по сравнению с предыдущим. От них тем не менее ожидают, что они ежегодно будут выплачивать правительству подати и часть капитала, который ссудило им государство; вследствие этого лежащие на них подати растут из года в год. К тому же до освобождения крестьяне имели некоторые общие права на землю: право выпаса для своего скота, право на порубку леса для построек и других целей и т. п. Новый порядок открыто лишил их этих прав; если они хотят теперь получить их снова, они должны договариваться об этом с прежним своим господином.

Если, таким образом, в результате реформы большинство помещиков погрязло в долгах еще больше чем раньше, то крестьянство оказалось низведенным до такого состояния, при котором ему нельзя ни жить, ни умереть. Великое дело освобождения, о котором столько кричала и которому столько славословила либеральная пресса Европы, создало только основание и абсолютную необходимость будущей революции.

Правительство со своей стороны делает все возможное для ускорения этой революции. Взяточничество, которое проникает во все официальные сферы и парализует всякие добрые намерения, если они еще имеются... ¹, это исконное взяточничество остается в худшем со-

¹ В немецком тексте пропущено одно слово.

стоянии, чем когда бы то ни было, и в каждой области управления резко выступило на свет с началом турецкой войны. Государственные финансы, пришедшие в полный упадок к концу Крымской войны, ухудшаются все больше и больше. Производится внешний заем, поскольку не имеется никакого другого средства оплатить проценты по старым долгам иначе, как обложив себя новыми. В течение первых лет царствования Александра старый императорский деспотизм был немного ослаблен: печати было предоставлено больше свободы, был введен суд присяжных, а представительные учреждения, выбираемые дворянством, городскими буржуа и крестьянами, получили позволение принимать некоторое участие в местном и провинциальном управлении. Наметились даже некоторое кокетничанье с поляками. Однако публика ошиблась относительно благожелательных видов правительства. Печать стала слишком откровенной. Присяжные оправдывали настоящих политических заключенных, относительно которых правительство ожидало осуждения без документальных доказательств. Местные и провинциальные учреждения сообща заявляли, что правительство своим законом о реформе разорило деревню и что дальше таким путем дела итти не могут. Был даже сделан намек на Национальное собрание как на единственный выход из запутанности современного состояния, ставшего почти невыносимым. И, наконец, поляки отказались довольствоваться красивыми словами и подняли такое восстание, что понадобились все силы империи и вся свирепость русских генералов, чтобы потопить его в потоках крови. Тогда правительство повернуло назад. Снова жестокое угнетение стало в порядок дня. Печати заткнули рот, политических заключенных сделали подсудными особым судам, составленным из партийно подобранных для этой цели судей, с местными и провинциальными учреждениями перестали считаться. Однако было слишком поздно. Проявив признаки страха, правительство потеряло свой престиж. С верой в его крепость и способность раздавить всякое внутреннее

сопротивление было покончено. Возникли зачатки будущего общественного мнения. Силы общества не могут уже быть снова сведены к прежнему раболепию перед указкой правительства. Обсуждение общественных дел, хоть и частным порядком, стало привычкой для образованных классов. И, наконец, правительство при всем своем стремлении возвратиться к порядкам необузданного деспотизма николаевского правления, возымело претензию красоваться в глазах Европы видимостью либерализма, который был введен Александром. Следствием этого явилась система колебаний и оттяжек: сегодня делаются уступки, завтра они отбираются, потом попеременно снова то наполовину делаются, то наполовину отбираются. Эта политика, меняющаяся от часа к часу, делает для каждого очевидной внутреннюю слабость, недостаток разума и воли у того правительства, которое становится ничтожным, если оно не обладает единой волей и средствами ее осуществления. Что может быть естественнее, если с каждым днем растет презрение к тому правительству, о котором давно уже известно, что ни к чему путному оно не годно, которому повинуются только из страха и которое теперь доказало, что оно само сомневается в своей способности удержаться и испытывает по крайней мере такой же страх перед народом, какой народ испытывает перед ним? Перед русским правительством имеется только один путь спасения, путь, открывающийся перед всяким правительством, которому противостоит растущее сопротивление народа, — внешняя война. И оно решается на внешнюю войну, войну, о которой Европе объявляется, что война начинается для освобождения христиан от долгого беспорядка турецкого угнетения (хозяйничания), а русскому народу — что ее ведут для возвращения единоплеменных братьев-славян из турецкого рабства в лоно святой русской империи.

После долгих месяцев бесславных поражений эта война теперь доводится до конца столь же бесславным уничтожением турецкого сопротивления — отчасти посредством предательства, отчасти

благодаря чудовищному перевесу сил. Но само завоевание большей части Европейской Турции русскими является предверием общеевропейской войны. Россия должна будет или настолько отказаться на предстоящей европейской конференции (если эта конференция вообще соберется) от своего ныне завоеванного положения, что несоответствие между чудовищными жертвами и жалкими результатами должно будет довести народное недовольство до взрыва насильственной революции, или же России придется утверждать свое новозавоеванное положение в европейской войне. Обессиленное уже сейчас больше чем наполовину русское правительство не может выпутаться из такой войны — каким бы ни был ее конечный результат — без существенных уступок народу. Подобные уступки, применительно к такому положению, как описанное выше, означают начало революции. Избежать этой революции русскому правительству невозможно, даже если ему повезет и удастся отсрочить ее взрыв на год-два. Но русская революция означает нечто большее, чем простая перемена правления в самой России. Она означает исчезновение могущественной военной державы, которая со времен Великой французской революции являлась становым хребтом объединенного европейского деспотизма. Она означает освобождение Германии от Пруссии, потому что Пруссия до наших дней остается простым созданием России и существует только потому, что на Россию опирается. Она означает освобождение Польши. Она означает пробуждение мелких славянских народностей от панславистских сновидений, которые поддерживало у них нынешнее русское правительство. И она означает начало активной национальной жизни в самом русском народе и тем самым возникновение настоящего классового рабочего движения в России. Вообще говоря, революция в России означает такое изменение во всем положении Европы, которое должны с радостью приветствовать рабочие каждой страны как гигантский шаг на пути к общей цели — полному освобождению труда.

И. С. РАВИНОВИЧ

ОКТЯБРЬ В ЖИВОПИСИ

Надо с самого начала и прямо сказать, что дни Октября, «Десять дней, которые потрясли мир», не нашли и в малой мере соответствующего их историческому значению воплощения в художественных образах.

Дни Октября, дни величайшей в истории революции, получили количественно весьма скудное, совершенно неполное по охвату событий, а идеологически в подавляющем большинстве неприемлемое отражение в искусстве.

В первую очередь необходимо остановиться на ряде попыток показать типаж участников Октября. Таксы рисунки: К и с е л и с а — «Вся власть Советам», Ш у х м и н а — «В Октябре», две вещи М а к с и м о в а — «Красногвардеец-матрос» и «Матросы Авроры».

Но дать типаж участников Октября — это значит ответить на вопрос о том, откуда черпала свои силы пролетарская революция, откуда пришли эти люди, где закалилась их непоколебимая воля в борьбе и победе, — словом, это значит показать ныне живущим поколениям и сохранить для будущего социальный облик тех, кто творил Октябрь.

Однако в названных нами работах разрешение этой большой задачи намечается лишь в самых общих и безусловно недостаточных чертах.

Есть ряд работ, имеющих явную установку не на показ конкретного революционного события, а только на передачу общего ритма дней Октября, на выявление лица и на настроения революционной столицы и ее окраин. Таков, например, рисунок В. Кринского — «Вся власть Советам», рисунок Кардовского — «Митинг под Петроградом в Октябрьские дни» и в особенности ряд серий иллюстраций к «Двенадцати» А. Блока, — В. Масюткина, Ларионова, Ю. Анненкова, А. Гончарова и Н. Дмитриевского. Но все эти работы, в особенности относящиеся к «Двенадцати», несматривая на отличающую их исключительную высоту профессионального мастерства, не могут ни в коем случае быть признаны подлинным показом настроения революционной столицы. Следуя за поэмой Блока, эти художники повторяют его основную ошибку:

побочные, неизбежно сопутствующие революции явления заслоняют от них главное, основное. Тяжелый груз чуждой пролетариату идеологии не дал этим художникам уразуметь, что «Петруха» и его «Катюка» не стояли в центре петроградских улиц в дни Октября, когда по ним двигались железной поступью рабочие батальоны. И не только в этом художники повторяют ошибку поэта. В иллюстрациях Анненкова, как и в поэме Блока, нет преображенной революцией столицы, а есть ее лицо, перекошенное случайными, неминуемыми эксцессами. Гончаров же перенес в свои иллюстрации весь мистический туман, окутывающий поэму Блока и получающий свое законченное выражение в ее последних строчках:

В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

Надо ли говорить еще об иллюстрациях Мухина к поэме Блока, который во всей столь богатой образами поэме воспринял лишь:

В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

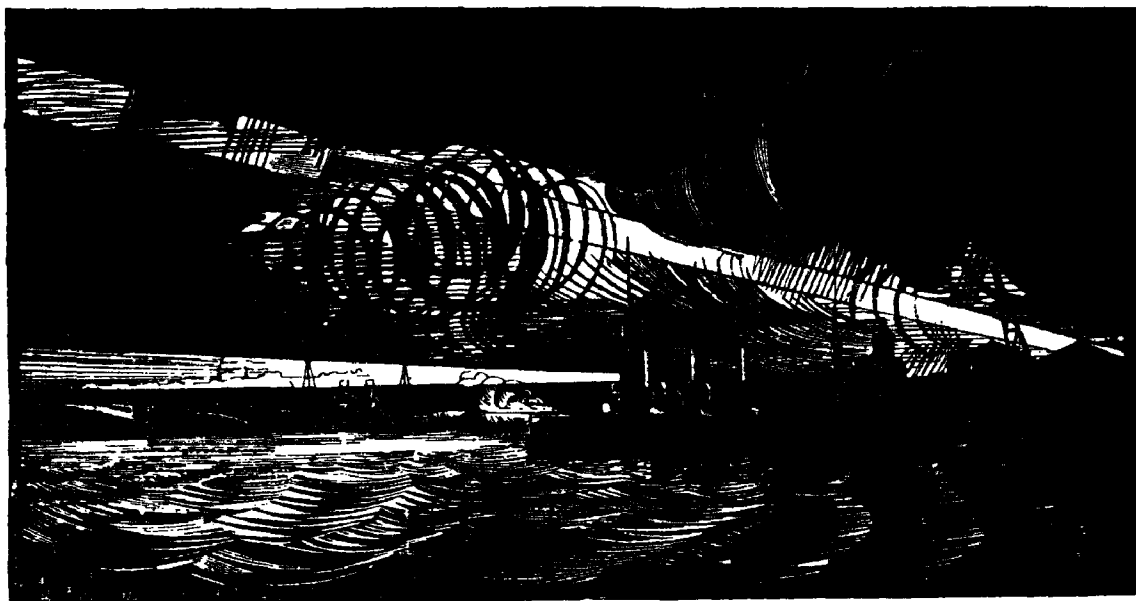
Не удивительно, что в то время, когда целый ряд художников рабстал над иллюстрированием поэмы Блока, никто из наших мастеров иллюстрации не взялся иллюстрировать другой, в известной мере аналогичной ей, поэмы — «Главная улица» Демьяна Бедного:

«Двигутся, движутся, движутся,
двигутся,
В цепи железными звеньями
нижуются,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут

На последний, на главный редут».

Эти строки открывают «Главную улицу» Бедного, ими она заканчивается, они и характеризуют строй всей поэмы. Но чтобы передать в линиях классический смысл этих строк, совершенно необходимо стать на совсем иную социальную почву, чем та, на которой стоит большинство наших художников.

Крейсер «Аврора»
Н. Куприянов

Красная гвардия в Зимнем

А. Осеркин

К рассматриваемым работам относится и гравюра В. Фаворского «Октябрь 1917 г.». Деревянные солдатики, среди них такой же Ленин, игрушечный бой, торопливые движения, беспорядочное нагромождение — вот что представлено на листе этого признанного как у нас, так и в Европе гравера. Эта работа, не прибавляя ни единого штриха к художественному показу дней Октября, лишь доказывает, что никаким техническим совершенством нельзя прикрыть инако-классовую идеологию, стоящую на пути художника к овладению материалом пролетарской революции. И больше: здесь высота технического мастерства становится в вопиющее противоречие с полным бессилием осмыслить пролетарскую революцию, с полным убожеством художественного замысла.

Самой многочисленной является группа работ, рисующих отдельные конкретные революционные события, революционные бои: «Красногвардейцы в Зимнем» — А. Осеркина, «Арест Временного правительства» — А. Козлова, «Крейсер «Аврора» — Н. Куприянова, «Крейсер «Аврора» — П. Вильямса, «Взятие Зимнего» — Р. Френца, «Бой у Никитских ворот» — Ражина, «Перед взятием Кремля» — К. Юона, «Взятие Кремля» — Лиснера, «Взятие Кремля» — Рудакова, «Похороны героев Октября» — Розанова.

Убедительным может быть только такой показ вооруженной борьбы революционной массы, который дает возможность за специфическими чертами, общими для всякого боевого столкновения, разглядеть какие-то отличающие ее моменты, ее иную социальную сущность. История искусства показывает, что именно по этому пути шли в прошлом художники революционных событий. Об этом говорят многочисленные серии гравюр, развертывающие события во Франции в эпоху Великой революции. Достаточно указать на столь известные гравюры, как «Взятие Бастилии» — Берто и «Падение Тюильри» — Хельмана. Здесь тесная стена толпы, в неудержимом движении ополчающаяся на давящую громаду стен ненавистной кре-

Матросы „Авроры“

К. Максимов

пости-тюрьмы, на королевский дворец, не оставляет сомнения в характере изображаемого события.

Тем более можно и должно требовать определенности характеристик боевых столкновений Октябрьских дней, что здесь мы имеем дело не с социально неоднородной толпой,

выступавшей в Великой французской революции, а с московским и питерским пролетариатом, имеющим свое отчетливое классовое лицо.

А между тем ничего этого нет в названных работах. На картине Рязина «Бой у Никитских ворот» вместо движения массы — жестикюляция отдельных фигур. Пожар, показанный художником на всем полотне, был бы художественно необходим и увязан со всем построением картины, если бы он способствовал большему выделению наступающей массы, но этого нет и он остается неоправданным эффектом.

На картине Лиснера «Взятие Кремля» и на картине того же названия Рудакова выступает не революционная масса, охваченная единой волей, единым устремлением, а разъединенные, лишенные всякой характерности фигуры. Здесь нет, и это главное, никакой напряженности революционного события.

Последние слова в полной мере относятся и к «Похоронам жертв Октября» Г. Розина — огромному полотну, с края до края покрытому понурыми, унылыми фигурами идущих вразброд людей.

Картина Козлова «Арест Временного правительства» не только лишена всякой боевой заостренности революционного действия, но строгое размещение людей вокруг стола, расплывчатость очертаний и скованность движения придают ей характер какого-то таинственного происшествия, происходящего при глубоком безмолвии присутствующих.

Близко к работе Козлова примыкает по своей тематике картина А. Осмеркина «Красногвардейцы в Зимнем». Здесь декоративная роскошь дворцовых стен, колонн, эффектный изгиб роскошной внутренней лестницы, так детально выписанные, привлекают внимание художника в той же мере, как и революционные действия, здесь присходящие. Все по-

В. Фаворский

строение картины подсказано холодом безразличия стороннего наблюдателя.

И только весьма малая часть художественного молодняка, пользуясь четким, острым и динамическим языком графики, дала значительные, подлинно художественные документы вооруженной борьбы рабочего класса в дни Октября 1917 г. Таковы рисунки Н. Падальцына к книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Цепко хватаясь за революционную мысль этой книги, удостоившейся это сочинение рабочим всех стран, иллюстратор дает картину насыщенную движением и революционной героикой вооруженных столкновений.

„Двенадцать“ А. Блока

А. Гончаров

Но центральное место среди этих немногочисленных работ принадлежит гравюре Н. Куприянова «Выстрел «Авроры». Ночная темь, клубы дыма, мрачные волны и прорезывающие черное небо прожектора, — все это выполнено с исключительным техническим мастерством, целиком направленным к тому, чтобы как можно полнее передать всю значительность события — исторического выстрела первого революционного корабля. Работа Куприянова была названа «абсолютным шедевром», мы

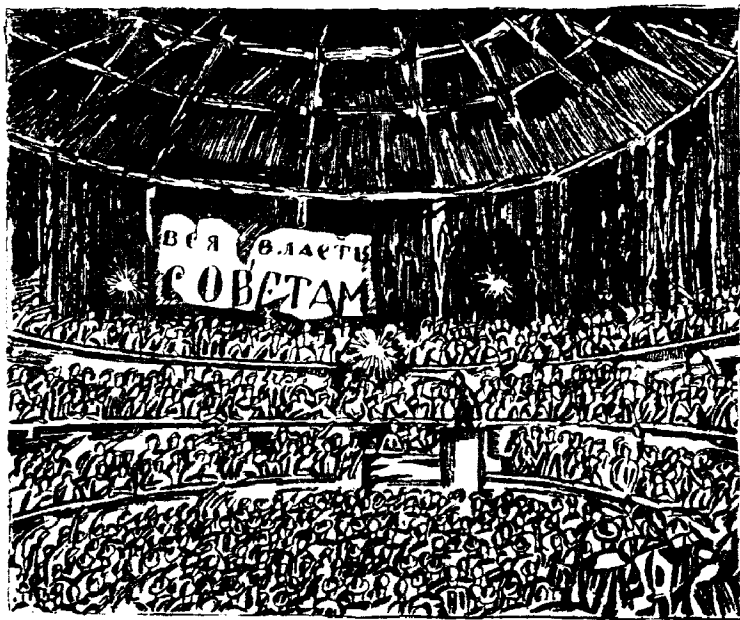

„Двенадцать“ А. Блока

Ю. Анненков

ее расцениваем как подлинно революционное произведение.

Подводя итоги, мы должны сказать, что к пятнадцатилетию Октябрьской революции новые кадры пролетарских художников обязаны создать подлинно революционное, классовое отражение этих великих дней.

„Вся власть Советам“

А. И. Кравченко

КАК ЗАНИМАТЬСЯ ИСТОРИЕЙ

А. ОСТАЛЬЦЕВА

ЧТО ЧИТАТЬ О ГЕРМАНИИ

Для правильного понимания истории германской революции и основных этапов ее послереволюционной истории необходимо предварительное знакомство с историей формирования буржуазного государства в Германии и ее развитием в довоенную эпоху империализма.

Основными работами являются — «Революция и контрреволюция в Германии» (т. VI собр. соч. Маркса и Энгельса; есть и отдельное издание), где вскрыты общие причины германской революции 1848 г., дана блестящая характеристика истории и причин поражения революции. В том же томе помещена ст. Энгельса «Маркс и «Новая Рейнская газета», где разъяснена тактика, которую основоположники научного социализма проводили в ходе революции.

Процесс завершения формирования буржуазного государства в Германии (эпоха Бисмарка, «Революция сверху») обрисован в работе Энгельса «Сила и экономика в образовании Германской империи», изд. «Красная новь», 1923 г.). Истории Германии в эпоху империализма посвящена книга т. Н. Лукина-Антонова «Очерки по новейшей истории Германии» (1890—1914 гг. Гиз, 1925 г.). Работа охватывает все важнейшие стороны политического и экономического развития Германии этой эпохи. В книге дано нечеткое определение империализма.

С историей германской с.д. первого, наиболее раннего этапа в ее развитии — лучше всего ознакомиться по воспоминаниям Авг. Бебеля «Из моей жизни» (Гиз, изд. 1925 г.). Читается легко. В книге вождя старой, довоенной с.д. нет, однако, достаточной критики тех зародышей оппортунистических тенденций, которые привели партию к краху 4 августа. Превосходным образом борьбы на два фронта являются высказывания Маркса и Энгельса о германской с.д. Основные из них собраны Г. Дункером «Маркс и Энгельс о программе и тактике с.д.» («Прибой», 1930 г.). Отдельной брошюрой издан Маркс «К критике готской программы» (есть ред. изд.). Высказывания Энгельса, относящиеся к более позднему периоду — 90-е годы — см. в брошюре Ф. Энгельс «Политическое завещание» («Красная новь», 1923). В сборнике писем Маркса и Энгельса, изд. под редакцией В. Адоратского, непосредственно германской с.д. посвящены письма №№ 91, 175, 178, 179, 183.

Недавно Институтом Маркса и Энгельса было опубликовано чрезвычайно интересное «Циркулярное письмо Маркса и Энгельса» Бебелю, Либкнехту, Браке и др. Письмо с исключительной дальновидностью предсказывает предательскую роль оппортунистического крыла германской с.д. («Большевик» № 13, 1931 г.). Там же опубликована ст. М. Зоркого, характеризующая борьбу Маркса и Энгельса на два фронта.

В книге Г. Зиновьева «Война и кризис социализма» собран богатый материал по вопросу об отношении с.д. к войне. Дипломатическая подготовка Германии к войне освещена в сборнике статей М. Н. Покровского «Империалистическая война». Истории рабочего движения в годы войны и подготовке революции посвящена только одна значительная работа ренегата германской компартии П. Фрелиха «Из истории германской революции» (т. I, Гиз), требующая критического к себе отношения. Литература (на русском языке) по истории ноябрьской революции 1918 г., к сожалению, очень еще небогата. Лучшей из имеющихся сводной работой является очерк К. Шелавина «Авангардные бои западно-европейского пролетариата» ч. 1 и 2 (изд. «Красной газеты», 1929 г.). Книга легко читается. Фактический материал в ней собран довольно большой. Можно также указать сборник под редакцией В. Мирославского «Германская революция» (изд. «Молодая гвардия»). В книге собраны интересные материалы, отрывки из воспоминаний и т. д. Дается правильное представление о ходе событий.

Большая часть литературы о германской революции написана с.д. Их специальное назначение — оправдать в глазах пролетариата предательскую тактику с.д. Однако некоторые

из них приводят настолько красноречивые факты, что кое-какие из этих книг можно использовать как документы, хотя авторы и всячески пытались защитить себя. Наиболее интересны: Ф. Шейдеман «Крушение Германской империи» (Гиз, 1923 г.) и Г. Носке «От Килья до Каппа» (есть сборник изд. «Прибой» «Исповедь «кровавой собаки» Носке»). Главы из мемуаров Шейдемана были напечатаны в № 5 «Борьбы классов». Некоторый интерес могут представить воспоминания Эм. Барта «В мастерской германской революции» (Гиз, 1924 г.). Бывш. «независимого», заслуженно называемого болтуном и считающего себя «мастером» революции 9 ноября. Воспоминания т. Вильгельма Пика печатаются выше в нашем журнале. Чрезвычайно важный вопрос о роли совет. сов. в германской революции освещен пока только в одной ст. И. Козока, «Советы в Рурской области» («Историк-марксист»).

О Баварской советской республике на русском языке есть книга Вернера-Фрелиха (брандлерянца). Работа не дает правильного освещения событий и тактики компартии. Книга Грешина «Красная Бавария» (изд. «Молодая Гвардия», 1925 г.) является только популярным очерком.

Работа А. Панкратовой «Фабзавкомы в германской революции» освещает очень важный вопрос о борьбе фабзавкомов с оппортунистическим профсоюзным руководством. Написана очень доступно. Книга Г. Зиновьева «Проблемы германской революции» представляет сборник статей, написанных после октябрьских событий 1923 г. Стенограмму дискуссии президиума ИККИ в связи с ошибками брандлеровского руководства 1923 г. см. в сборнике «Уроки германских событий».

Экономическая история послевоенной Германии, отдельные этапы ее освещены в ряде работ, в частности Е. Павловского «Банкротство Германии» («Красная новь», 1923 г.) и «Накануне последнего боя в Германии» (Гиз, 1924 г.). Браславского «Современный германский капитализм» (1928) и наиболее полно в книге Файнгара «Современная Германия» (1928 г.).

Роль германской с.д. в период временной стабилизации, срастание ее с аппаратом буржуазного государства показаны в сборнике под ред. Е. Варга «С.д. партии и их роль в современном рабочем движении» («Московский рабочий», 1927 г.).

Огромное количество журнальных статей, посвященных проблемам развития Германии и германской компартии, напечатано в журнале «Коммунистический Интернационал» за все эти годы. Работа т. Реммеле «Германская коммунистическая партия» (Гиз, М.-Л. 1929 г.) освещает основные вопросы истории и тактики партии.

С современным положением в Германии лучше всего ознакомиться по журналу «Коммунистический Интернационал». Характеристика экономического кризиса дана в статьях: Геккерт — «Экономический кризис в Германии и его социальные последствия», И. Д. — «Экономический кризис в Германии», Варги — «Основные показатели германского хозяйства» («Коммунистический Интернационал», № 2, 1930).

Германскому фашизму посвящены статьи «Национал-фашизм в Германии» («К. И.», № 4, 1930 г.), Герберера — «Новейший этап германского фашизма» (№ 5), Файнгара — «Оффензива германской буржуазии в свете хозяйственного кризиса» (1920 г. № 18); «К вопросу о борьбе с национал-фашизмом в Германии» (№ 22); «Развитие фашизма в Германии» (№ 31). Этому же вопросу посвящена брошюра К. Радека «Опасность фашистского переворота в Германии» («Моск. Раб.» 1930 г.).

Об экономическом положении пролетариата за последнее время дает представление статья Иоткаса «Абсолютное обнищание промышленного пролетариата в Германии» («К. И.», 1931 г., № 10 11).

О современном положении коммунистической партии (см. ст. Тельмана «КПГ После выборов в рейхстаг» («К. И.», 1930 г., № 27), доклад на пленуме ЦК германской компартии (1931 г., № 3, ст. «Компартия Германии на подъеме» (№ 5).

Е. КРИВОШЕЙНА. Две демонстрации (июнь 1917 г.). Стр. 174, ц. 1 р. СОЦ.КГИЗ

Не только важно выяснить теоретическую суть проблемы перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, но и показать, как в живой исторической действительности это происходит. В связи с этим имеет поистине колоссальное значение изучение опыта русской революции 1917 г. Как пролетариат шел к своей Октябрьской вершине, как мобилизовались силы революции против капиталистического строя, как росло, выкристаллизовывалось классовое сознание пролетариата, как, с другой стороны, мобилизовались силы контрреволюции, какова была позиция агентов буржуазии среди пролетариата: меньшевиков и эсеров и т. д. и т. п. — все это историк должен осветить, чтобы мы увидели, «как делается революция».

Книга т. Кривошейной посвящена двум демонстрациям 1917 г.: одной — предполагавшейся на 10 июня, но сорванной меньшевиками и эсерами, державшими в тот момент в своих руках руководство советами, и другой — состоявшейся 18 июня уже по инициативе самих меньшевиков и эсеров, но на деле превратившейся в большевистскую.

Недовольство пролетариата и армии политикой Временного правительства и его агентами — меньшевиками и эсерами — начало шириться уже в апреле. К июню массам стало ясным классовое лицо Временного правительства и его лакеев — меньшевиков и эсеров. Массы видели, что не было обещанных мира, хлеба и земли, и начали вставать в бой.

В рамках советов, где командовали агенты буржуазии — меньшевики и эсеры, массы не находили места для своей борьбы. Совершенно естественно, что улица стала трибуной масс. На улицу! — вот куда рвались революционные массы, в первую очередь пролетарии и солдаты Питера, которые имели большие возможности скорее распознать классовую физиономию новой власти.

Отсюда же идет и идея демонстрации 10 июня. Соглашательское руководство советов справедливо увидело в демонстрации, организованной по инициативе недовольных масс, зарницу грозно наступающей пролетарской революции. Сорвав эту демонстрацию, меньшевики и эсеры пытаются дискредитировать вождя пролетарской революции — партию большевиков.

Но революционное влияние большевистской партии на массы все больше и больше ширилось. Лозунги пролетарской революции начали проникать в самые отсталые слои трудящихся. Теперь меньшевики и эсеры не находили уже другого средства борьбы с надвигающейся пролетарской революцией, как оружие той же самой революции — демонстрацию. 18 июня меньшевики и эсеры решили провести «свою» демонстрацию. Но эта «тонкая» тактика — оружием революции бить революцию — была сорвана революционными массами. Вместо демонстрации, направленной против надвигающейся революции, получилась, наоборот, могучая демонстрация сил победоносно надвигающейся пролетарской революции. Железные батальоны демонстри-

рующих пролетарских масс и солдат на своих знаменах выставили единодушное требование: свержение капитализма, установление диктатуры пролетариата.

Историческое значение этой демонстрации состояло в том, что она выявила готовность питерского пролетариата развешивать революцию дальше. Класс делал решительный шаг в сторону своей диктатуры. Еще несколько месяцев прошло — и пролетариат эту власть завоевал.

Тов. Кривошейна в своей брошюре делает попытку показать нам все события, которые привели к этим демонстрациям, как эти демонстрации проходили, какая классовая борьба шла вокруг них, какую роль эти демонстрации сыграли в борьбе пролетариата за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую, как партия пролетариата, партия большевиков, в борьбе на два фронта — против правых и «левых» — руководила массами в этот период.

Приходится, однако, отметить, что т. Кривошейна не исчерпала большой и интересной исторической темы. Она осветила лишь небольшую часть вопросов, связанную с этими демонстрациями. В книжке говорится только о Питере. А разве эти демонстрации и острая классовая борьба которая шла вокруг них, не имели отклика в провинции, в армии, в деревне и за границей? Само собой разумеется, что в Питере совершались события в более широком масштабе, чем в провинции, но суть их как в центре, так и на местах была одна: борьба за власть. Эти вопросы совершенно не нашли своего освещения в книге т. Кривошейной. Да и сам Питер целиком не представлен. В некоторых местах т. Кривошейна дает неудачные формулировки. Так, в отношении меньшевиков она нередко выражается так: «Они не видели», «они забывали, что революционное настроение масс растет быстрым темпом». Или вот такое выражение: «Потерю своего влияния они (т. е. меньшевики и эсеры. Р. К.) по свойственной им близорукости приписывали не собственным ошибкам (разрядка наша), а лишь проискам большевиков» (стр. 90). Мы не собираемся винить т. Кривошейну в том, что она не понимает классовых корней российского оппортунизма и не понимает, что меньшевики и эсеры не «ошиблись», а вели определенную классовую линию против революционного пролетариата. Но употребляя такие выражения, т. Кривошейна объективно замазывает классовую суть политики меньшевизма как агентуры буржуазии в рабочем классе. Такие выражения, которые т. Кривошейна употребляет в отношении меньшевиков и эсеров, тем более опасны, что книжка ее предназначена для широких читательских кругов. Необходимо отметить, что местами стиль брошюры несколько неряшлив.

Но несмотря на отмеченные недостатки книжка т. Кривошейной представляет несомненный интерес и не без пользы будет прочтена каждым читателем, интересующимся развитием революционной борьбы в 1917 г.

Р. Кугель

ВСЕМ ОТДЕЛЕНИЯМ О-ВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ И ИСТОРИЧЕСКИМ КАФЕДРАМ ВУЗОВ И КОМВУЗОВ

Редакция „Борьбы классов“ обращается к вам с просьбой оказать содействие в деле всестороннего улучшения содержания и оформления журнала:

В связи с этим редакция просит:

1) сообщить фамилии и адреса ваших научных сотрудников и аспирантов старших курсов, которые могли бы принимать участие в работе журнала в качестве постоянных авторов, вопросы или темы, над которыми они работают;

2) поставить вопрос о журнале „Борьба классов“ на обсуждение вашего научного коллектива и сообщить редакции ваши предложения и пожелания, способствующие делу улучшения и распространения журнала, и

3) в частности, мы просим вас доставлять нам материал в такие отделы: а) Массы творят и пишут историю; б) История фабрик и заводов; в) История гражданской войны; г) История Октябрьской революции; д) История народов СССР и е) Критика и библиография.

Обращаем ваше внимание на то, что журнал может быть массовым только при условии участия в нем массового писателя. Поэтому привлечение молодых авторов является одной из серьезнейших задач журнала, который должен помочь вырастить новым историческим кадрам.

РЕДАКЦИЯ

РЕЗОЛЮЦИЯ ПРЕЗИДИУМА КОМАКАДЕМИИ

1. Вступление СССР в период социализма «и назревание предпосылок революционного кризиса» в ряде капиталистических стран, сопровождающееся обострением классовой борьбы, выдвинуло перед всем теоретическим фронтом задачи исключительной теоретической и политической важности. Сущность необходимого поворота, вытекающая из этих задач, сформулирована в исторической речи т. Сталина на конференции аграрников-марксистов и в решениях ЦК нашей партии, требующих сосредоточения сил и внимания научных работников «на теоретической разработке проблем социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата, исходя из необходимости на первый план выдвинуть разработку конкретных узловых проблем, связанных с текущими задачами партии... с классовой борьбой мирового пролетариата на данном этапе» (из резолюции ЦК ВКП(б) по докладу Комакадемии от 15 III—31 г.).

2. Эта директива ЦК партии решительно поставила перед западным участком исторического фронта проблему большевистской проверки степени его подготовленности к разрешению боевых задач, выдвигаемых на данном этапе партией и Коминтерном.

В реализации этих задач значительную роль сыграла происходившая в феврале — мае широкая дискуссия о положении в области изучения истории Запада, давшая анализ современного состояния западно-европейской исторической науки как в капиталистических странах, так и в СССР. Дискуссия, отметив успехи, достигнутые западными историками в СССР, решительно вскрыла ряд существенных недостатков, наличие антиленинских концепций, принципиальных теоретическо-политических ошибок в работах отдельных товарищей, заострила внимание западников на необходимости значительного усиления разработки ленинского наследия, наметила общую линию преодоления резкого отставания западного участка исторической науки, содержание и практический путь решительного поворота в научно-исследовательской и учебной работе.

3. В настоящий момент в связи с надвигающейся пролетарской революцией в капиталистических странах более чем когда-либо

происходит наступление единым фронтом буржуазных и с.-д. историков против марксистско-ленинского учения как научного объяснения истории: те и другие защищают под флагом «научной объективности» и «бескорыстия» классовые интересы контрреволюционной империалистической буржуазии.

С особой яркостью еще раз подтверждается положение Ленина о том, что «беспристрастной» «социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но в с я казенная и либеральная наука з а щ и щ а е т наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную борьбу этому рабству» (собр.соч., т. XII, ч. II, стр. 54).

Историческая наука в капиталистических странах носит на себе в настоящий период печать упадка и разложения (беспомощный эклектизм в области методологии, воскрешение теории «круговорота», расцвет зоологического национализма, пренебрежительное отношение к изучению революционных эпох и т. п.).

Вместе с тем обострение классовой борьбы в капиталистических странах отбрасывает из рядов коммунистических партий всякого рода колеблющихся и оппортунистические элементы, — троцкистов, правых оппортунистов — в лагерь социал-фашистов. Наряду с этим коммунистическое движение на Западе способствует росту и образованию подлинно ленинских теоретических кадров, однако, до сих пор все еще недостаточных перед лицом тех огромных задач, которые выдвигаются на данном этапе перед теоретическим фронтом, что делает необходимым значительное усиление борьбы за марксистско-ленинскую разработку исторических проблем и за подготовку новых кадров историков-коммунистов.

4. Только в СССР впервые сложились исключительно благоприятные условия для марксистско-ленинской разработки истории западно-европейского и американского пролетариата и его классовой борьбы. В государстве, где пролетариат из угнетенного класса стал классом господствующим, впервые создалась возможность уничтожения монополии буржуазных ученых в области научного исследования и подготовки научных кадров историков, уже теперь включающих в себя заметную рабочую прос-

лойку и в значительной степени вытеснивших старую буржуазную профессуру из высшей школы и научно-исследовательских институтов.

Только в Стране советов концентрация и специальный подбор архивных и печатных материалов, сосредоточенных в специальных учреждениях (Комакадемия, институт Маркса, Энгельса и Ленина, соответствующие отделы Центрархива и т.п.) создали надлежащую базу для изучения Западной Европы и Америки с точки зрения марксизма-ленинизма.

5. За время существования советской власти значительно выросли кадры историков Запада — коммунистов, которыми проделана большая работа, в основном правильная с точки зрения методологии и отвечающая на известном этапе задачам партии. Историки Запада в борьбе с различного рода буржуазными, с.-д. и троцкистскими концепциями и схемами добились значительных успехов в области конкретно исторической разработки марксистско-ленинской концепции истории. Разработка Великой английской и Великой французской революций велась под углом зрения опыта гражданской войны; марксистская разработка истории Конвента — в свете решительного отпора контрреволюционным попыткам троцкистов, меньшевиков и устряловцев, пытавшихся доказать неизбежность термидорианского перерождения партии и советской власти в условиях нэпа.

На основе оценки Ленина изучался опыт Парижской Коммуны как первый и всемирный исторический этап в развитии диктатуры пролетариата и первое государство «типа советов».

Разработкой довоенной истории империализма проделана значительная работа по преодолению с.-д. схем и конкретной разработке истории основных партий II интернационала под углом зрения борьбы как с правооппортунистическими прикрашиваниями роли центра, так и с недооценкой исторической роли II интернационала на определенном этапе его развития. Историки Запада разоблачили классовую сущность буржуазных и мелкобуржуазных исторических концепций (Петрушевский, Тарле, Виппер, Олар, Допш, Матъез и др.) и в особенности проводили решительную борьбу с антимарксистскими и псевдомарксистскими работами тех историков, которые оказались связанными с контрреволюционными вредительскими организациями (Тарле и др.).

Проделанная по этим направлениям работа с несомненностью свидетельствует о правильности политической линии западного участка исторического фронта.

6. Однако имевшие место факты недостаточно своевременной и последовательной борьбы с буржуазными и с.-д., меньшевистскими и троцкистскими концепциями, а также тот факт, что борьба с буржуазными и с.-д. историками еще только развертывается, требует решительного усиления нашей бдительности и борьбы в этой области.

В качестве одного из наиболее ярких фактов недостаточной бдительности в борьбе с враждебными влияниями является издание вышедшего в 1930 г. III тома «Книги для чтения по

истории нового и новейшего времени» (под ред. Моносова, Зайделя и Фридлянда), содержащего наряду с отдельными право- и «лево»-оппортунистическими работами статьи, открыто враждебные марксизму.

Несмотря на достижения общее положение на западном участке исторического фронта характеризуется резким отставанием научно-исследовательской работы от задач, выдвигаемых современным этапом строительства социализма в СССР и международного рабочего движения. Это отставание выразилось почти в полном отсутствии разработки истории послевоенного периода и недостаточной разработке ряда актуальных проблем эпохи довоенного империализма (массовое рабочее движение, закон неравномерного развития капитализма в эпоху империализма, внешняя и колониальная политика).

7. Особо следует подчеркнуть, что изучение богатейшего опыта послевоенного мирового революционного движения и Коминтерна, послевоенной истории международных отношений почти оставались вне сферы научно-исследовательской и популяризаторской работы. Это привело к тому, что историки Запада не разоблачали на основе конкретного исторического материала враждебных ленинизму концепций по истории Коминтерна (Фрейлих, Мейер), по истории послевоенной с.-д. (Астров и Слепков), не дали достаточно развернутой критики троцкистского понимания современных проблем рабочего движения, так и ошибок т. Бухарина, его концепции послевоенного развития Коминтерна и рабочего движения.

Одним из существенных недостатков в работе историков Запада является недостаточное использование и разработка ленинского наследства. До сих пор не разработаны ленинские концепции истории главнейших стран Западной Европы, не проделана даже работа по сборанию и систематизации ленинских высказываний по отдельным странам.

8. Влияние с.-д. концепций особенно ярко обнаружилось в рязановщине. Отрицая ленинизм как новый этап в развитии марксизма, явно примиренчески относясь к буржуазным и псевдомарксистским историческим работам, наконец, сознательно отрицая партийность науки, группируя вокруг себя обломки разбитых в революции контрреволюционных партий, Рязанов является, таким образом, прямым проводником с.-д. влияний в нашей среде. Измена Рязанова партии, его роль как агента контрреволюционного меньшевизма, стоит в непосредственной связи с этими его установками в научной работе.

9. Примером проникновения не только с.-д., но и либеральных влияний в историческую литературу являются работы Аркмана, в которых отрицается империализм, как особая и последняя фаза загнивающего капитализма.

10. Ожесточенное сопротивление классового врага развернутому социалистическому наступлению в стране, вступившей в период социализма, выразилось в активизации буржуазных элементов, в активизации правооппортунистических элементов, представляю-

щих сейчас главную опасность в партии, и различного рода левацких загибов. Все это получило также свое отражение и на западном участке исторического фронта. С одной стороны, в виде активизации буржуазной профессуры (Тарле, Петрушевский и др.) и в усиленной размежевке среди отдельных групп попутчиков, с другой — в фактах влияния на историков-коммунистов с.-д. схем, богдановско-бухаринской методологии, представляющей теоретическую основу правого уклона, меньшевистского идеализма деборинской школы, различного рода троцкистских и полутроцкистских концепций и установок.

11. Наиболее яркое выражение правого оппортунизма имеет место в чуждых марксистско-ленинской методологии работах Яроцкого, защищающих по существу тред-юнионистскую концепцию в истории профдвижения, и Стеклова, искажающего борьбу течений в I интернационале, историю Парижской Коммуны, оценку бакунизма.

12. В работах ряда историков-коммунистов, писавших об истории довоенного империализма, содержатся серьезные теоретические и методологические ошибки. Так, например, в некоторых работах историков-марксистов давалась ошибочная, не ленинская характеристика империализма (Лукин, «Очерки по новейшей истории Германии 1926 г.»). В работах других историков дается чуждое ленинизму отождествление анархо-синдикализма в романских странах с германскими левыми радикалами (Зайдель, «Очерки по истории II интернационала» 1931 г.). В ряде работ проявляется недооценка роли большевизма в международном рабочем движении и т. д.

Наряду с недостаточной конкретно-исторической разработкой закона неравномерного развития капитализма в работах некоторых историков Запада допущены ошибки в понимании закона неравномерного развития, выразившиеся в трактовке этого закона, только как подтягивания стран отсталых к передовым странам при одновременном замалчивании указаний Ленина и Сталина об обостряющейся скачкообразности неравномерного развития капитализма. Не была проведена борьба с механическим пониманием закона неравномерного развития капитализма при империализме. Совершенно недостаточна конкретно-историческая разработка теорий абсолютного обнищания Маркса, имеющая громадное значение при анализе борьбы двух тенденций в рабочем движении.

13. В работах некоторых историков-западников допущены ошибки правооппортунистического характера. В статье т. Зиновьева о германской с.-д. (БСЭ, т. XVI) прикрашивается довоенный центризм и тем самым недооценивается влияние оппортунизма накануне войны, затрудняется понимание причин краха II интернационала. В трудах т. Ротштейна (например, «История рабочего движения в Англии», 1925 г.), посвященных английскому рабочему движению, обйдено ленинское учение о социальных корнях двух тенденций в рабочем движении и выдвинута механистическая теория цен. Работы т. Волгина об истории социалистических

учений (например, «История социалистических идей», ч. I, 1923 г.) не пронизаны ленинской методологией, и все развитие социалистических идей рассматривается им вне связи с ходом классовой борьбы. Наряду с правыми ошибками в работах историков-марксистов имеются ошибки «левого» порядка. К ним может быть отнесена полутроцкистская характеристика мелкой буржуазии как части единого реакционного блока имущих классов, означающая по существу теорию изолированности пролетариата и находящаяся в резком противоречии с ленинским учением о резервах пролетарской революции, а также трактовка перерождения массового рабочего движения к 4 августа, искажающая вопрос о корнях III интернационала (Фридлянд, «Ист. Западной Европы», т. II). К ошибкам «левого» порядка относится и характеристика германской с.-д. как партии оппортунистической на всем протяжении ее существования (Бернштейн, в ст. о герм. с.-д., Миронов в работе о Каутском). Такой характер носят ошибки, сводящиеся к неправильной оценке «молодых» в статье Ривлина и Фейгельсона (в III томе «Книга для чтения») в свете борьбы Маркса и Энгельса за выпрямление политической линии германской с.-д. Запоздание с исправлением приведенных серьезных теоретических ошибок указывает на недостаточность самокритики, развертываемой историками Запада. Наличие этих ошибок говорит о насущной необходимости усиления борьбы на два фронта в исторической науке, в решительном выкорчевывании антиленинских концепций и отдельных ошибок.

14. Общее отставание и отмеченные серьезные дефекты в работе повелительно диктуют историкам Запада необходимость решительного и немедленного поворота во всей их работе. Поворот этот должен быть реализован во всей их работе. Поворот этот должен быть реализован большевистскими темпами, под лозунгом борьбы за марксистско-ленинскую методологию, под лозунгом борьбы с правыми и левыми ошибками, за более углубленное изучение и более интенсивное использование ленинского идейного наследия, за мобилизацию научных сил на боевую службу задачам строительства социализма в СССР, международного рабочего движения и Коминтерна.

15. В своей дальнейшей научно-исследовательской и популяризаторской работе историки Запада должны перенести центр тяжести на историю военной и послевоенной эпохи, выдвигая на первый план разработку актуальных проблем, связанных с текущими задачами партии и Коминтерна; историческая наука должна превратиться в остро отточенное оружие политической борьбы.

16. Исходя из поставленных задач, историки должны немедленно приступить к разработке следующих проблем:

1. История послевоенного революционного рабочего движения в капиталистических странах Европы и Америки, в частности, изучение богатейшего опыта германской, венгерской и испанской революций в связи с изучением тактики и стратегии компартии, опыта новых форм

организации масс, массовой политической стачки, вооруженного восстания и опыта гражданской войны.

2. История Коминтерна и разоблачение враждебных ленинизму концепций его истории. Опыт большевизации секций Коминтерна; борьба на два фронта, оценка люксембургизма, проблема борьбы за большинство рабочего класса.

3. Изучение мирового экономического кризиса.

4. Колониальная проблема и изучение нацистского революционного движения в колониях и полуколониях в послевоенную эпоху.

5. История фашизма.

6. История военной и послевоенной с.-д. псд углом зрения ее эволюции к социал-фашизму.

7. Изучение массовых крестьянских движений и восстаний.

8. Изучение мировой империалистической войны и истории послевоенных международных отношений.

9. История послевоенного профессионального движения.

Вся эта научно-исследовательская работа должна быть пронизана решительной борьбой с буржуазными и мелкобуржуазными оппортунистическими историческими концепциями.

17. Подчеркивая необходимость решительного поворота научно-исследовательской работы историков Запада в сторону наиболее актуальных проблем и значение проделанной дискуссией критической работы, необходимо одновременно со всей решительностью ударить по вульгаризаторской недооценке важности исторического изучения опыта классовой борьбы прошлых эпох: актуализация исторической науки, увязка теории с практикой отнюдь не исключают, а предполагают изучение исторического прошлого в свете задач современной борьбы пролетариата. Равным образом должны быть решительно осуждены попытки некоторых товарищей отмахнуться от проблемы качества нашей продукции и трактовать, вопреки прямым партийным директивам, задачу овладения техникой научно-исследовательской работы как нечто второстепенное, якобы только излишне осложняющее борьбу за решительный поворот на историческом фронте.

18. Для успешности выполнения намеченного поворота необходимо:

а) увязать в соответствующих частях производственные планы научно-исследовательских институтов и обществ с теоретическими проблемами, выдвигаемыми Профинтерном и Коминтерном;

б) ввести ответственных работников Коминтерна и Профинтерна в руководящие органы ин-тов истории, привлечь этих товарищей к участию в научно-исследовательской и преподавательской работе ин-тов;

в) поставить систематическую разработку и популяризацию ленинского наследия;

г) немедленно приступить к организации библиографических работ, а также выявлению систематизации и изданию документальных материалов послевоенной эпохи; в связи с этим необходимо добиваться упорядочения архивов Коминтерна и Профинтерна;

д) немедленно организовать работу по составлению новых политически выдержанных учебников, в первую очередь по общей истории послевоенной эпохи, по истории Коминтерна и социал-фашизма, а также по созданию массовой пропагандистской литературы для западно-европейских и американских рабочих;

е) обеспечить широкое применение методов большевистской самокритики, решительный переход к коллективным методам работы на началах социализма и ударничества;

ж) провести плановое начало в работе отдельных исторических ин-тов и увязку их работ в одном общем плане в целях максимального устранения параллелизма; эта увязка должна найти свое завершение в создании перспективного плана, охватывающего все научно-исследовательские ин-ты СССР;

з) согласовать план работ исторических ин-тов с такими учреждениями, как Институт мирового хозяйства и мировой политики, Институт философии, Централархив и т. д.;

и) привлечь достаточные кадры историков-коммунистов, в частности, аспирантов, к систематической работе в БСЭ и комиссии по изданию документов мировой войны;

к) принять меры к консолидации всех подчиненных марксистских сил, занимающихся историей Запада в капиталистических странах; в ближайшем будущем необходим созыв международной конференции историков-марксистов;

л) добиться большей актуальности статей в «Историке-марксисте», приняв меры к дальнейшему расширению его информационного, обзорного и библиографического отделов;

м) провести ряд конференций по проработке отдельных проблем, связанных с эпохой империализма, и

н) в области подготовки кадров: 1) проводить линию на максимальное орабочение аспирантуры, добиваться значительного увеличения кадров историков (путем увеличения набора аспирантов, развития исторической специализации в соответствующих вузах, развития заочного обучения и т. п.); 2) принять решительные меры к повышению научной квалификации аспирантуры; обеспечение достаточно широкой исторической подготовки и овладения техникой исторического исследования, постановка на надлежащую высоту изучения иностранных языков, обязательная производственная практика в Централархиве, Ин-те Маркса, Энгельса и Ленина, в соответствующих отделах Коминтерна и Профинтерна, предоставление достаточного количества заграничных командировок оканчивающим институты по западному сектору.

Учитывая итоги настоящей дискуссии, президиум Коммунистической академии призывает всех историков Запада к консолидации своих сил, к быстрейшему приведению указанных решений, к обеспечению большевистских темпов в работе, к развертыванию самокритики, к повышению качества работы и к действительной реализации поворота на фронте истории Запада к актуальным научным проблемам.

БЕСЕДА С НОРВЕЖСКИМ ИСТОРИКОМ А. ОРДИНГОМ

СССР посетил норвежский историк А. Ординг, председатель инициативной группы историков-марксистов, автор недавно вышедшей на французском языке книги «Полиция Комитета общественного спасения». Книга посвящена характеристике террора в эпоху Великой французской революции и написана на основании новых архивных материалов. За эту книгу Ординг получил стипендию из нобелевского фонда и оставлен при университете в Осло. Ординг решил свой курс посвятить истории рабочего движения, в частности, I Интернационалу. Цель его приезда в Москву состояла в том, чтобы проработать материалы по истории Интернационала, имеющиеся в Институте Маркса и Энгельса, изучить состояние исторической науки в СССР и войти в непосредственную связь с историками-марксистами.

В беседе с нашим сотрудником Ординг охарактеризовал следующим образом положение исторической науки в Норвегии.

— Положение исторических наук вообще обусловлено общим политическим и социальным состоянием страны. В течение XIX в. в Норвегии шло сильное национальное движение, связанное с ростом национальной индустрии. Это национально-демократическое движение было пестрым по своему составу, и сообразно с этим по своим целям частью оно было направлено против Швеции, частью против правящих классов. Только в обстановке национального движения можно правильно понять развитие буржуазной культуры, давшей в литературе Гамсуна, Ибсена, Бьернсена, в музыке — Грига. Это национально-объединительное движение определяло задачи и тематику исторической науки.

Все старые крупные буржуазные историки были сторонниками независимой самостоятельной Норвегии¹. Ос-

новной проблемой, над которой они работали, был вопрос о причинах утери Норвегией самостоятельности. Наиболее видным представителем старой либеральной школы был Сарс (Sars). Норвегия погибла потому, что превратилась в типично аристократическую страну, где правящие классы утратили связь с крестьянством. В первый же период своего развития Норвегия представляла демократическую монархию, где король в союзе с крестьянами боролся против старого дворянства. Основными источниками, над которыми работал Сарс, были саги — старые народные сказания.

С критики этих источников и начали представители новой школы, главой которой является Кут, отражавший демократическое крыло национального движения. Кут доказал, что саги не могут быть сколько-нибудь надежным историческим источником. Критике подверглось также все построение относительно-демократической монархии. Кут и другой видный историк Буль — члены норвежской рабочей партии (Буль — один из ее руководителей). Буль в частности чрезвычайно подчеркивает необходимость изучения экономической истории, чрезвычайно скептически относится к писанию политической истории. Новые историки вводят вопрос о роли классов в истории. Однако они подчеркивают только эволюционную, а не революционную роль классов в истории. Один класс растет, развивается, замещает другой класс, не уничтожая его.

Так, Кут подчеркивает, что политическая демократия и государственное единство в Норвегии победили без вооруженной борьбы. Они не понимают соотношения между диктатурой и демократией.

Историков-марксистов Норвегии немного, но за последние два года выкристаллизовалась самостоятельная группа в 8—10 чел., преимущественно мо-

¹ Об отделении Норвегии от Швеции см. т. XIX собр. соч. Ленина.

лдых (в возрасте 24—30 лет), ведущих уже самостоятельную научную работу или сейчас к ней приступающих. Историки тесно связаны с экономистами марксистами; в целом вся эта группа насчитывает около 30 чел. Кружок работает сейчас над переводом на норвежский язык «Капитала» Маркса в 12 выпусках; три уже вышли из печати и должен уже выйти четвертый. Кроме того будет издан рабочий словарь (нечто вроде энциклопедии), для которого используется Большая советская энциклопедия. В составе группы есть несколько человек, знающих и изучающих русский язык. Группа подвергается резким нападкам со стороны с.-д. и норвежской рабочей партии (отколовшейся от Коминтерна). Мы не считаем марксистами ни Кута, ни Буля.

Норвежской компартии мы помогали в проведении кампании по поводу так называемых «религиозных преследований» в СССР. Мы вели активную борьбу за Советский Союз. Один из диспутов, на который мы привлекли и священника, был триумфом для нас.

Мы считаем необходимым тесно связаться с историками-марксистами СССР прежде всего путем полного взаимного ознакомления, установления литературной связи и т. д. Я считаю, — заявил Ординг, — что создание какого-либо международного объединения историков-марксистов было бы желательно, но инициатива должна идти, разумеется,

от СССР, где историки-марксисты сильнее всего.

Ординг является учеником французского историка Матьеза, антисоветским выпадам которого в нашем журнале было уделено место. В беседе он сделал следующее заявление о своем отношении к выступлениям Матьеза.

— Я работал под руководством Матьеза, — многому у него научился и ценю его сейчас как историка. Но это не означает, что можно в какой-либо мере согласиться с ним в его отношении к СССР. Для меня ясно, что диктатура должна защищаться. То ценное и положительное, что было дано Матьезом, может быть использовано и продолжено лучше всего именно здесь, в Советском Союзе. Точно так же для меня очевидно, что наука в СССР должна работать так, чтобы служить общим целям социалистического строительства.

Книга Ординга встретила живейшее одобрение и похвалы Матьеза. Осуждение Ордингом антисоветской позиции, занятой сейчас Матьезом, является показателем того расслоения, которое происходит среди научной молодежи на Западе, часть которой все сильнее начинает испытывать влияние марксизма.

В ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

Развертывание работы Общества требовало выбора такого звена, которое помогло бы перестройке всей работы. Таким звеном являются секции Общества. Для развертывания их работы с осени этого года оказался необходимым пересмотр их руководящего состава. Президиумом были выделены организационные тройки, задачей которых являются создание актива секции, выработка плана работы и проведение перевыборов бюро. После выполнения этих задач начнется интенсивная и планомерная работа секции.

Наступившее летом затишье заставило перенести на осень начатую было кампанию по итогам дискуссии о положении на западно-историческом фронте. В период до 15 октября будут проведены доклады по вузовским и комвузовским ячейкам Москвы и ряд товарищей выедет с докладами в местные отделения Общества.

Президиум Общества обратился ко всем отделениям с письмом, которое намечает конкретные мероприятия по реализации поворота на историческом фронте в осуществление лозунга т. Сталина о работе по-новому. Необходимо перестройка рядов Общества таким образом, чтобы обеспечить неустанную борьбу за генеральную линию партии против оппортунистических искажений в исторической литературе, борьбу против буржуазных теорий — за большевистскую партийность в исторической науке. Задача Общества — возглавить работу по-новому, бороться за качество, ввести плановое начало и методы социализации и ударничества в работу секций, отделений и ячеек содействия.

Планы секций и отделений Общества должны строиться по линии актуализации тем, что обеспечит ликвидацию отставания исторического фронта. На должную высоту должна быть поставлена в первую очередь работа ведущих секций: по истории империализма, истории Коминтерна и истории народов СССР. Каждая секция центральной задачей плана своей работы должна поставить изучение ленинского наследия и издание ряда сборников, систематизирующих ленинское наследие в данной области исторической науки.

Планы работ секций и отделений Общества должны учесть основные вопросы, стоящие перед историческим фронтом в целом, а именно:

а) история гражданской войны и интервенции (для отделений Общества — история гражданской войны и интервенции в данном районе); б) история народов СССР с точки зрения создания вех для исторической схемы каждого народа, а также с точки зрения разработки методологических основ изучения истории народов СССР; в) пятидесятилетие Октября и история пролетариата за пятнадцать лет революции (история фабрик и заводов); г) проблемы мировой войны и международной политики империализма; д) закон неравномерного развития капитализма в эпоху империализма и прорыва слабого звена в определенной исторической ситуации; е) проблемы истории ВКП(б); ж) история Коминтерна и з) история техники (в частности история промышленного переворота).

Отделения должны составить планы своей работы, а также собрать к пленуму совета Общества, который состоится в ноябре, материалы о положении на историческом фронте в своей области. На повестке дня пленума стоят вопросы о задачах Общества в связи с положением на историческом фронте, о плане работы Общества, истории гражданской войны, пятидесятилетия Октября, срочные вопросы и доклады совета Общества.

Задачей отделений и Общества в целом является подготовка ко второму всесоюзному совещанию научных работников и преподавателей истории ВКП(б), ленинизма и Коминтерна, которое намечается на январь 1932 г. К пятидесятилетию Октябрьской годовщины президиум организовал сбор материалов, разрабатывается план издания брошюры к юбилею. Помимо этих мероприятий Общества, президиум занят координацией планов проведения юбилея историческими учреждениями.

Президиум предлагает на ближайших собраниях отделений обсудить решения ЦК о начальной и средней школе, об издательской работе и о марксистско-ленинском просвещении и наметить конкретные мероприятия по вопросам преподавания истории в школе, издания исторической литературы и участия историков-марксистов в постановке марксистско-ленинского просвещения.

В связи с решением ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» президиум признал одной из центральных задач Общества и его отделений на местах всемерную помощь изданию путем непосредственного участия специалистов историков в издании, собирании и обработке документов и материалов (см. постановление, напечатанное в № 5 «Борьбы классов»).

При президиуме создана комиссия содействия изданию «Истории гражданской войны» в составе тт. Лурье, Костомарова, Татарова, Кина, Максакова, Манилова и Серебрянского. Такие же комиссии должны быть созданы и в отделениях Общества на местах. В настоящее время Общество располагает значительным количеством заявок о выполнении того или иного задания по истории гражданской войны и президиум принимает меры к получению заявок от всех членов Общества. Президиум Общества принял решение по вопросу об «Истории фабрик и заводов», в котором указывается, что монографическое изучение промышленных предприятий является одной из первоочередных и ударных работ. Для этой работы мобилизуется ряд членов Общества в Москве и провинции. Секция истории пролетариата должна через прессу информировать широкие массы о проделанной ею работе и приступить к развертыванию сети ячеек содействия Обществу на предприятиях, которые (ячейки) объединили бы партийный и профессиональный актив ударников, активных участников Октябрьской революции и гражданской войны, преподавателей заводских школ, студентов и аспирантов вузов и комвузов, прикрепленных к предприятиям. Члены этих ячеек должны стать основными кадрами для составления монографий, а также должны привлекаться к вспомогательной научной работе по подбору и систематизации материала. На предприятиях должны быть организованы постоянные консультации историков при парткабинетах, а также исторические семинары. Работа на предприятиях должна широко освещаться в «Борьбе классов». Материалы научно-исследовательского характера будут помещаться в специальном отделе журнала «История пролетариата» — «История фабрик и заводов». Секция истории пролетариата намечает к 1 января произвести смотр работы ячеек содействия на предприятиях.

Перед Обществом стоит задача значительного расширения своей организационной базы. Необходимо создание новых ячеек содействия — главным образом на крупных фабрично-заводских предприятиях. В настоящем году для развертывания их работы имеется наиболее благоприятная почва. Выполнение заданий по истории гражданской войны, истории фабрик и заводов, подготовке к пятидесятилетию Октябрьской годовщины даст возможность сплотить вокруг ячеек актив не только в вузах и комвузах, но и на фабриках и заводах. Теперь не может быть уже разговоров о неопределенности содержания работы ячеек содействия на предприятиях. Это содержание работы не является надуманным, а создается самой жизнью. Примером может служить ячейка содействия при Архиве Октябрьской революции. Работая над революционными архивами крупнейших заводов Замоскворечья «Красный пролетарий» (б. Бромлея) и завод им. Калинина (б. Добровых и Набольца), ячейка нашла нужные методы работы, связавшись с самими заводами, вынося туда их революционное прошлое. Некоторые материалы печатаются в стенках, вокруг работников нашей ячейки сплотились старые рабочие, участники революционной борьбы, и молодежь. Для развертывания работы есть богатая почва.

М. Захарова

В СЕКЦИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

Секция истории народов СССР Института истории Ком. академии — самая молодая секция Института. Она возникла только в марте месяце 1931 г.

За время своего существования Секция была занята разработкой двух проблем: 1905 года у народов СССР и выявлением и борьбой с великодержавническими и националистическими течениями в историографии народов СССР. Из прошедших через Секцию докладов по 1905 г. предполагается собрать особый сборник и подготовить его к печати.

План на 1932 г. в связи с 15-летней годовщиной Октябрьской революции строится с упором на разработку проблем Октября и гражданской войны у народов СССР.

С этой целью Секция в своем составе организует в первую очередь группы по Кавказу, Сибири, Уралу, которые, связавшись с местами и укомплектовавшись московскими работниками, в частности слушателями ИКП, должны будут приступить к разработке вопросов Октября и гражданской войны в первую очередь у тех народов, у которых они менее всего разработаны.

В итоге работ по этой линии предполагается выпуск к годовщине Октября сборника «Октябрь и гражданская война у народов СССР». В 1932 же г. предполагается выпуск и второго сборника «Против великодержавничества и национализма в истории народов СССР». Кроме того, предполагается постановка в секции ряда докладов по Октябрю, гражданской войне

и по вопросам колониальной политики царизма с тем, чтобы наиболее актуальные из них выпустить отдельными монографиями.

Секция предполагает также с 1932 г. начать библиографические работы по истории народов СССР.

В целях увязки с местами и привлечения местных историков-марксистов к своим работам—Секция разослала на места предварительный план на 1932 г. с предложением местным работникам включиться в выполнение плана Секции в качестве внештатных сотрудников Секции. С этой же целью было проведено совещание московских товарищей, работающих над историей народов СССР.

Создание научно-исследовательского ядра в центре, связанного с местами и совместно с ними по-ленински ставящего и разрабатывающего вопросы истории народов СССР, в первую очередь народов исторически мало изученных,—основная задача секции, которая должна быть решена при помощи исторической общественности народов СССР и в первую очередь общества историков-марксистов.

А. ТАХО-ГОЗИ

В АКАДЕМИИ НАУК СССР

Археологическая комиссия Академии наук СССР выпустила II том «Крепостной мануфактуры», посвященный истории заводов и рабочих в XVII в. Кроме того вышел III том, посвященный крепостной промышленности г. Москвы (Хамовники) XVII в.

КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ „БОРЬБА КЛАССОВ“ И КАК ПОСТУПИТЬ В СЛУЧАЕ НЕПОЛУЧЕНИЯ ЖУРНАЛА

Подписаться на журнал «Б о р ь б а К л а с с о в» можно всюду: на почте, у письмоносца, на заводах и фабриках, в учреждениях и организациях, где имеются местные сборщики подписки или уполномоченные, выделенные в порядке общественной нагрузки (общественные распространители). Подписку можно сдавать в киоски «Союзпечати» (в городе и на вокзале), а работники транспорта помимо всего этого могут сдавать подписку уполномоченным «Гудка», имеющимся во всех ж.-д. организациях.

Ни в коем случае не следует направлять подписку переводом непосредственно в издательство или в редакцию, так как вся подписка сосредоточена теперь исключительно на почте. Переводы, попадающие в издательство, также передаются почте, а это значительно замедляет исполнение подписки.

Почта принимает подписку до определенного числа месяца с таким расчетом, чтобы подписка могла быть доставлена в Московский газетно-журнальный почтамт не позднее 27-го числа. В зависимости от этого местная почта назначает для приема подписки свой предельный срок. Подписка, поступившая на почту после этого

срока, переносится на следующий месяц. Поэтому необходимо подписку сдать заблаговременно и ни в коем случае не позднее срока, установленного местной почтой.

Необходимо иметь в виду, что чем долгосрочнее будет подписка, тем будет меньше задержек в выполнении подписки и перебоев в регулярной доставке изданий. Поэтому рекомендуется подписываться сразу на более длительный срок, примерно на год или полгода. В случае неполучения издания следует сейчас же обращаться в то почтовое учреждение, которое доставляет журнал или газету. Почта обязана удовлетворить жалобу подписчика в течение 48 часов и в случае возможности немедленно выдать подписчику неполученный номер журнала (газеты). Прохождение жалобы подписчик может проконтролировать по копии своей жалобы, которая остается на почте. Если на местной почте нельзя добиться удовлетворительного результата по жалобе, то подписчик может обратиться со своей жалобой в центральное бюро жалоб (Москва, Мясницкая, 26).

Постановлением Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКК СССР от 7 мая с. г. за несвоевременную доставку изданий подписчикам установлена строгая ответственность лиц, ведающих экспедированием печати.

Подписная цена: 1 год—10 руб., 6 мес.—5 руб. 50 коп., 3 мес.—3 руб.

Редакционная коллегия: В. Дашин, Х. Лурье, П. Мехлис, А. Панкратова (отв. секретарь), М. Н. Покровский (ответ. редактор), Н. Н. Попов, Ем Ярославский (зам. ответ. редактора).

Уполн. Главлита В—13.437 Издатель: Журнально-газетное объединение. Вып. Б. Шнейдер.

Отп. в „Интернациональной“ (39) тип. «Мособлполиграф», Москва, ул. Скворцова-Степанова, 3. Зак. 1454. Тираж. 15.000. Ст. Ат Б, 176×250 мм ¹/₁₆ д. л. Общ. число печ. знаков 150.000. Издание № 127. Журнал сдан в набор 14 октября. Подписан к печати 2 ноября 1931 года.